

ИЮНЬ '88

12 СМЕНА

Александр Мильчаков. Воспоминания

Стихи и проза Эдуардаса Межелайтиса

Новые недовольные — чем? Фотоочерк

Дмитрий Урнов. Жизнь Байрона

«Асса». Два мнения

"ПИСАТЬ ВСЁ-ТАКИ"

Александр Мильчаков.
В четырнадцать лет — член Социалистического Союза рабочей молодежи. В шестнадцать — большевик. В 1919-м его избрали секретарем Пермского губкома комсомола, а вскоре секретарем Сиббюро ЦК РКСМ.
Популярность Мильчакова среди молодежи росла с каждым годом. В 1928 году его избирают Генеральным секретарем ЦК ВЛКСМ. С 1931 года он на ответственной партийной работе в аппарате ЦК ВКП(б). С 1932-го по 1938 — на руководящей работе в золотодобывающей промышленности СССР. В конце 1938 года он арестован по клеветническому обвинению. Почти шестнадцать лет — в Норильском и Магаданском лагерях... В 1954 году А. И. Мильчаков полностью реабилитирован.
...Я часто просматриваю большой семейный архив, сохранившийся у нас в доме после дедушкиной кончины. В ящике письменного стола среди других документов хранится толстая общая тетрадь в коричневом переплете. Это неопубликованная рукопись Александра Ивановича, над которой он работал в 60-х годах. На одной из страниц такая запись:
«Когда приходится иной раз поделиться с близкими товарищами или родными людьми «кусочками» воспоминаний о пережитом, слышишь замечания: тебе подобные события, встречи, сцены надо записать... — Но ведь они не будут опубликованы! — Пусть. Оставь их для будущих исследователей, для внуков... — Значит, писать все-таки надо!..»

С разрешения семьи я взяла на себя смелость подготовить публикацию из неизвестных записей Александра Ивановича Мильчакова.

Наталья МИЛЬЧАКОВА,
 слушатель Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ

Александр Мильчаков. 1922 год.

24 апреля 1954 года я был полностью реабилитирован и смог вернуться в Москву. С тех пор, как я ее «покинул», минуло без малого 16 лет. Я был арестован в день рождения Сталина в декабре 1938 года по ордеру, подписанному Берия и Вышинским и по официальной санкции Л. Кагановича, бывшего тогда народным комиссаром тяжелой промышленности и секретарем ЦК партии.

Военной коллегией Верховного Суда СССР я был осужден сроком на 15 лет заключения с последующим поражением в правах на 5 лет. После осуждения в мае 1939 года этапирован в Норильский заполярный лагерь. Во время этапа два месяца мы находились под Красноярском на пристани в Злобине,

где загружали баржи грузами для Норильского строительства. Осенью работали грузчиками в порту Дудинка. В октябре нас перевели в Норильск, где я попал в бригаду подземных рабочих на угольную шахту «Шмидтиха» откатчиком.

5 ноября нас в числе 20 человек, в морозный день, пешком отвели в штрафной лагерьный пункт «Коларгон», находившийся в тундре в 18 километрах от Норильска, чтобы там расстрелять.

В числе обреченных на казнь были: сопроцессник Димитрова по Лейпцигскому процессу, бывший секретарь ЦК Болгарского комсомола и член Политбюро Болгарской компартии Благой По-

пов, заместитель наркома пищевой промышленности СССР Чигринцев, член коллегии Наркомфина СССР Петр Четвериков, начальник Главного управления соляной промышленности СССР Никита Куликов, посол СССР в Румынии Островский, консул в Скандинавских странах, бывший ранее секретарем губкома комсомола на Волге Владимир Фишер, бывший первый секретарь Ереванского горкома партии Абель Ордуханян, бывший секретарь Казанского горкома партии Абдулла Юнусов, профессор истории Сергей Дубровский, профессор права Леонид Гинзбург, профессор права Петр Климов и другие.

Две недели мы ждали расправы. От нас этого особенно и не скрывали. У нас отобрали одежду, одели в тряпье. Нам предложили заказать перед смертью «пожрать и накуриться вдоволь», послали в Норильск подводу за продуктами и табаком. У меня и Куликова личных денег нашлось только на пачку махорки и пачечку курительной бумаги... Приставленный к нам в помощь охране и лагерной администрации комендант из уголовников узнал меня. Он был в Невьянске на Урале старостой старательской артели, когда я в 1937 году посещал невяньские золотые прииски. Комендант сказал мне на ухо: «Батя, вас привезли «на шлепку», мне это точно известно...» И сунул мне в карман бушлата пачку папирос.

Спас нас начальник Норильского строительства и лагеря А. П. Завенягин. Он выждал две недели, а потом вразрез с «директивой центра», под свою ответственность приказал вернуть нас в Норильск. Эта готовившаяся бессудная расправа над нами вызвала много разговоров в лагерях, производительность труда в бригадах заключенных упала.

В Норильске с конца ноября нашу бригаду бросили на земляные работы — копать котлованы под фундаменты большого металлургического завода. Многие товарищи погибли в Норильске от аварий, цинги, абсцесса легких, от непосильного физического труда...

В 1948 году из Норильска (через Москву) я был переброшен в Магадан.

Об этой поездке — самолетом и в мягком вагоне — в дальнейшем я расскажу подробно. Привезли меня тогда в Москву по велению Сталина. И увезли через три месяца в Магадан тоже по вмажу сталинской руки. Берия доложил Сталину, что Мильчаков «ничего не понял, хотя и отсидел десять лет, — себя считает ни в чем не повинным, а виноватыми посадивших его». Сталин тогда махнул рукой...

В Магадане я попал в лагерь для каторжан. Заключенные в этом лагере находились на тюремном режиме, на одежде носили номера: на спине, на

стал его «смущать», да и «в комнате пошеванного не говорят о веревке»...

А в Главниркобольте получили назначение Паниюков и Зверев, работавшие в Норильске, когда я там сидел в лагере. «Зачем мне идти в главк, где будут хозяйничать начальники лагеря, в котором я сидел долгие годы?»

В ЦК со мной согласились. И по моей просьбе дать мне работу, связанную с воспитанием молодежи, направили в Главное управление трудовых резервов при Совете Министров СССР на должность начальника Управления политико-воспитательной работы, где я и проработал год. Много ездил, посещал учебные заведения, страшно волнуясь, заново привыкая к трибуне, к публичным выступлениям.

Как-то днем раздался телефонный звонок:

— Здравствуй, Саша! Говорит Фадеев.

— Какой Фадеев?
— Нехорошо, друг, не узнавать. Как-никак я отгрохал «Молодую гвардию»...

— А, здравствуй, дорогой. Рад слышать твой голос. Откуда?

— Из бюрократической канцелярии Союза писателей. Приехал на заседание секретариата. На днях заеду за тобой. Мы уедем ко мне за город и хорошо поговорим. Ох, есть о чем поговорить, милый ты человек!

— Я очень, очень рад, Саша, быть твоим гостем...

— Я звоню тебе, чтобы сказать: это — счастье, что ты жив. Недавно за городом я встречался с Молотовым и Ворошиловым. Заговорили о тебе. Отзывались с похвалой. Ворошилов рассказал, что ты вернулся, что он подпisyвал Указ о возвращении тебе ордена. Молотов вспоминал, как при поездке на Урал в 1938 году играл с тобой в вагоне в домино и ты не раз выигрывал... Вспоминать-то вспоминали и отзывались с похвалой, а встретиться до сих пор не удалось. Ты бы им рассказал «почем фунт лиха». Стыдно им должно быть, если стыд они вовсе не утратили...

— Саша, дорогой! Встретимся, поговорим...

— Обязательно встретимся. Мне надо видеть тебя, слушать тебя и самому выговориться. А они, вожди, с позволения сказать, так и не пожелали встретиться, а ведь отлично знают, что ты вернулся, лечился и стал теперь работать где-то с ремесленниками и фабзавучениками.

Фадеев прибавил к этим словам резкую характеристику поведения Молотова и Ворошилова, что им, видно, не по душе возвращение людей «с того света», людей, к расправе над которыми они приложили руку.

Не пришлось нам с Фадеевым встретиться. В марте 1956 года я лежал пластом в Кремлевской больнице после повторного инфаркта. Оказывается, этажом ниже лежал Фадеев. Я пробыл в больнице до июня. Фадеев оборвал свою жизнь сам...

В начале февраля 1956 года меня пригласил в Кремль А. И. Микоян.

Около шести часов. Иду по коридору резиденции правительства. Прохожу мимо двери с дощечкой: «Л. М. Каганович». Мелькнула мысль: вот бы открыть дверь и сказать этому трубадуру культа личности, этому иезуиту и политикану, пославшему на пытки и казни тысячи честных людей: «Вернулись с того света жертвы произвола, они станут твоими обвинителями...»

Вхожу к Микояну. Анастас Иванович устремляется навстречу, крепко обнимает, целует.

— Мы запрашивали чекистов, нам сказали — ты расстрелян, тебя давно нет в живых. А вчера у меня были товарищи, сказали: Мильчаков вернулся из заключения и работает где-то нормировщиком на стройучастке...

— Это в Магадане я был нормиров-

щиком на стройучастке, а здесь — я начальник Управления воспитательной работы в главке трудовых резервов...

— Сколько человек в твоём управлении?

— Двадцать вместе со мной.

— Нашли работу для Мильчакова, — рассмеялся Микоян.

— Мы говорили с Хрущевым о твоём возвращении. Почему сразу, как вернулся, не пришел к нам в ЦК, даже не позвонил?

— После всего происшедшего не хотел быть навязчивым. А сейчас вдвойне рад вашему приглашению встретиться.

— Чем тебе помочь? Как семья, все ли живы, здоровы? Как здоровье жены? Я ее помню еще по Ростову, когда вы поженились.

— Ничего не надо, все в порядке, мне вернули партбилет, орден, дали квартиру, помогли с лечением, теперь я работаю.

И тут я перешел к главному в нашей беседе:

— Скажите, с чем вы, ЦК, идете на партийный съезд? Будет ли опубликовано «Завещание Ленина»? Сталин спрятал «Завещание Ленина», неужели вы не скажете съезду обо всем?

— Это не так просто. При Сталине было принято решение, по которому сейф, где хранится «Завещание Ленина», может быть вскрыт при условии единогласного об этом решения ЦК. Хрущев поставил этот вопрос. Пока единогласия не получилось. Есть в президиуме ЦК люди, которые как огня боятся правды о Сталине...

— Вместе с вами, Анастас Иванович, я был на XIII съезде партии. Дальше откладывать оглашение завещания Ильича было нельзя. И тогда «Завещание Ленина» читалось на собраниях делегаций. Помните, как это было?

— У тебя хорошая память, — заметил Микоян. — Но учти, на съезд соберутся люди, в большинстве воспитанные и выдвинутые при Сталине. Это не ты и не я. Подавляющее большинство ленинских кадров партии уничтожены при Сталине...

— А вопрос о произволе и попрании ленинских принципов Сталиным и его приспешниками все равно ставить надо. Без этого не может быть движения вперед. Я работаю всего один год, а ездил во многие города и встречался со многими людьми. Речь идет о том, что надо заново восстановить доверие к руководству...

— Восстановить доверие? Ты так ставишь вопрос? Разве массы нам не доверяют? — быстро реагировал Микоян.

Мне не хотелось нарушать установившийся контакт и взаимное понимание в беседе. Я поспешил поправить себя: — Ну хорошо. Пусть не восстановят, а вновь укрепить доверие к руководству. Ведь неоспоримо, что в тяжкие годы сталинского культа и бесконечного произвола доверие к руководству было подорвано. Сталин держал массы в страхе и трепете. А сам создавал себе опору в выдвинутых им кадрах, задаривал их премиями, постами, наградами, подкупал их материальным благополучием — дачами, автомашинами, роскошными квартирами, непомерно высокой заработной платой. Ну к чему теперь, к примеру, сохранять эти «сталинские конверты» со второй зарплатой, с которой даже партийные взносы не берутся?

Есть у нас Молдавское управление трудовых резервов. В нем всего тринадцать учебных заведений. А заместитель начальника по воспитательной работе, кроме оклада, который и без того превышает размер зарплаты квалифицированного инженера, получает еще «конверт», еще второй оклад, так заведено. Зачем?

Микоян рассказал, что Хрущев собрал высококое совещание и поставил вопрос о ликвидации «конвертов» и высоких окладов.

— Ты бы видел, какую бучу подняли высокопоставленные деятели! Они, видишь ли, считают, что Хрущев идет в хвосте «отсталых настроений масс». Сталин дал, а Хрущев хочет отнять. Но должен тебе сказать, Хрущев — очень упорный человек. Все равно этот вопрос будет решен. Для начала мы срежем «конверты» напополам, а потом отбросим совсем.

Микоян рассказал о ряде мер, полученных после съезда свое решение. Речь шла о подтягивании заработной платы низкооплачиваемых тружеников, о сокращении рабочего дня, о прекращении выпуска займов за счет средств трудящихся, о постепенном снижении налогов. Затем Микоян остановился на вопросе о ликвидации последствий беззаконий и репрессий, творившихся при Сталине.

— Президиум ЦК создал комиссию для выяснения вопроса: куда девался съезд победителей, Семнадцатый съезд партии? Ведь не случайно две трети делегатов съезда и Центрального Комитета были перебиты Сталиным. Я возглавляю еще одну комиссию по ускорению процесса реабилитации людей, томившихся до сих пор в лагерях и в ссылке. Мы решили послать во все лагеря комиссии центра. Пусть быстро рассмотрят на месте дела всех живых, пусть освободят всех невинных. А чтобы сделать это вернее, включим в каждую комиссию по одному реабилитированному товарищу. Как ты, войдешь в такую комиссию? Вас уж никто не обманет!

Микоян упомянул, что ЦК создавал комиссию по вопросам реабилитации некоторое время тому назад. Комиссия не выполняла поручения, в ней были люди, заинтересованные не в реабилитации невинных людей, а в замазывании преступлений прошлого.

Тут я поднял вопрос, который меня мучил:

— Вы сами сказали, Сталин сколачивал свои кадры, свою опору. Эти кадры остались, они сидят в аппаратах в центре и на местах. Они будут саботировать новое, сопротивляться, мешать скорейшему восстановлению ленинских норм жизни партии и государства...

Микоян поспешил заявить: «Это не страшно. Преодолеем. Ты не знаешь, а мы выгнали из МГБ и МВД ряд генералов и полковников, бериевских последышей, некоторых исключили из партии, отдали под суд».

Мне до сих пор кажется, что Микоян понял меня, но не стал углублять этот большой вопрос. Тем более тогда и Хрущев, и Микоян не отважились на смелое и последовательное обновление и омоложение кадров, прежде всего партийного аппарата.

— Скажи, тебе партийный стаж восстановили с указанием перерыва? — спросил Микоян.

— Да, с перерывом, — ответил я.
— Это же неправильно! — воскликнул Микоян.

— Конечно, неправильно, но так велели вы сами, Президиум ЦК. Хотя эту установку вы сами и нарушаете. Вы велели не указывать перерыва в стаже двум моим хорошим знакомым — Снегову и Шатуновской. Между тем они, как и я, как и другие реабилитируемые товарищи, не по своей вине были оторваны от партии и находились в этом отношении совершенно в одинаковых условиях с другими.

Микоян предложил мне завтра же дать ему заявление в ЦК по этому вопросу, адресованное Н. С. Хрущеву, что мною и было выполнено.

Говорили мы еще о воспитании молодежи, о том, что культ Сталина тяжело отразился на работе комсомола.

Анастас Иванович очень тепло отзывался о Хрущеве, его энергии и желании отдать все силы восстановлению ленинских норм партийной жизни.

Микоян вернулся к вопросу о моей работе в Главном управлении трудовых резервов, со смехом спрашивая:

— Так ты, стало быть, и художественной самодеятельностью фабзавучеников тоже занимаешься?

Я ответил, что с охотой занимаюсь и этим делом.

— Пройдет съезд, встретимся снова. Мы с Хрущевым уже говорили об этом. Решим вопрос о настоящей работе. А на съезде ты будешь...

Он позвонил. Явился его главный секретарь Барабанов.

— Узнаешь Барабанова? Седой стал совсем. Барабанов — единственный уцелевший референт у членов Политбюро ЦК. Пережил все невзгоды. Видишь какой!

Микоян ласково улыбнулся.

Когда мы расставались, он передал привет Марусе.

Недели через две я был вызван в ЦК, в организационную комиссию по подготовке XX съезда. Мне было сказано, что я получу билеты на все дни съезда. Билет на первый день был вручен тут же. Расписался в получении билета я в отдельном списке. Там было только пять фамилий реабилитированных товарищей: Шатуновская, Чудинова, Осипов, Снегов, Мильчаков. Вскоре настали волнующие дни съезда.

Микоян был прав: на съезде из 1200 делегатов только человек восемьдесят были со стажем до 1920 года. Я как-то сиротливо смотрел по сторонам. Это хорошо, когда растут новые кадры партии. Но как же выкосил Сталин старую ленинскую гвардию!

В перерыве встретился с Артюхиной, Гопнер и Вишняковой. Растроганно обнялись, расцеловались. Вижу бывших членов ЦК Ростовчина, Кривова, Богданова. Мало, мало.

Ночью, перед последним днем съезда, меня «хватил» второй инфаркт. О предстоящем докладе Хрущева я знал. Знал, что он будет говорить специально о культе личности Сталина и о ликвидации последствий культа. Рассказывали мне потом, какое потрясающее впечатление произвел доклад Хрущева и оглашенные им документы. А ко мне уже являлись только врачи.

В больнице меня навестила Оля Шатуновская, рассказывала о докладе Никиты Сергеевича.

Алексей Снегов притащил красную книжечку с докладом Хрущева, и я с несказанным волнением читал стенограмму, пряча ее от врачей и от Маруси, которые знали одно: «большого нельзя волновать». Я читал, волновался и радовался торжеству справедливости и развенчанию неслыханного злодея.

С осени 1956 года я был вынужден по совету врачей оставить работу и уйти на пенсию. Тогда же и Марусе, как и мне, установили персональную пенсию. 1957 год я целиком посвятил созданию книги «Первое десятилетие». До выхода книги в 1959 году ее основное содержание было напечатано в журнале «Юность» в №№ 4, 5, 6 за 1958 год. Книгой своих воспоминаний о комсомоле первого десятилетия я хотел выполнить свой партийный долг — воздать должное памяти многих погубленных в годы сталинского произвола товарищей и вместо безликой истории, писавшейся в угоду Сталину, дать очерк правдивой истории комсомола. В моей книге названа не одна сотня имен, среди которых девяносто реабилитированных, имена которых замалчивались. Это и Постышев, и Косиор, и Якир, и Гикало, и Калмыков, и Такоев, это целая плеяда славных имен деятелей юношеского движения, ставших достоянием подлинной истории комсомола: Рывкин, Смородин, Чаплин, Косарев, Тарханов, Шохин, Юровская, Хитаров, Чемоданов, Голуб, Холохолокено, Курбанов, Евсеев, Салтанов, Лукьянов, Файнберг, Андреев, Иванов и многие другие.

В эти годы в связи с сорокалетием комсомола я писал много статей и очерков в газеты и журналы, выступал на собраниях.

3 января 1961 года отнес в Центральный Комитет партии заявление, передав его члену Комитета партийного контроля О. Г. Шатуновской.

В заявлении я писал следующее: «XX съезд партии, заслушав доклад тов. Хрущева Н. С. о культуре личности и его последствиях и одобрив доклад, поручил ЦК последовательно обеспечивать полное преодоление последствий культа личности.

В постановлении ЦК от 30 июня 1956 года сказано, что большой вред делу социалистического строительства нанесла ошибочная формула Сталина о том, будто по мере продвижения Советского Союза к социализму классовая борьба будет все более и более обостряться. Эта формула была выдвинута на первый план в 1937 году и послужила на практике обоснованием грубейших нарушений социалистической законности и массовых репрессий, в результате чего были оклеветаны и невинно пострадали многие честные коммунисты и беспартийные советские люди.

Партия разоблачила и покарала преступную банду Берия — проводника линии Сталина, лично контролировавшего органы госбезопасности.

Но партия не сказала своего осуждающего слова о некоторых прямых и злонамеренных пособниках Сталина, Ежова и Берия, — писал я, — о тех, кто восхвалял Сталина и раздувание культа его личности сделал в свое время основным принципом своей деятельности.

Я имею в виду зловещую фигуру Л. Кагановича. Не случайно Л. Каганович вместе с другими участниками антипартийной группы выступил против линии партии, определенной XX съездом. Пленум ЦК в июне 1957 года отметил противодействие курсу на устранение тяжелых последствий культа личности, проводимое этой группой. Л. Каганович упорно сопротивлялся мероприятиям ЦК по устранению допущенных в свое время нарушений революционной законности. Он боялся дальнейших разоблачений его собственной преступной деятельности. Он не хотел видеть новой обстановки и остался реакционером, вставшим на путь интриг, тайного сговора против ЦК, смены руководящих органов партии, возврата к старому, к методам и приемам, осужденным XX съездом.

На пленуме ЦК его участники единодушно требовали исключения членов фракционной группы Л. Кагановича, Г. Маленкова, В. Молотова и др. из партии. Тогда пленум ЦК ограничился выводом их из ЦК.

Выражая мнение многих партийных товарищей, я ставлю вопрос о привлечении Л. Кагановича к партийной ответственности за злонамеренные нарушения им революционной законности, за оклеветание и уничтожение честных коммунистов и беспартийных работников.

В 1937—1938 гг. я работал начальником Главзолота Наркомтяжпрома. Л. Каганович тогда был наркомом. Он вел себя невероятно развязно, постоянно подчеркивая при встречах с работниками: «Я не только нарком, я — секретарь ЦК партии».

Излюбленным методом «руководства» Л. Кагановича были вопли о вредительстве, сеяние недоверия к советским людям, запугивание работников угрозой ареста. Он не стеснялся высказывать такие мысли: «Уж если мы (то есть он, Каганович) лишим работника своего доверия, мы его передадим в НКВД, а там его следователи быстро прихлопнут... Каганович, конечно, знал, как это делается.

Раздувая формулу Сталина об обострении классовой борьбы, Л. Каганович «конкретизировал» это положение своим «теоретическим» перлом: «Каждая авария на производстве имеет свое имя, отчество и фамилию. Это — вредительство».

В архивах судебных учреждений немало списков лиц, арест и уничтожение которых санкционировал Л. Каганович. В списках этих ни в чем не повинных людей тысячи фамилий. Тут и научные работники: профессор Горностаев, профессор Пазухин, тут и управляющие золотопромышленными трестами: Рыбаченко, Краукле, Ганин, Абрамович, тут и работники предприятий.

Л. Каганович усердствовал перед Сталиным, Ежовым и Берия в раздувании массовых репрессий.

Раз ночью Л. Каганович вызвал меня, чтобы сообщить: «Арестован ваш Петр Смородин». На мое замечание: «Смородин никогда не выступал против партии» — Каганович ответил: «Будучи арестованным, он признал, что был связан с Бухариным...» Значит, «следователи НКВД быстро прихлопнули» Смородину, бывшего первого секретаря ЦК ВЛКСМ, кандидата в члены ЦК партии, первого секретаря Сталинградского обкома партии! В другой раз Л. Каганович не без злораства мне сообщил: «Арестован Николай Чаплин. Незадолго перед этим я его вызывал, спрашивал, нет ли у него камня за пазухой против партии? Чаплин плакал, клялся в верности партии. А теперь, в НКВД, и этот признался в связях с врагами».

Значит, и тут «следователи быстро прихлопнули» Чаплина, бывшего первого секретаря ЦК комсомола, четырехжды избравшегося в состав ЦК партии!

Л. Каганович однажды завел такой разговор: «Перечислите мне всех первых секретарей ЦК комсомола, где они?»

Я сказал: «Раз вы спрашиваете, стало быть, знаете, где они». Последовал перечень фамилий, оказалось, что все они арестованы — Рывкин, Шацкий, Цейтлин, Смородин, Чаплин...

«Только вы не арестованы», — сказал этот двуличный человек, иезуит, безжалостный истребитель большевистских кадров.

Я взволнованно ответил: «Что ж, запишите этот факт в историю, что я один не арестован».

После такого ответа Каганович начал лживо говорить, что я добросовестно работаю, что ЦК мне доверяет и т. п. Это не остановило Кагановича от такой выходки. Он предьявил мне фотографию группы работников золотой промышленности, сделанную после награждения нас орденами в начале 1935 года. На фотографии почти все были отмечены «крестиками»: арестован. Один человек помечен значком: будет арестован. Около моего изображения пометок не было.

— Вот, полюбуйтесь, — сказал Каганович. — Только вы один не арестованы из всей этой компании. Снимок прислан из НКВД. Что вы на это скажете?

А в НКВД в это время подбирались «показания» на меня.

Л. Каганович предьявил мне эти клеветнические обвинения, чтобы я их опроверг, как вздорные? Нет. Накануне моего ареста он слушал мой подробный доклад о двухмесячной поездке по приискам, одобрял его, приговаривая: «Вот теперь вы сможете конкретно руководить приисками, зная их нужды и обстановку на местах».

Расточая похвалы, Каганович уже дал санкцию Берия на расправу со мной. Презренный Мешик в следственной части НКВД ткнул мне в нос «меморандум» Кагановича о моем аресте.

— Каганович еще не ЦК, — сказал я. — В данном случае он не мог не доложить Сталину об аресте начальника Главзолота, назначаемого Политбюро, — ответил Мешик. — Песня твоя света...

Упиваясь своей властью над людьми, Каганович безжалостно и преступно играл судьбами людей и их семей, отдавая тысячи невинных на растерзание бандам Ежова и Берия.

Помню, как на заседании коллегии Наркомтяжпрома Каганович обрушил

ся на тов. Мирошникова, проработавшего начальником Главалюминия месяца три или четыре. Он ни в чем конкретно его не обвинял. Он только кричал общие фразы, угрожающе двусмысленные. Все расходилось после заседания подавленные: «Значит, Мирошникова он посадит». Так и вышло. Мирошников был арестован по прямому требованию Кагановича.

В Главзолото прислал письмо Д. Булатов, за месяц до этого снятый с поста первого секретаря Омского обкома партии. Булатов просил меня дать ему хотя бы небольшую работу где-нибудь на прииске. Я хорошо знал Булатова, работал его заместителем в оргинструкторском отделе ЦК партии. Булатов избирался в состав ЦК и КПК ВКП(б). Я пошел с письмом Булатова к Кагановичу. Каганович раздраженно взял письмо: «Не ставьте передо мной таких вопросов!» Булатов завтра же был арестован.

Управляющий трестом «Алтайзолото», бывший комсомольский работник, лично принятый и утвержденный Кагановичем, не проработал и месяца, как был арестован. Он успел прислать письмо Кагановичу, молил его спасти от ареста, как ни в чем не повинного. Я обратился к Кагановичу. Он опять с раздражением прикрикнул: «Что вы хлопочете? Арестован, и все. НКВД знает, что делает».

Мною названы отдельные имена. Теперь эти товарищи реабилитированы полностью. Но большинство реабилитированы посмертно. Их семьи автоматически преследовались, ссылались, выбрасывались из квартир, лишались работы, дети превращались в бесприютных запуганных сирот, хворали, умирали...

Можно ли пройти мимо загубленных жизней, слез и крови тысяч советских людей, преданных большевикам, создававших партию и комсомол, строивших и защищавших Советскую власть, всегда верных знамени Ленина, — пройти мимо и не покарать виновников этих ужасов произвола и самовластия?

Наш долг состоит в том, чтобы сделать все исключающее повторение подобных преступлений. Не могут виновники оставаться безнаказанными. Виновны не только Сталин, Ежов, Берия и следователи, умевшие «быстро прихлопнуть» жертву. Виновен и Л. Каганович, и не только косвенно, но и прямо. И не прикрыть ему своих преступлений в период расцвета культа Сталина и массовых репрессий какими-то позднейшими принципиальными разногласиями. Рядом со Сталиным, в тесном сотрудничестве с Ежовым и Берия Л. Каганович давно стал беспринципным политиканом, двуличным человеком, интриганом и фракционером.

Вот почему я считаю необходимым поставить перед ЦК вопрос о привлечении Л. Кагановича за его злодеяния к партийной ответственности».

На XXII съезде партии делегаты выразили волю коммунистов, волю народа, потребовав изгнания из рядов партии тех, кто виновен в злодейском истреблении ленинских кадров коммунистов.

В преддверии XIV съезда ВЛКСМ мне довелось совершить увлекательное, романтическое путешествие в свою комсомольскую юность. По приглашениям областных и городских комитетов ВЛКСМ я побывал в Перми, Свердловске и Кирове, где проходили первые годы моей работы в комсомоле. Затем поехал в Ленинград, где часто бывал в годы своей работы в ЦК комсомола.

Я видел внимательные молодые лица — и славная, милая, светлая комсомольская юность вновь возвращалась ко мне. Обращаясь к молодым слушателям, я не мог не сказать: «Это же счастье для коммуниста — шагнуть в ряды первых комсомольцев в боевом восемнадцатом году и сегодня, в 1962 году, спустя более сорока лет, участвовать в работе комсомольских конференций!»

Где бы мне ни приходилось выступать во время этих поездок, всюду молодежь живо интересовалась материалами XXII съезда партии, забрасывала вопросы о культуре личности.

В многочисленных записках, полученных во время выступлений, меня просили: «Расскажите о «деле» Косарева, о Смородине и Чаплине». «Верно ли, что вы находились в заключении шестнадцать лет?»

Я рассказывал, что в 1938 году проходил пленум ЦК комсомола. На пленум явились Сталин, Молотов, Жданов и Шкирятов. Секретарей и членов ЦК комсомола обвинили во вражеских замыслах, а они были честными коммунистами. Никакие объяснения оклеветанных товарищей во внимание не принимались. Торжествовала черная клевета и всеобщая подозрительность.

Тотчас после пленума были арестованы не только секретари ЦК ВЛКСМ, но и почти все члены ЦК комсомола, многие секретари областных и краевых комитетов, почти все участники пленума.

В период культа личности Сталина были репрессированы все первые секретари ЦК комсомола двадцатых — тридцатых годов: Оскар Рывкин, Лазарь Шацкий, Петр Смородин, Николай Чаплин, Александр Косарев, секретари ЦК ВЛКСМ Тарханов, Юровская, Фейгин, Цейтлин, Шохин, Иванов, Шаровьев, Рахманов, Файнберг, Андреев, Салтанов, Лукьянов, Пикина, Матвеев, Соболев.

Все они — честные большевики, выдающиеся работники, имена которых вошли в историю комсомола, теперь реабилитированы, большинство посмертно.

Молодежь спрашивала меня: «Как отразился культ личности на комсомоле?»

В годы распространения культа личности был нанесен тяжелый ущерб делу ленинского воспитания молодежи. Массовые репрессии вели не только к физическому уничтожению или заточению в тюрьмы одних, но и преследовали цель запугать, застрашить остальных. В повседневной работе комсомола укоренились такие методы, как голое администрирование, чрезмерная регламентация деятельности низовых организаций, замазывание недостатков, парадность и шумиха. Умалаясь роль актива и значение организаторской работы в массах молодежи, порождалась отвратительные явления угодничества, карьеризма, бюрократизма. Пропагандистская работа в комсомоле сводилась в значительной степени к заучиванию сказанного или написанного Сталиным, к бесконечному его восхвалению.

Культ личности гасил живую мысль и сковывал самостоятельность молодежи; это противоречило ленинскому подходу к организациям молодежи, ленинскому принципам руководства юношескими массами...

...Комсомолом немало сделано для ликвидации последствий культа личности. Активность и творческая инициатива молодежи возросли. Но последствия культа, так тяжело отразившиеся на жизни и деятельности комсомола, не изживаются сразу. Они живучи. Они кроются в еще сохранившихся, чуждых духу ленинизма формально-бюрократических методах работы, в принижении роли масс комсомольцев и молодежи, в слепой вере во всеислие хороших резолюций.

И вот тогда, как комсомольцы жадно слушают правдивое слово, они не хотят фальши, некоторые руководящие работники продолжают замалчивать большие вопросы, уклоняться от ответа на них, страдают противной болезнью трусливой перестраховки.

На собраниях и в беседах комсомольцы спрашивали: «Знали ли вы, старые коммунисты, о «Завещании Ленина»? Как вы голосовали за Сталина? Когда начался культ личности Сталина?»

Александр Пилипенко — второй секретарь Киевского горкома комсомола.

ПРОВЕРКИ НА ДОРОГАХ

...Свет вдребезги рассыпался по витринам магазина. «Рафик» встал у самой кромки тротуара.

— Фары убери...

Ночь рухнула на ветровое стекло. Рядом, подобный высокому, одичавшему колоссу, тускло горел фонарь.

— Ну вот, Бессарабка...

— Почему Бессарабка?

— А черт его знает... Бессарабский рынок рядом. Потому, наверное... Пошли?

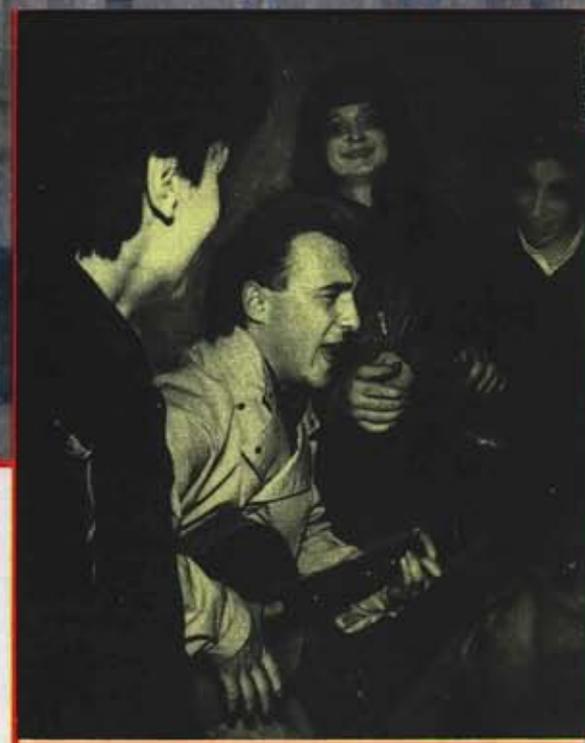
По одному вылезает из машины. Через дорогу — настежь распахнутая дверь ночного кафе (работает до двух ночи). Над дверью, как насмешка, вывеска: «Столовая».

Нас четверо. Идем через дорогу.

...А вчера я ездил вместе со спецгруппой ОКОД «брат» магазин. Далеко, почти за город. Рейд условно назывался «сахарный» (см. примечания). Когда вошли в небольшой продмаг, точнее в его закулисье, мои спутники быстро рассредоточились: один с бланками актов — в кабинет директора, другой с мощным фонарем в руках — в подвал, двое остановились в коридоре, наблюдая за встревоженными грузчиками и продавцами.

«Дом Ричарда» на Андреевском спуске.

Андрей КУЧЕРОВ,
фото Игоря ЯКОВЛЕВА.
Специальные корреспонденты
«Смены»

НОВЫЕ

НЕДОВОЛЬНЫЕ

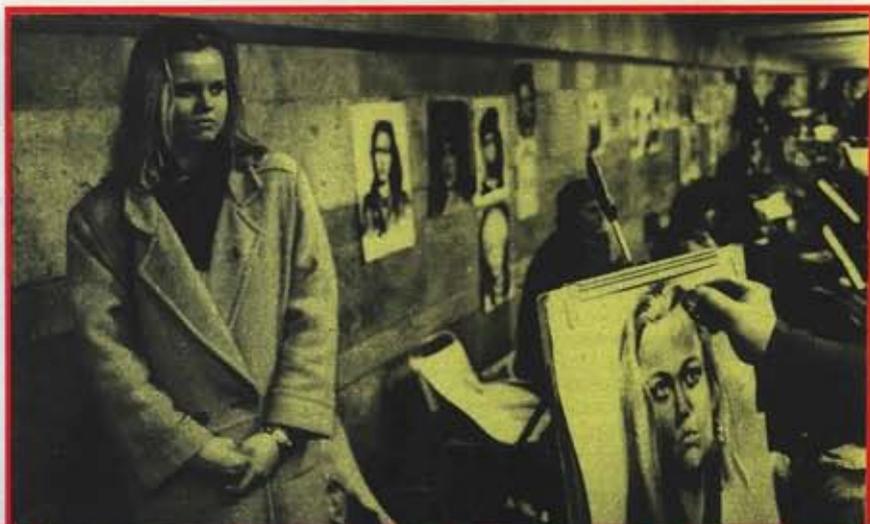
ИЛИ СЮЖЕТНЫЕ ПРОГУЛКИ ПО КИЕВУ ПОД РУКУ С КОМСОМОЛЬСКИМИ РАБОТНИКАМИ

Для них мотоцикл — образ жизни...

«Арбат» по-киевски.

В тот день «Спартак» — чемпион...

Петь — это лучше, чем пить...

Ночной рейд продолжается...

«Кто, если не мы?»

Я, оставшись в торговом зале, видел, как в мясном отделе на глазах задумавшегося покупателя стали вырастать «баррикады» колбасных батонов, извлекаемых откуда-то снизу. Покупатель оторопело смотрел на дородную продавщицу, которая, «ныряя» и «выныривая», выкидывала колбасы на прилавок. Видел я, как вдруг начали торговать «Мишкой» в кондитерском отделе и толпа расторопных покупателей гулко кинулась к отделу, выстроившись в зигзагообразную очередь...

В подвалах между тем «шла ревизия»: из-за груды ящиков, из грузовых лифтов извлекались припрятанные коробки с подарочным зефиром, говяжьи ноги, рулоны туалетной бумаги. То есть

так называемый дефицит. «Лишний» сахар так и не нашли — тут все оказалось чисто. (Сахар привезли в магазин расфасованным — не отсыпать.) Это было вчера.

А сейчас мы пересекали улицу, направляясь к дверям угрюмой ночной забегаловки.

...За мокрой стойкой лениво «плавают» бармен с круглым лицом и быстрыми, но безразличными глазами. В плохо освещенном зале — человек тридцать. Ближний угол занят парочкой: на полу сидит молоденький парень с подружкой, оба в полном «отрубе»; то ли спят, то ли смотрят «полеты наяву».

Воцарилась мгновенная тишина. Все глаза на нас. Мы, потолкавшись, неуве-

ренно остановились у стойки. И сразу перед нами возникла группа из четырех-пяти человек. Еще несколько становится у выхода из «столовой».

— Убери-ка аппарат, — это фотографу. Он, нервно оглянувшись, снимает с груди новенький «Никон» (две тысячи не шутка!) и нарочито медленно (все же надо выдерживать имидж!) кладет его в кофр.

— Ребятки, ну-ка живенько отсюда, — это тоже негромко, но уже всем нам.

— А в чем дело?

— А ни в чем...

Все, кто посапывая стоит перед нами, немолодые и пьяные. Абсолютно спокойные. Судя по манерам и жарго-

ну, бывшие уголовники. Наши спутники из оперотряда начинают сосредоточенно и задумчиво изучать интерьер. Не-высокий завсегда Бессарабки на-смешливо, но цепко нас рассматривает.

— Ну-у?!

— И что дальше?

— А дальше... я отойду, и вас здесь по стенкам размажут. Непонятно?

Понятно. В общем, почти все. То, что сразу было непонятно, нам потом до-объяснили. И главное — он не врал, этот невысокий, стоя на чуть расстав-ленных коротких, крепких ножках и за-сунув руки в карманы темного кожаного плаща. Не врал, потому что толпа ма-лолеток, сидевших за его спиной в зале и мутно поведивших глазами, по малей-шему сигналу сорвалась бы с мест и равнодушно, но старательно постука-ла бы нас об стены. Вместе с двумя мальчишками из городского оперотряда. Вместе с редакционной фотоаппарату-рой. Вместе с нашим желанием прочув-ствовать жизнь единственного в Киеве ночного безалкогольного заведения и взглянуть на его завсегдатаев. Он, этот дядя, говорил чистую правду. Свою. Проверенную. Он, диктовавший здесь свои, столь же строгие, как и его плащ, законы. Плевавший на все и всех.

— Наши фотографии в городском УВД посмотрите, а тут нас фотографи-

на раз?! Что дядя пошлет молодого грабануть, например, киоск, и он пойдет и грабанет. После двух стаканов. А комсомол...

— При чем здесь комсомол?..

А в общем-то действительно при чем?

ПРИМЕЧАНИЯ:

«Сахарные» рейды — рейды, кото-рые регулярно проводит «Комсо-мольский прожектор» из-за нехватки сахара; очереди за сахаром в Киеве превышают (на апрель 1988 года) очереди в винные магазины.

ПОЧТИ ЧТО ПОСЛЕСЛОВИЕ

Ну уж действительно это стало про-сто модным, наравне с карденовскими новациями в одежде: чуть пошла ру-гань насчет нашей жизни, сразу при-плетают комсомол. Иногда в этом хаосе слов даже трудно бывает припомнить, в чем он НЕ виноват. Едва заходит речь о молодежи, комсомол виноват сразу и во всем. А в чем конкретно? А неважно. А какой комсомол, конкретно? А весь. Это напоминает пространное рассуждение про «нашу молодежь».

Так кто же виноват? И в чем?

Я изначально и категорически отка-зываюсь от идеи, будто комсомол вино-ват во всех тяжких нашей молодежи. Что-де она — молодежь — такая, а не другая. Хотя никто не может толком сказать, если, конечно, не брать в рас-чет вековые эпитеты типа «высоко-моральная», «высокоустойчивая», «высокоидейная» и т. д., какая она, молодежь, должна быть. Тут, между прочим, позволю себе «крамольный» вывод — такая есть, такая и должна быть. Покрикивать на молодежь начали одновременно с появлением робких ри-сунков на сырых пещерных сводах — и это нормально и даже хорошо: ругань всегда бодрит. Несмотря на удвоенный расход нервных клеток.

Я изначально отказываюсь и от по-сылы, что комсомол повально виноват в бездуховности, в отсутствии веры и идеалов у нашей молодежи. Это вы-годный кому-то абсурд. Эти обвинения подобны претензиям официанту по по-воду того, что у вас левый висок под-стрижен выше правого. Например — и очень краткий «например», — НЕ комсомол приказал запрещать рок-музыку, НЕ комсомол приказал «класть на полки» фильмы, НЕ комсомол приказал за-менить демократию выборов «демокра-тией заборов», НЕ комсомол приказал консервировать возраст в управленче-ском аппарате. Так что не будем. Не будем уподобляться толпе чиновников из спектакля Марка Захарова «Ревизор» (см. примечания), в котором через все действие в прямом смысле слова протаскивают избиваемого трактирного слугу-мальчишку. Его, бедолагу, топчут ногами и лупят почем зря отцы города. И в минуту радости. И в минуту волне-ния. И в минуту страха. И в минуту горя. И просто на всякий случай. С Го-родничим во главе. А чтоб разрядить-ся. Нервные системы разгрузить.

В отношении комсомола уже «разгру-зились» предостаточно. Давайте уже говорить спокойно, без ломки стульев. Давайте говорить конструктивно (вре-мя не ждет!), как за столом перегово-ров на высшем уровне. А главное — давайте предлагать. Конкретно. Анали-зируя. Даже ошибаясь (ведь и тупиковая ветвь дает возможность понять, как развиваться дальше), но — пред-лагать.

Для того, чтобы проверить кое-какие уже отложившиеся ранее идеи, убе-диться в правильности (или неправиль-ности) не сейчас родившихся предло-жений и зарядиться для новых раз-мышлений, я и отправился в Киев (на-званный в ЦК ВЛКСМ одним из немно-гих, бурно живущих центров комсомоль-ских инициатив и конкретных дел). Что-бы пройтись с комсомольскими работ-никами по городу и четче наметить кон-туры простой и в общем-то необходи-мой, как кислород, проблемы: как сооб-ща сделать так, чтобы наша страна ста-ла лучшей страной в мире?

А чего ради замахиваться на мень-шее?

ПРИМЕЧАНИЯ:

Сучить ногами — быстро, быстро перебирать ногами, стоя на одном месте.

«Ревизор» — спектакль поставлен Марком Захаровым в 1985 году со студентами ГИТИСа. Прошел не-сколько раз в репетиционном зале театра имени Вл. Маяковского. За-тем идти перестал. Почему-то. Знаме-нательн хотя бы тем, что гоголев-ских чиновников актеры играли в современных костюмах, а в руках у Городничего была, между прочим, шариковая ручка.

ПОРТРЕТ — «ЗА»

Попытаемся определить, каким представляются себе молодые люди комсомольского работника со знаком «плюс». Который казался бы им жиз-

ненным, современным. В которого бы они поверили, за которым пошли, кото-рый не казался бы им чужим.

Встретившись со студентами не-скольких киевских вузов и учащимися технических училищ, а затем «выпари-вая» из этих разговоров «воду», я по-лучил этаким портретный контур моло-дого современного «героя», этаким со-бирательным образ человека, который (по словам опрошенных) являлся наибо-лее типичным представителем родившихся в начале 60-х и с которым (опять же по словам опрошенных) они рискнули бы «пойти в разведку».

«Контур», на мой взгляд, сложился интересный, «непричесанный» и до-вольно-таки жизненный, хотя (возмож-но, я ошибаюсь?) несколько противоре-чивый и совсем (а уж это точно!) не героический в том шаблонном толкова-нии этого понятия, которым веяло еще недавно с трибун, газетных полос, кино-экранов и страниц большинства литера-турных произведений, посвященных жизни молодых. Итак...

...Ему лет двадцать пять. В этом воз-расте у него уже не осталось иллюзий относительно собственной исключи-тельности, уже не думает, что он гений, которого вот-вот признают. Он начина-ет пристальнее всматриваться в себя, и внутренний, радостный оптимизм все чаще уступает место трезвой оценке собственных возможностей, которым хочется найти четкое, целесообразное применение.

Замкнут. Вызвать его на откровен-ность, а тем более исповедь, почти не-возможно. Если он и исповедуется, то перед зеркалом, самому себе (ведь зер-кало не предаст). И все же иногда ему хочется верить, потому что... хочется верить.

Он хорошо усвоил, что сострадание к ближнему сильно обесценилось и люди слабые вызывают жалость, раз-дражение, но никак не сострадание. Слабый человек не может быть поле-зен (выгоден), так как вряд ли добыет-ся каких-либо жизненных высот.

В коллективе он не стремится лиди-ровать, подметив, что лидерство, воз-никающее естественным образом, вы-зывает раздражение многих. Находясь в массе, на уровне некоторой усреднен-ности, больше шансов стать лидером, потому что лидеров предпочитают на-значать по своему подобию, дабы не возникало качественного, заметного несоответствия между подчиненным и руководителем. К тому же, лидируя, пришлось бы каждый день бороться с косностью, консерватизмом, инерцией окружающего большинства, а для этого нужны колоссальные силы и стимулы.

Он рационален. И в то же время сохраняет способность удивиться не-чаянно упавшему под ноги листку, тлеющему от прикосновения осени... Но по натуре, привязанностям он урба-нист: Город воспитал его, подчинил, окружил и заставляет жить по своим законам. Тем не менее всегда наступают минуты, когда против Города ему хочется восстать. «Тишины хоч-у, тиши-ны! Нервы, что ли, обожжены?..» (Ан-дрей Вознесенский).

Владимир Высоцкий — любимая лич-ность. Любит думать, что в его душе звучит хриплый, гибельный голос упря-мого барда. При этой сильной привя-занности к Высоцкому могут появлять-ся бистросменяемые увлечения: Бори-с Гребенщиков, Константин Кинчев, Вячеслав Бутусов (см. примечания)...

Любит слово «нормально», потому что оно круглое, как буква «О», неудо-вимо скользкое, но и крепкое, не позво-ляющее лезть в душу...

- Как живешь?
- Нормально.
- Как дела?
- Нормально.
- Как себя чувствуешь?
- Нормально.

У него все нормально.

Пойдет ли он пешком на Луну? Пой-дет, если ему убедительно объяснят, зачем это нужно сделать. Работать лю-

Они задают вопросы — неожиданные, «в лоб»...

ровать не надо, — угрюмо наказал соро-калетний, властно пошевелив кожань-ми плечами под одобрительный шумок расположившихся за его спиной подро-стков.

И было в те минуты уютно. От соб-ственной беспомощности, от того, что этот вот чувствует себя здесь хозяи-ном, от того, что он легко и без потерь самоутвердился в очередной раз. От того, что здесь, в этом заведении, это норма. От того, что «проблема неразрешима». (Если ее не начать разрешать.)

Потом уже, оценивая ситуацию, один из наших сопровождающих громко рас-суждал:

— Тут можно только резко и катего-рично: силой их оттуда вышвыривать. В городе молодняк по подземным пере-ходам толчется, по Крещатику тусуют-ся... Деться им некуда, негде посидеть. В этот бар их просто не пустят. Дадут по голове и вышвырнут. Там эти дикту-ют законы. И радуются, что есть место, где они могут спокойно делать дела и тихо пить. Милиция? Да что говорить! Они сюда и не сунутся!..

Но другой, более, по-видимому, рас-судительный, возражал:

— А может быть, лучше, что они в одном месте собираются? Пусть уж лучше так, чем по городу будут ходить и искать приключений...

— А ты понимаешь, что молодой ду-рак воспитается этим кожаным дядей

когда какие-нибудь страшно умные ав-торы или чиновники распространяются (обобщая!) по поводу очередной тусовки «металлистов» или юнцов с рыже-зелено-фиолетовыми гребнями на ма-кушках. Словом, виноват комсомол, и все тут. (Удивительна и страшна наша способность сваливать вину за все на нечто очень конкретное, вырванное из контекста жизни, истории, первопри-чин, количества, которое определяет качество. Свойство это было, кстати, подмечено великим Гоголем, который выразил его, правда, на другом приме-ре. Помните? Насчет... стоит поставить какой-нибудь памятник или просто за-бор, как сразу к нему всякой дряни нанесут... Есть тут определенная исто-рическая закономерность — между по-требностью обобщать и желанием нало-жить мусор на вдруг обозначенное ме-сто.)

Подчас создается ощущение, что комсомол виноват и в священном акте рождения (недоглядели!), и в священ-ном акте погребения (опять недогля-дели!). Но мне кажется (подчеркиваю, кажется!), что если самих комсомоль-ских работников (и чем выше, тем вер-нее) спросить, кто же виноват в грехах «нашей юности вечной», они такое ответят (если, конечно, захотят), что останется задирать голову и грозить небу кулаком, суча. (см. примечания) по земле ногами.

бит. Сильно страдает, когда работать мешают. Считает, что работа — единственный стимул жизни. Расслабляться не умеет. Не умеет переключаться на отдых.

Ироничен. Это защита.

Он любит больше слушать, чем говорить. Это поколение вообще склонно анализировать: события, людей, фразы. Он любит наблюдать и делать вид, что принимает многое из того, что на самом деле его раздражает.

Скрытен. Его доверие и признание можно завоевать лишь поступками, словам он не верит. Атакующие информационные потоки заставляют его бегать и всячески культивировать в себе чувство свободы, независимости от окружающих. Это болезненное, старательно охраняемое желание — своего рода защитная реакция — приводит к тому, что он пытается выглядеть равнодушным человеком. Впрочем, это внешнее «я» часто не соответствует «я» внутреннему — ранимому, подвижному, страстному.

И еще он умеет ждать. Своего часа. Своей удачи.

Что касается женщин и привязанностей, то здесь он крайне осторожен. Возможно, из-за боязни лишиться той самой защищающей независимости? А может быть, сентиментальность, доверительность просто не соответствуют тому образу, внешнему «я», с которым он вынужден жить? Однако он четко усвоил, что и случайная встреча бывает счастливой... Но и тут противоречие: гонясь за мечтой, он наконец достигает ее, а достижение мечты не только победа, но и конец погони за ней. И ему снова становится скучно.

Ему часто становится скучно (см. примечания).

Я не случайно даю столь пространную версию молодого «героя», созвучную, по словам молодых же людей, реальной жизненной правде, некрасиво вписывающуюся в нынешнее время, и... в ту проблему, о которой идет речь на примере работы Горького.

Дело в том, что, изучая ситуацию, собирая факты, общаясь с лидерами киевских (и не только) комсомольцев, я с удивлением обнаружил, что среди них очень немногие имеют конкретные представления о типе нынешнего члена союза. Слишком часто «белым пятном» оказывалось то, что находится в духовной, идеологической, психологической сферах молодого сознания. В головах некоторых комсомольских работников устойчиво живут представления о каком-то упрощенном — парниковом или же страшно агрессивном — характере. А у значительной части комсомольских вожakov представления о душевном мире нашего юного современника столь далеки от действительности и столь «всемирны», что просто диву даешься — и где они таких «подсмотрели».

Как ни парадоксально открывать эту «Америку» — но многие комсомольские лидеры плохо знают жизнь со всеми ее нюансами, нюансами и колдобинами, продвигаясь по жизни какой-то уж очень «своей» колеей.

(Был, кстати, интересный случай, вошедший в историю благодаря... ежедневным отчетам милиции о происшествиях дня, хотя никакой уголовщины и даже нарушения общественного порядка не было. Просто одному освобожденному «в связи с уходом на пенсию» высокопоставленному чиновнику была дарована возможность раз (или сколько-то там — неважно) в месяц пользоваться государственной «Волгой». И вот почтенный пенсионер вызвал машину и отправился до боли знакомым маршрутом за... заказом, который выдавали в до-боли знакомом переулке. Но... ошибся почтенный человек (память уже не та, внуки огорчают, недавние волнения и пр., и пр.), не давали в тот день заказы. А день хороший. летний, радостный. И дома в том

самом до боли знакомом переулке вдруг открылись каким-то изысканством, и — боже ж мой! — людей-то, оказывается, как много народилось: спуют, как голуби... Словом, что-то произошло в душе чиновника, надлом какой-то случился, взял он и отпустил положенную «Волгу», решив пройтись пешком к самому «сердцу» родного города — благо «сердце» неподалеку находилось. И пошел. И заблудился. (Шоферы видят «свой» город. Пешеходы — «свой».) А машины нет. А вокруг люди спуют, как голуби, — («Ишь, народились. Проходу нет. А лица!!!»). И... (память уже не та, нервы, внуки, недавние волнения, домашняя собака почему-то вспомнилась и пр., и пр.) не по себе ему стало. Куда идти? Страшно стало. Где «сердце» родного города бьется? Где?! Вынесло его на людную улицу, и увидел он там вдруг близкое, знакомое, понятное — постового гаишника в летней, заманчивой форме. Бегом к нему. В руках — удостоверение с фамилией, известной всему городу. А гаишник молодой — прочел фамилию и на всякий случай перепугался. Что, говорит, надо, товарищ... Домой! Домой! — отвечает товарищ... Заблудился! Машину отпустил! Совсем обезумел гаишник. По рации вызвал дежурную патрульную синезелтую машину с антеннами. Чиновника благополучно отправили домой. А в отчеты о происшествии за день вошли строки про то, что заблудился товарищ... возле самого «сердца» города, что пришлось вызвать дежурную машину и отправить товарища... домой. Вот так. А вывод достаточно простой и демократичный: чтобы лучше узнать город, в нем нужно заблудиться...)

Между прочим, именно в Киеве об одном из тамошних секретарей было сказано: «Да он и по улице-то пешком ходил разве что в детстве. И в очередях он никогда не стоял, а о молодежи судит по своей собственной молодости, которая осталась где-то в 70-х...»

Быть может, именно благодаря таким «знаниям» молодежной среды и ее проблем, основополагающим лишь на фильме Подниекса «Легко ли быть молодым?» (который застал «врасплох», на мой взгляд, лишь результат явления, но не корни его) или свежей молодежной киноверсии «Маленькая Вера», быть может, именно благодаря таким «знаниям» и оказались в растерянности некоторые комсомольские работники?

Создание при райкомах, горкомах групп по изучению тех же «неформалов» — это несерьезно. Нельзя одним (или несколькими телами) закрыть все амбразуры сразу. Товар, как известно, наилучшим образом доходит до покупателя, когда скрупулезно изучается спрос. Это факт. Это объективная реальность, которую мы ох как ощутили! Надо думать, в общем. И действовать. Повесить перед глазами замечательные строки Владимира Высоцкого:

**Но стрелки я топлю. На этих скоростях
Песчинка обретает силу пули!
И я сжимаю руль до судорог
в кистях —
Успеть, пока болты не затянули!**

Только не надо воспринимать эти размышления «приговором» Киевскому горкому и его работе. Там-то как раз многие ребята вместе со вторым секретарем горкома комсомола Александром Пилипенко, которого я «отслеживал» не один день, не просто всерьез озабочены обозначенными проблемами, но пытаются решать их «открыто и в упор», как предлагал решать проблемы (и решал!) неугомонный скиталец и наблюдательный писатель Олег Куваев. Там-то как раз, например, первый секретарь Подольского райкома комсомола Валя Мищенко не ждет, когда сверху спустят очередную директиву об «изучении неформалов», а сама приглашает одного из лидеров этих

«неформалов» (по кличке Утюг) на работу в райком комсомола и, таким образом, во многом решает сложности с неизвестными «фанатами»... А пока утверждаю: и Александр Пилипенко, и Валентина Мищенко во многом «попадают» в тот самый словесный портрет молодого «героя», который приведен выше и предложен самими молодыми...

ПРИМЕЧАНИЯ:

Вячеслав Бутусов — лидер свердловской группы «Наутилус Помпилиус».

Скучно — состояние души, которое отмечены несколько поколений молодых людей. Еще недавно это слово воспринималось одним из самых точных диагнозов нашей системы.

ТЕАТР «НА ПОДОЛЕ»

Это было как-то непривычно. Напротив меня сидел главный режиссер театра-студии Виталий Малахов, мля черные густые кудри и маялся. Почему-то (о сила традиции!) проговаривая слова извиняющимся тоном:

— Я понимаю... Нет, я, наверное, чего-то не понимаю... Но я живу хорошо и ничего не могу поделать, слышишь! К нашему театру хорошо, очень хорошо относятся. Мне некого и нечего критиковать. Ну, не-е-е-ту оснований, нету. Я только «спасибо» могу говорить и свечки ставить... от радости.

И он снова начинал подробно рассказывать о том, как хорошо живется его театру благодаря поддержке райкома комсомола и партии. (Райком комсомола, между прочим, тот самый — Подольский, где первым секретарем Валентина Мищенко.)

А непривычным это было потому, что редко удается услышать от режиссеров театров-студий добрые слова в адрес городских властей. Даже делая скидку на склочные характеры режиссеров театров-студий, все же «власти» до сих пор относятся к подобному коллективу очень и очень снисходительно, стараясь их не замечать. (Тактика «закрывать!», «запретить!», «разогнать!» сменяется более «изящной»: «Где студия? Где?! Не вижу! А-а... студия? Какая такая студия?! — чуть утрирую, но по сути верно.) А просто говоря, молодежным театральным коллективам во многих городах не помогают ни финансами, ни жильем для артистов, ни человеческим вниманием. Не до них. Но, между прочим, если уж и паниковать насчет повального увлечения молодежи рок-музыкой, то именно театральный студийный коллектив может стать неназойливой и гуманной альтернативой атмосфере «потных децибел», которая бывает подчас на концертах отдельных поделщиков от рока. Просто театр может «близко» говорить о сокровенном, а люди одного возраста (ведь в зале и на сцене театров-студий, как правило, сверстники) быстрее договорятся и о жизненных ценностях, и о совместных поисках жизненного смысла. Об этом тоже говорил Малахов. Но уже не извиняющимся тоном.

А еще он произнес одну простую и чрезвычайно актуальную мысль: все зависит не от райкома партии вообще, не от райкома комсомола вообще, а от конкретного человека в райкоме: от его воспитания, культурного уровня, образования («Желательно, чтобы оно было гуманитарным, — сказал Виталий, — хотя бывают исключения...»), от того, какие книги этот человек читает и кто его друзья. Говорил Малахов и о том, что сейчас среди комсомольских работников появились, как он их назвал, **новые недовольные**. То есть люди, активно отрицающие не только тот формальный комсомол, который критиковался на XX съезде ВЛКСМ, но резко недовольные тем, как он зачастую перестраивается («отстраивается в сторону») сегодня. Людей таких пока

немного: одни только-только в комсомол пришли, другие только-только приходят, третьи все более четко начинают осознавать, что «другой перестройки для них уже не будет». Люди эти и молодежь-то воспринимают как-то по-особому: стараются не столько руководить ею или поучать ее, сколько стремятся ее **изучать**. Терпеливо и спокойно. Не сутяжась.

— А вот к проблеме конкретного руководителя, к проблеме личности... — продолжал рассуждать Малахов. — Пришел к нам первым секретарем райкома партии Иван Николаевич Салий. Так актеры наши сначала просто балдели, когда он по-свойски, запросто начал заходить в театр. Просто так. Потому что тянуло. Он, понимаешь, любит это дело. И разбирается в нем. Интуиция, как говорится... Но я не об этом. Просто однажды мы решили устроить Праздник улицы и пригласили «металлистов» принять в нем участие. Решили вынести прямо на Подол деревянный помост и на нем выступать... И вот пришел Салий. Потом подошел Рэйнбоу (см. примечания) — предводитель «металлистов». А я и говорю: «Это, Иван Николаевич, тот самый Рэйнбоу, знакомьтесь...» «А это, — говорю Рэйнбоу, — Иван Николаевич Салий — первый секретарь райкома партии». В общем, познакомил. И потом они под руку часа два по Подолу прогуливались и о чем-то разговаривали. Люди аж из окон повывисывались — такая их оторопь взяла... А праздник получился отличным — и весело и никаких скандалов.

Вряд ли тут нужны какие-либо комментарии. Вряд ли нужно комментировать мысль Малахова о том, что все зависит от конкретного человека — успеха дела, его результаты, заинтересованность в нем других людей. В конце концов (хоть и как-то не принято об этом говорить), но и перестройку начали очень конкретные люди.

ПРИМЕЧАНИЯ:

Рэйнбоу — кличка и не более того.

ПОРТРЕТ — «ПРОТИВ»

На этот раз я попросил киевских студентов и учащихся ответить на вопрос «Каким представляют они себе средне-статистического комсомольского работника, который очень быстро «перестроился», но, по сути своей, так и остался «серым?»

Из многочисленных ответов сложилась следующая «схема».

...Перестроился он одним из первых. «Первые ряды» — вообще его любимое место. Неважно где — лишь бы первые. («Главное, чтобы главный — это у него в душе», — была и такая характеристика.)

Если сегодня он вспоминает о чем-либо, обязательно говорит: «В те времена...» (см. примечания), имея в виду отмеченные лихим девизом «После нас хоть потоп!».

Внешность непримечательная, растворяется в толпе, не бросаясь в глаза. В деловом костюме чувствует себя так же, как милиционер в форме.

Уже в отрочестве любил почитать (см. примечания) — первый в сборе макулатуры, металлолома, сбора денег на подарок классной руководительнице к 8 Марта. Но только не надо думать, что он бегал по этажам, выпрашивая старые газеты. Он **принимал** макулатуру. Но только не надо думать, что он волок еще не заржавевший трактор к школьному двору — он **руководил** погрузкой железяк в кузов самосвала. А вот деньги на подарок собирал. Сидя на первой парте и строго записывая, кто сколько сдал. Эти бумажки с записями сумм до сих пор хранятся в его деловых бумагах. Строг в отчетности...

Эдуардас
МЕЖЕЛАЙТИС

РОДИТЬСЯ Ч

* * *

Никуда не могу скрыться от этого Гераклита! Не раз уже ругал себя за то, что слишком часто засиживаюсь на берегу его стремительной реки. Вроде бы не так давно дал себе слово никогда сюда не возвращаться — пусть себе течет река, куда ей хочется. Куда там! Читаю сегодня книгу, и вдруг откуда ни возьмись опять появляется Гераклит! И как не порадоваться такой находке — сущий клад! По какому бы пути мы ни шли, читаю у него, все равно не удастся добраться до глубин души. Правду говорит добрый друг рыбака Гераклит. Вот уже который год я бьюсь над тем, чтобы постичь духовный мир человека — и ни с места. По крайней мере мне самому так кажется. В одном я теперь твердо уверен: человеческие дела и окружающую среду, или, иными словами, первичную и вторичную природу, намного легче познать и отобразить. А вот душа — орешек покрепче.

* * *

Мне нравится героизация человека Эрнестом Хемингуэем, который в Бессрочном Деле Человека лаконично, но очень ярко выразил это так: «Человек создан не для того, чтобы испытать поражение. Человека можно уничтожить, но нельзя поработить». Я прекрасно понимаю, почему писатель-гуманист, затравленный антигуманной критикой своих соотечественников, был вынужден занимать более умеренные позиции. Он эмигрировал в соседнюю Кубу. Туго приходится, однако, гуманизму: нередко в него попадает и камень, брошенный рукой субъекта, который находится на стадии человека-обезьяны. Камень, разумеется, не кусок хлеба, но гуманизм и камень переварит. Если сравнить гуманизм с птицей, то с такой, которую не слишком-то привечают. Он ведь защищает человека, чей духовный рост разного рода литературные снобы пытаются укоротить до лилипутских размеров, а паразиты всяких мастей пытаются подчинить его себе, использовать в своих эгоистических целях, превратить в свое послушное орудие. Наш высокомерный XX век уничтожил столько людей, сколько их не уничтожили за целые столетия все известные нам тираны, вместе взятые. Уничтожил, но, говоря словами Хемингуэя, так и не смог поработить. И не смогли их превратить в духовных лилипутов снобы разных философских школ, которые целые столетия кряду выворачиваются наизнанку, но ничего не могут сделать

в этом направлении. Несмотря на все чинимые препятствия, человек поднимается во весь рост и достает руками до звезд. И гуманизм голубеет вдали, словно метерлинковская птица, широко расправленные крылья которой и есть тот голубой горизонт, куда вечно устремлен его алчущий взор. Этот крылатый горизонт и спасает человека от всех расставленных на его пути калканов, от всех возведенных ловушек, в которые его пытаются заманить хитростью и лестью. Выходит, что Великий Ренессанс, который превратил культ бога в культ человека, проявил гуманизм на деле, первый и заметил эту горизонтальную перспективу. В те промежутки истории, когда перестают верить в человека и укрепляют позиции духовный лилипутизм, или пигмеизм, люди возвращаются в средневековую плоскость. Вряд ли стоит такое большое открытие, которое оставили нам философия и практика Ренессанса, менять на средневековье.

* * *

Только свободный человек способен понять и по достоинству оценить свободного человека. Понятно, по-

чему суеверный, задавленный самыми разнообразными архаическими догмами и ветхозаветными привычками человек прямо-таки органически ненавидит свободного человека. Со своей стороны, и свободный человек не свободен, если он капитулирует и пасует перед этой ненавистью. Если ты совершенно свободен, постарайся внушить это свое ощущение суверенности человеку. Не так ли на дикой яблоне или груше делается привой от другого дерева, а через год-другой ветки их покрываются чудесными плодами? Нельзя ли распространить подобный принцип и на человека — сделать ему прививку? Ведь он мало чем отличается от растения, которое расцветает во всей красоте и плодоносит, только когда за ним ухаживают добрые, заботливые руки.

* * *

Гете однажды сказал, что человек вообще-то темное создание, не знает, откуда он взялся и куда идет, мало что знает об этом мире и еще меньше о самом себе. Алоизиус Бертран на страницах «Гаспара из тьмы» еще резче отзываясь о человеке: «Скажи мне,

Е П Л О В Е К О М

ва молота и других многопудовых орудий постепенно оседает и скоро, наверное, совсем уже сравняется со стелющейся по земле горизонтально. Последнее столетие нашей эры началось довольно увлекательно, но завершается оно совсем неинтересно. Больше искусство уже почти целиком уступило место банальному, дешевым зрелищам. Если таким путем будут следовать до конца, затрудняюсь сказать, какими зрелищами человеческий род (или то, что от него останется!) встретит двухтысячный юбилей нашей эры.

* * *

Философия вещизма распространяется словно эпидемия. Алчье вещи уже не знает никаких границ: аппетиты с каждым днем растут, разгораются едва ли не с каждым часом. От этих алчущих, как от стенки горох, отскочат и сказанные когда-то Фукидидом слова, на которые я наткнулся, читая его изумительную «Историю». Я решусь их процитировать: «Ведь вещи существуют ради людей, а не люди ради вещей». Эту фразу сказал когда-то властитель Афин, переживавших свой «золотой век», Перикл, которого Фукидид в своей книге называет «первым гражданином» республики. По горькому своему опыту и опыту своих коллег знаю, как трудно убедить в правоте наделенных неуемным аппетитом приверженцев философии вещизма. Может быть, они прислушаются к совету такого авторитета, как Перикл? Но если уж такие советы требовались во времена Перикла, разве способны они чем-либо помочь в наши дни, когда и возможности, и аппетиты возросли во сто крат? Нельзя без душевной боли смотреть на эту эпидемию вещизма, во время которой вещь буквально скручивает человека в бараний рог и превращает в своего покорнейшего раба. Грустно видеть, как, выражаясь словами того же Фукидида, изменился даже истинный смысл слов в оценках человеческого поведения. Однако не стоит опускать руки. Литература должна вернуть словам их истинный смысл — таким было и остается ее предназначение. Жизнь деформировала многие слова, литература должна их отремонтировать и исправить все этимологические деформации. Вещи надо называть их настоящими именами. И нужно без всяких реверансов постоянно стучаться в сердце человека. А вдруг кому-то это и поможет?

* * *

Наверное, самое трудное дело на свете — научиться смеяться. Тоска, грусть, ностальгия и, наконец, пессимизм — это все признаки незрелости. Смех — свидетельство умственной зрелости. Хныкать способен даже теленок, а вот смех не каждому по зубам. Смех — это серьезная наука, которая начинается с насложной разминки — с улыбки и познается всю жизнь. Научиться шутить (даже когда горло стискивает серебристыми пальцами ностальгия) — великое искусство. И еще большее искусство — гомерический смех. Желаящие узнать, что это такое, должны подняться до олимпийских высот, где за беззаботными шутками коротают время пирующие боги. Я имею в виду не беззаботный или легкомысленный смех. Он свойство характера, учиться этому не надо. Я говорю о смехе, который требует длительной и напряженной подготовки. Овладеть им способна только жизненная философия, в которую постоянно вносятся изменения и дополнения. Расстояние от пессимизма до гомерического хохота примерно такое же, как от Земли до Луны. Не каждому дается преодолеть этот путь. Но отваживаться идти по нему все же надо. Потому что жить без юмора в ситуации, когда над твоей головой постоянно висит наточенный на атомном точиле дамклов меч, действительно нелегко. Человек без юмора не только скучный, но и просто опасный субъект. А смех преодолевает даже такие барьеры, к которым пессимист не осмеливается и приблизиться. Чем скорее пессимизм покидает незрелый ум, тем лучше: человек начинает дышать полной грудью, и вместе с чистым воздухом в кровь поступает больше активизирующих веществ. Так давайте же не будем пренебрегать смехогимнастикой. Взглянем-ка для начала с улыбкой на самих себя, а там дело пойдет...

друг, если знаешь, не представляет ли собою человек, хрупкая игрушка, подвешенная за ниточку страсти, не представляет ли он собою всего лишь паяца, которого подталкивает жизнь и разбивает смерть? Подходить к человеку с такой меркой, разумеется, проще всего. Хотя нельзя не согласиться с тем, что меньше всего человек знает о самом себе, и что человека ежедневно терзает, разрушает и уничтожает сама жизнь как таковая, и что в конце концов его прибирает к своим костлявым рукам смерть — все это чистая правда, с которой ничего не поделаешь. Но все же каждый человек хочет лучше познать и самого себя, каждый лучше или хуже, но должен прожить эту жизнь, наконец каждый из людей должен когда-нибудь взглянуть в глаза и смерти. Такой была судьба и у сына Олимпа Гете, и у гения черной магии Алоизиуса Бертрама, и у миллионов менее выдающихся людей. До сих пор эту схему никому еще не удалось изменить и, думаю, не удастся... У жизни, как и у всего, что существует во Вселенной, есть свое начало, есть и свой конец. Но даже эта втиснутая между двумя полюсами жизнь все же имеет какой-то смысл. Он имеется хотя бы уже по той причине, что глагол «живу» — понятие настоящего времени. Все остальные времена слова «жить» применительно к конкретному человеку просто не существуют. Жизнь дается нам однажды, и другой жизни уже не будет, никто нам ее больше не предожит. Сделаем из этого правильный вывод. Таково требование жизненного реализма. Неужели в жизни у человека нет другого занятия, кроме размышлений над довольно элементарной схемой, сконструированной вышеупомянутыми поэтами? А жить когда? Не повредит, конечно, в часы раздумий вспомнить и эту схему жизни и смерти, выверенную поэтами и мыслителями: чем реальнее человек замечает процесс эрозии своей проходящей жизни, чем явственнее ощущает с каждым днем приближение смерти, ее ледяное дыхание, тем сильнее он цепляется за жизнь. Поэтому нелишне выслушать предостережения поэтов, философов, мыслителей. Но делать трагическое предостережение программой всей своей жизни вряд ли разумно. Знать надо, но совсем необязательно превращать жизнь в похоронный обряд. Вряд ли пессимистическая философия эрозии всего живого ценнее конструктивной жизненной философии.

* * *

Не думайте, что позиция контраверсы художников и критиков — изобретение нашего века. Она стара, как и этот оштанчившийся океан, который Лотреамон наделяет каким-то особым и довольно-таки таинственным смыслом. Может быть, это символ бурлящего водоворота жизни, и может, гребни мятущихся седых волн — своего рода образное отражение мятежной истории? На текст Лотреамона неизменно падает тень солнечного затмения, он всегда как бы затемнен, поэтому зачастую остается лишь строить догадки. Нащупывать главное в поисках точного определения, смысла, чтобы затем восхищаться своему открытию. Потому что во всей мировой литературе нет больше такой восхитительной позиции таинственной водной сти-

хми, этого загадочного Океана, как в исполненных магического очарования лотреамоновских «Песнях Мальдодора». Но, читая его «Песни», я случайно наткнулся на такую, я бы сказал, аполне житейскую мысль. Лотреамон обращается к грозно разбушевавшейся водной стихии с такими словами: «О древний океан, твои воды горьки. Вкус у них точно такой, как у желчи, которую критика изливает на искусство, науку, на все что угодно. Если кто-либо гениален, его выдают за болвана, если кто-то прекрасен телом, значит, он мерзкий горбун». И т. д. Что же в этом нового! Разве не сталкиваемся мы с этим всегда и всюду! А почему? На этот вопрос дает ответ сам Лотреамон: «Я часто задумывался: что легче исследовать — глубь океана или глубины людского сердца?». И в другом месте еще яснее: «...человек говорит лицемерно «да», а думает «нет»...». И тут же снова Лотреамон обращается к черному таинственному океану: «Отвечь же мне: ты ли служишь обителью князю тьмы?.. Ты должен сказать, ибо я возликую, узнав, что ад так близко от человека». К сожалению, ад — и в самом человеке. Потому что духовная деформация: зависть, ненависть, отчуждение, лицемерие, лезть, ложь — и другие подобные чувства как раз и создают ту адскую ситуацию, когда два человека не могут ужиться друг с другом. И вроде бы и места, и воздуха, и пространства хватает, а им все равно тесно. И если один говорит «да», а думает «нет», второй обязательно скажет «нет», а подумает «да». Такая духовная поляризация главным образом является причиной многих бед. И, самое главное, страдают сами же люди. Мы зачастую склонны к такому самоистреблению.

* * *

В Коллизее озверевшая толпа орала: «Panem et circenses!» («Хлеба и зрелищ!»), а в своем уединенном рабочем кабинете Сенека писал, что он никогда не хотел угодить массе, поскольку то, что понятно ему, не нравится массе, а что нравится массе, непонятно ему. Хорошо, если бы теми коллизеевскими играми и зрелищами дело и кончилось, чтобы стихли страсти толпы. Но, оказывается, и голод извечен, и жажда зрелищ неукротима. В скором времени демографическое большинство достигнет шести миллиардов ртов. Рацион хлеба уже сейчас стали уменьшать. Не всем по душе и довольно низкий уровень массовых зрелищ. Даже не верится, что когда-нибудь будут удовлетворены интеллектуальные амбиции Сенеки. Вертикаль культуры сегодня уже порядочно погнута и покорежена. Она слишком тонка, чтобы отразить удары, безжалостно наносимые ей историей. Это поистине удары Гефестова молота! Разве под силу устремленной к звездам и привязанной к одной из них тоненькой и хрупкой платиновой вертикали выдержать такие всеокрушающие удары орудия подземной кузницы? Эта тонкая, словно нить Ариадны, погнутая и искореженная платиновая вертикаль под ударами Гефестова

Рисунок Виталия Федорова

Прошлое — это одновременно и настоящее. Ничто в этом мире не исчезает. Но настоящее — это также и грядущее будущее. В настоящем концентрируются опыт и мечта. Поэтому настоящее — это не только форма настоящего времени элементарной грамматики жизни. Пожалуй, оно и есть то перепутье, на котором концентрируются исторический опыт и идеал будущего. Это довольно-таки оживленный перекресток, где ни на минуту не прекращается интенсивное движение. Вместе с тем на этом перекрестке путник может попасть в пропасть: не сумев правильно сориентироваться, он идет дальше совсем не той дорогой, по которой собирался идти. Это перепутье — настоящая головоломка. От того, как ты решишь этот ребус, и будет зависеть твой дальнейший жизненный путь. Мне кажется, что к этому перекрестку-ребусу следует относиться как к принципу синтеза. Нужно глубоко изучить его, и только такой подход даст желаемые плоды.

* * *

Жизнь коротка, говорил Гете своему юному другу Эккерману, поэтому мы должны делать друг другу хоть что-то приятное. Я вспомнил о беседе этих двух чудачков, получив неприятное письмо от одного читателя. За такое письмо можно было бы и проучить человека, тем более что я за словом в карман не лезу и мне ничего не стоит написать ответ в таком же духе. Но кому это нужно, подумал. Одному уже нервы попортили. А если я напишу что-нибудь в этом духе, то тем самым будет причинена еще одна неприятность еще одному человеку. Зачем ранить еще одно сердце? Хватит и одного. Если же я напишу недружелюбный ответ, — получится будто в отместку. А мстить я давно уже выкинул из обихода. Я придерживаюсь принципа, что самый лучший способ отомстить — это не отвечать злом на зло. Мало того, человек сделал тебе плохое, а ты непременно отвечаешь ему на это добром — это и будет самая хорошая и самая гуманная мсть. Я так и подумал: отослал автору письма свою книгу с дарственной надписью. Через неделю я получил от него довольно теплое письмо. Меня растрогал сам текст письма, но еще более то, что я прочел между строк. Писательским чутьем я почувствовал в подтексте письма чувство неловкости. Считаю, выиграл я. К тому же помог еще одному человеку избежать неприятных переживаний. Мелкая мсть — самое дешевое, самое примитивное, самое банальное средство отмщения. Однако в жизни, по правде говоря, к нему прибегают довольно часто, поэтому и распространяется подобно эпидемии отчуждение между людьми. Это озорчивое, но все же преодолимое явление. Людям нужно только хорошо обдумывать каждый свой шаг, взвешивать каждое слово. Следует строго-на-строго приказывать своему глубинному инстинкту, нашему сторожевому псу, не лаять. А поверхностному импульсу слегка наступить на хвост. Коль скоро нам не под силу вести себя предельно порядочно, давайте хотя бы придерживаться минимальной деликатности. Если ты видишь, что не можешь сделать человеку добро, то не делай ему хотя бы плохого, ведь никто тебя не заставляет. Уже одно такое поведение мы можем называть согласующимся с этикой. Испытай себя на сдержанность раз, другой, третий и увидишь, как много добра ты сделал человеку. И не только ему, но и себе самому: не нарушитесь собственное твое душевное равновесие. У меня не выходят из головы слова, сказанные когда-то мудрым императором (редкий случай, не правда ли?) Марком Аврелием, который, кроме того, был еще и философом. Он считал, что природа сотворила разумные создания для того, чтобы они друг другу не вредили, а приносили пользу. Раз уж мы погрузились в далекую мраморную эпоху, не помешает вспомнить и слова Сенеки о том, что каждый, даже ничем не примечательный человек заслуживает уважения, ибо он носит имя человека. Одно только звание человека нас ко многому обязывает. И увидев, как два представителя рода человеческого, не поделившие добычу, пытаются перегрызть друг другу горло, я хочу остановить, удержать их. Но сильнее всего нас губит зависть — черная, как мрак космической бесконечности. Зависть и мсть могут нас когда-нибудь и вовсе погубить! Гете был прав. Что значит человеческая жизнь? Одно мгновение на голубом циферблате небесных часов, где вместо цифр сияют прекрасные звезды! Гляжу на пестрый луг, где, расправив желтые, как воск, мини-икаровские крылышки, грациозно, как балерина, порхает с цветка на цветок бабочка. Отнимите у нее это удовольствие — все эти травы, все эти небесно-лазоревые и закатно-алые цветы — и что от нее останется? Разве не похож на этого мотылька-однодневку и человек? Отнимите у него растущие на великом лугу жизни цветы оттенка небесной лазури или закатного багрянца, которые радуют его глаз и действуют на сердце как елей, что от человека останется? Вернее, что ему достанется? Вместо сияния мрак, а вместо елей горький привкус желчи? Страшно даже подумать. Давайте же не будем укорачивать себе и без того недолгую жизнь. Подумаем лучше о радостях, которые дарит нам пусть и недолгая (короткая, по Гете!), но красочная, как луг во время сенокоса, жизнь...

Самых ярких моих критиков задевает не мое творчество: они могут критиковать, даже не утруждая себя чтением моих книг. Раздражают их скорее всего мои человеческие принципы. Наконец-то я четко осознал, что до конца моих дней иначе не будет. Поэтому я считаю, не надо прибегать и к компромиссу: все равно не поможет. Мои недруги жаждут моей крови — вот где собака зарыта. Но я решил приберечь свою кровь для творчества. Так и живу. Еще мальчишкой я попал в одну неприятную историю. Мы, ребята с песчаной ухабиной улицы Кранто, что в городе Каунасе, частенько собирались на зеленом неманском берегу порезвиться, как те жеребята. Пронзительная зелень густой прибрежной травы благотворно действовала на душу ребенка, замутненную тяготами нелегкой жизни пролетарских предместий и запорошенную уличной пылью. Здесь она вмиг оживала, избавляясь от привычных серых красок, а уличную пыль смывали чистые и прохладные живительные воды Немана. В Немане мы учились плавать, нырять, тут же рыбачили. Накупавшись вдоволь в речной стремнине, мы падали в прибрежную траву и валялись в ней прямо как жеребята до тех пор, покуда не обсыхали совсем. Густая высокая трава, росшая вдоль всего берега, служила нам своего рода зеленым рушником, завернувшись в который нагишом, мы вытирались досуха. Часто, натаскав прогнивших досок из ограды окрестных дворов и огородов, мы разжигали костер и плясали вокруг него танец диких индейцев. Иногда кто-нибудь из нас приносил мяч, и тогда, разделившись на две команды, мы играли в футбол. Врагами мы никогда не были, жили в мире и дружбе. А если доводилось порой расквасить друг дружке носы, то в этом не было ничего удивительного — такой уж возраст. К тому же нам довелось столько насмотреться у себя, на городской окраине, что не на шутку возникло желание последовать примеру взрослых. Во время одной игры это удовольствие пришлось испытать на своей шкуре и мне. Я хорошо бегал, был живой, подвижный парнишка и легко управлялся на поле с футбольным мячом. Поэтому у меня иногда получалось лучше, чем у других. Повезло и на этот раз: один за другим я забил в ворота противника три гола. И тут я почувствовал недовольство со стороны команды противника. Не успел я, подогнав мяч к их воротам, прицелившись, чтобы врезаться четвертый гол, как на меня навалилась целая орава разъяренных игроков. Я упал у самых ворот и вдруг почувствовал на своем теле удары кулаков и ног. Хрустнули ребра и суставы — тело пронзила резкая боль. Меня бутузили кулаками, пинали ногами. Потасовка, однако, продолжалась недолго. Вскоре малолетние изверги насытили свой кровавый инстинкт и разбежались, оставив меня у ворот, где я лежал, избитый и оплеванный. С трудом поднявшись на ноги, я первым делом бросил затуманенный взгляд в сторону ворот противника. В них я увидел вратаря — своего доброго соседа, вместе с которым мы прочитали всего Купера и Майн Рида и поймали не одного голубя-чужака, приблудившегося к нашим чердакам. Он стоял в позе победителя — широко расставив ноги — и держал в руках мяч. На его губах змеилась юркая и скользкая усмешка. Но я заметил, как воровато бегают его глаза, совсем как у того нашего соседа, китайца, который повесил на ремне моего пса Нерона — любителя стащить что плохо лежит. Злость и ярость, как я понял, у него не прошли. И действительно, вратарь резко шагнул в мою сторону и с такой силой ударил меня мячом в лицо, что у меня из носа брызнула юшка. Я зажал руками нос и опрометью помчался через поле к реке. На футбольном поле раздавался хохот. Смеялись и товарищи по команде, и противник. Вернулся я домой только под вечер. Нос распух, под глазами расплылся огромный синяк. Было больно, что и говорить. Болел нос, саднило лицо. И все-таки больше всего, пожалуй, ныло сердце. Видимо, оно болело оттого, что я не мог забыть безжалостный смех, которым меня провожала с поля родная команда, честь которой я так отчаянно защищал и для которой я заработал три мяча. Я не пожаловался тогда ни отцу, ни матери, ни старшей сестре — залез на чердак, прошмыгнул к себе на голубятню, свернулся калачиком и заснул. Нет, я не испытывал особой злости к вратарю. Зато чувствовал острую неприязнь к своей команде, которая вместо того, чтобы кинуться мне на помощь, с удовольствием посмеялась надо мной, побитым, окровавленным и оплеванным. Долго не мог я простить этой обиды своей команде. Но когда в один прекрасный день встретил на своей улице вратаря, который катался на коньках по первому зимнему льду, во мне опять всколыхнулась волна страшной обиды, вскипела злость. Я нашел под забором мерзлый, твердый, как камень, ком земли, хорошенько прицелился и, когда вратарь приблизился, запустил ему этим комом прямо в лоб. У него, как мне показалось, искры из глаз посыпались. Но искры посыпались из глаз и у меня: я до смерти перепугался. Прибежав домой, забился, как звереныш, в угол и стал ждать, что будет дальше. Спустил примерно час я услышал скрип ворот и увидел в окно свою жертву: сосед вел за руку сына, голова которого была забинтована белой марлей. Под носом у вратаря висела длинная ледя-

ная сосулька — слезы замерзли и свисали длинной льдистой нитью до самого подбородка, если не еще ниже. Вид вратаря так рассмешил меня, что я не выдержал и громко прыснул. Но в тот же миг я услышал довольно суровый разговор двух мужчин. «Твой сын побил моего оловца... рассек ему конским каштаном лоб...» и т. д., и т. п. Вы спросите, чем закончилось это приключение? Чем и должно было закончиться: отец железными пальцами так потянул меня за ухо, что оно распухло, как перезревший гриб, затем съездил своим пролетарским ремешком по заднему месту, сунул мне в руки учебник арифметики и подтолкнул в угол. Здесь твое место, сказал он. И добавил: лучший урок ты найдешь в этой книге! Заруби хорошенько себе на носу, притом на всю жизнь: вычитание всегда хуже сложения — лучше пользуйся действием, которое называется сложение. По такой вот немудреной арифметике живу и теперь.

* * *

Раскрыв том поэзии Александра Блока, я как бы отчалил от берега своего письменного стола и отправился в даль необъятного поэтического океана. Мой собственный «Пьяный корабль», ревящий на волнах шторм, вдруг наскочил на подводный риф и замер... Я был вынужден проверить состояние своего «Пьяного корабля», все его технические параметры, взглянуть блоковскими ультрамаринными глазами на препятствие, ставшее на пути его корабля. Когда я, словно захмелев, свесился через борт своего «Пьяного корабля» и заглянул в глубины блоковского океана, у меня перехватило дух. Мой «Пьяный корабль» зацепился за остроконечный риф мысли, берущий начало в самых глубинах этого поэтического океана и устремленный ввысь почти до самой его лазурной поверхности. Я пораженно разглядывал гигантские лабиринты этого рифа мысли, и вдруг память мою штыком пронзила одна фраза: «только влюбленный имеет право на звание человека...» Вот что, оказывается, я искал! Мало родиться человеком: рождение еще не дает права называться полноценным человеком. Акт рождения — простейшее автоматическое действие в области биологической механики. Недостаточно и умения подавлять в себе кое-какие атавистические явления, скажем, чувство дикой ненависти, которое наверняка больше остальных и деформирует духовную анатомию представителя рода человеческого. Может быть, недостаточно и других усилий, благодаря которым этот представитель знатного рода надеется приблизиться к заветному идеалу. Имя человека надо еще завоевать. Но как? Вот поэт и предложил рецепт: надо влюбиться, полюбить и любить. Кого? Самцу свою самку и наоборот? Необязательно. Давайте проверим себя. Способны ли мы полюбить, скажем, дерево? Яблоню, сосну, грушу, березу или дуб, которые приносят такую реальную пользу человеку и ждут от него любви и заботы? Способны ли мы полюбить реку, озеро или море, без которых мы не представляем себе жизни? Способны ли мы полюбить простую лесную птицу или нежную фиалку, длинноногую козулю или доброго друга нашего дома — собаку, музыку дождя и усыпанный звездами небосвод? Можем ли мы проникнуться любовью, допустим, к валуну, прислонившись к которому на короткий миг, мы пускаемся в сумерки в дальние странствия... по вымощенным мечтами дорогам? Есть ли у нас любимый томик стихов, музыкальное или художественное произведение, способные насытить нашу вечно алчущую душу? И, наконец, можем ли мы любить эту землю, по которой мы ходим? Но из которой мы пришли в этот сложный и интересный мир? которая нас кормит, как добрая мать? и в которую в конце концов мы возвратимся? Давайте испытаем себя как следует. Если мы способны полюбить дерево и любим его, как своего настоящего друга... Нет! Скажу иначе: если мы способны влюбиться в дерево не только как в таковое, но и влюбиться как в женщину... Так будет правильнее, так эту мысль формулирует и А. Блок. Итак, если мы способны полюбить дерево, — мы полюбим и этот мир, в который мы пришли, чтобы любить. Любить, а не ненавидеть этот мир. Только в таком случае мы обречем врожденное право претендовать на высокое звание человека. Поэтому не обижайтесь, если из-за недостаточности высокого ценза (провалили экзамен по духовному самовоспитанию и не получили аттестата зрелости) вам не присвоили этого звания. Мало, я полагаю, родиться человеком, быть всего лишь продуктом биологического акта. Человеком надо стать. Для этого нужно пройти университеты очеловечения человека. Специального учебника по этому предмету у нас нет. Поэтому следует осваивать курс этой науки прежде всего с духовного самовоспитания. Попробуем-ка для начала полюбить хотя бы дерево, реку, цветок, птицу и т. д. Разумеется, и близкого нам человека. И тогда мы сами не заметим, как отдадим свое сердце этому прекрасному миру. А от сердечной любви до окончания курса наук очеловечения и получения аттестата человеческой зрелости всего один шаг. Если же вы хотите получить этот аттестат, а заодно право носить высокое звание человека, — полюбите!..

ЭМБЛЕМЫ

мельница:

приятно крыльев мельницы мельканье!
хоть крылья словно длинным языком
с прожорливостью мелют великанья
мне интервью дает ветряк с трудом
ветряк как фантастическая птица
познавшая космическую власть
мне б с монстром чем-то главным поделиться
но только клювы разные у нас
копьем бы что ли мне побаловаться
как это делал тот чудак худой
и с мельницей болтушкой потрепаться
да только пользы нету в том большой

корона:

осталась тяжкая корона
от лоса на земле рога
и поиск истины исконной
вести им долгие века
при виде этого оружия
такую силу ощутишь
что и поэту станет нужной
когда струна нарушит тишь
когда под окнами любимой
рогами надо сокрушить
копье самой охоты имя
чтоб ночь развеять чтобы жить
одна корона: *vita brevis
ars longa*¹ — общая судьба!
поэт как лось и брэнно время
оружия на глыбе лба
и все ж неплохо коль оставишь
корону если чрез века
ее найдут не скроет залежь
неодолимые рога

коршун:

расправив острые крыла
следит за жертвой коршун четко
взгляд подозрителен вошла
щекочущая алчность в глотку
всклипл детский слабый с вышины
мажорный тонкий возглас флейты
такие голоса страшны —
стал эластичным воздух летний
разлит гармонии туман
и мнится мир объят любовью
а это все и есть обман
в туман охотятся за кровью
и пули когти с высоты
вонзятся в жертву снова снова
и небо рухнет чтобы ты
узнал о притяженьи крови
а как прекрасен он когда
парит в лазурном поднебесье
отродье демона всегда
вам целит в шею с интересом

татуировка:

у речки в тростнике касатик ирис вырос
оскалил зубы голубые тянет в пасть
меня как бабочку цветочка хищный вырез
губителен сопротивляться мне не даст
и что ж? прибрежное растение звереет
душа в голубозубой рот легко втечет
и крылья светлые во тьме его немеют
касатик ирис зев тугой сейчас сомкнет
оставил след в душе касатик лепестками
и синяками — след от стиснутых зубов
но дискутирую я с певчими дроздами
пока так влажен след зубчатый от тисков
но солнце припекло и след в душе особый
касатик челюстью вонзился голубой
индиго татуирует кто был способен
подозревать увы что ирис злой такой
татуировка — иероглиф синей вязью —
никто никто не расшифрует письмена
ни та что натравила ирис впиться сразу
навечно в рану синью даже не она

монстр:

с мнением о Человеке знакомы вы
но расширю его в вашу честь

не всегда homo бедному homin²
только lupus³ — и monstrus⁴ в нем есть
я порой вижу физиономии
так что волосы дыбом встают
ничего нет на лицах знакомого
жир свиной там и тут там и тут
по проспекту единственной линии
туши важно под ручку плывут
жир свиной заливают извилины
путь к корыту известный маршрут
рты их пасти хиMER безобразные
и со злостью слетает с пера
для чего наши мнения разные?
homo homini и etc
а бывает — отсутствие логики —
монстры в шкуры рядятся ягнят
но как мненья не скрыть так и облика
так к чему мне себе изменять
мненья о Человеке знакомое
расширю прошу вас учесть
редкий homo к конкретному homini
есть humanus⁵ и в этом смысл весь

путеуказатель:

мне повседневность не дает дышать
висит на шее камнем можно сдохнуть
болезнью Гамлета измучена душа
но путеуказатель вел неплохо
спокойней чем озерная вода
плещусь себе о бережок песчаный
лениво отдыхаю от труда
и тшусь забыть что я писал о главном
мне серых дней обрыдла суэта
к чему себя да и других мне мучить
не нужен иллюзорный вес тшета
пожалуй шею лишь к яру приучит
чудесно мне у берега в тиши
где лилии как бабочки застыли
где лодочки уткнулись в камыши
как будто их предательски пленили
песчаная лазурна полоса
весь в незабудках мой пологий берег
лежу среди них я как на небесах
где сладко жить и где так сладко верить
путь серый может и с ума свести
послать его и в бога в душу мало
но здесь я должен что-то обрести
ведь далеко еще мне до финала
остались лира верная моя
и первая моя любовь до гроба
и главное и понимаю я
что стоит жить так что всего вам с богом!

диспут:

ну не могу! ну отлучите от Парнаса
возьмите цацки — сам уйду от вас я в тень
кто роет яму ближнему живет опасно:
сам сверзится в нее в один прекрасный день
отвратны мне инсинуации телеги
избитой клячей тяжкий груз наверх тащу
и циников ирония и зуб коллеги
проели до мозгов живую плоть мою
я дифирамбы до печенок ненавижу
но в равнодушной тишине бы жить не смог
к кому с надеждою взываю подари же
мне томасморковский зеленый островок
где сам я для себя мир собственный построю
где наломаю дров и их не соберет
литературовед где создано все мною
где Я взращу свободно критикам в ответ
где элегически цветы цветут уютно
где ностальгически задумчивы дубы
разменные слова надеюсь не вобьют мне
в башку разумники все сам хочу добыть
здесь вольный бродит зверь и птицу манят дали
здесь отдыхаю сердцем мир хочу понять
жизнь хороша и я быть не могу вандалом
деритесь и сражайтесь сами без меня

гнездо:

ни о чем не прошу тех кто выше
на болоте гадюки везде —
мне б как ласточке место под крышей
и оставьте личугу в гнезде
жизнь — ошибка я понял устало
зря любил и любви присягал
ты жестоко лицо мне вспахала
каждый мускул лица зарыдал
что осталось? умыться и скрыться
и от жизни удрать далеко
хоть шиповником рана дымит
но хоть сердце очистил свое
для гнезда нужен ласточке угол
не нужны закрома и склады
быть поближе к травинке упругой
быть подальше от псевдозвезды
и теперь не прошу тех кто выше
вы живите в гадючьей воде
но оставьте как крысе подкрышье
но оставьте личугу в гнезде

лунатик:

когда среди ночи кладу я с левого боку Месяц
то разговор с ним длится
до взрыва всплеска зари —
до третьих чочетов мы ведем по душам беседу
о прожитом о дороге совместно пройденной с ним
мы обсуждаем что было что не было что могло быть
как два пастушонка сопливых лежим
у костра звезды
и пламень ее холодный нас греет когда костлявой
рукой парикмахер ветер ласкает звезду костра
пальцы ветра закручивают из лепестков пылающих
фризурю красную почки розы в которой уже
сказка детства увяла и превратилась в мумию
или же дремлет сольвейговски став

белоснежной седой
юности красная шапочка нежно

к груди прижавшая
трепетными перстами синюю птицу лжи
так мне и не показала ее а ведь бегали вместе
все позабыв на свете к реке под названием Стикс
единственная в мире сумела поймать ту птицу
единственная которая могла б мне ее подарить
но не посмела крылатого так и лишен я подарка
а у других что мимо меня как деревья прошли
и не просил их тени раскалены фиолетово
ибо в душе их не было дупла где б нашла приют
синяя синяя птица —

вот закричал на заборе
словно дракон огненный из сказок
горластый петух

орущему этому мамонту
я б снес с удовольствием голову
да жаль что в средневековье сломалась

сабля моя
моя деревянная сабля другой же увы нету
и пастушками раздутый костер лепестки сложил
пламени звездная роза от резкого ветра увяла
юности красная шапочка — детства снегирь —

умерла
сольвейговские кудри похитил как белые тучки
легко разорвал на части в своей горсти

перепутал
и разметал по свету мой старый

школьный товарищ
этот лентяй Месяц и в небе исчез как душа —
встал потянулся вылез из логовца хлебобоба
и неуклюже потопал медведем на кухню варить
запахший вдруг почему-то землей утренний кофе

экспонат:

вот мамонт застыл экспонатом
в музее скелет его матов
глазеом толпа собралась
как будто он скажет сейчас
откуда как жил скажет имя
да только молчит мамонт вымер
быть может планета была
для мамонта очень мала
быть может бедняга скончался
что слишком большим оказался
и миру нужны существа
поменьше и все тут слова
а может быть вымер вдруг сразу
и наш человеческий разум?

циферблат:

ad hominem⁶ время начнем исчислять мы —
это точнейшие в мире часы без сомненья
и хоть их секунды равняются может быть нашим
столетьям

минуты равняются тысячам лет и т д
никто поточнее часов не придумал пока что
и стал уникальным мерилом времени сам человек
а мастер остался увы в неизвестности скрытым
лишь предполагаемым но неразгаданным — да!
изденье его невозможно подделать умельцу
никто не сумеет создать уникальнейший

инструмент
ах кто мне ответит какой ювелир и механик
фирмы AD HOMINEM создал часы?

череп:

белый мой череп
колода белой березы
в которой торчит застрявший топор
черные дыры глазниц —
это дупла влетают и
вылетают из них точно птицы
врезанные в белый мрамор слова:
*exoriaris aliquis nostris
ex ossibus ultor — dixi*⁷

¹ жизнь коротка, искусство вечно (лат.)

² человек человеку

³ волк

⁴ чудовище

⁵ человеческий

⁶ применительно к человеку

⁷ восстанет из наших костей некий мститель — сказал

Анна БЕРДИЧЕВСКАЯ

Фото Бадри ВАДАЧКОРИЯ

«**Б**огиня радуги Ирида не знает усталости. Она прислуживает Гере во время утреннего и вечернего туалета, следит за одеждой и украшениями царицы неба. В ее обязанности входит растягивать по небу чудесное семицветное полотнище радуги. У Ириды огромные сияющие крылья, она летает быстрее Гермеса...»

Неутомимость богини, ее жизнерадостность и крылья — все это пригласило организаторам «Ириды» — так назвали свой кооперативный салон мод молодые художники-модельеры Хатуна Джапаридзе, Мака Нацлишвили, Дима Кобахидзе. Кооперативу всего несколько месяцев, но он стал уже не только одним из самых популярных в Тбилиси магази-

нов-ателье, но и своего рода молодежным клубом. Здесь можно выпить чашку кофе, послушать музыку, обсудить новинки моды, но главное — стать зрителем яркого спектакля. Да, да, спектакля, потому что в параде одежды участвуют, например, Лика Кавжарадзе (помните, исполнительница главной роли в фильме Тенгиза Абуладзе «Древо желаний»), Майя Канкава (она играла в фильме Георгия Данелия «Мелодии Верийского квартала»)... Девять манекенщиц демонстрируют образцы моделей, которые на следующий же день поступают в продажу. Работать в салоне всем членам кооператива (сейчас их уже двадцать да по совместительству, по договорам примерно столько же) приходится много. Но

вот что по этому поводу говорит Хатуна Джапаридзе:

— Для себя мы уже выяснили, что интенсивный, напряженный труд не в тягость, если он творческий, если работаешь с единомышленниками. Мы пока не можем похвастаться особенно большими заработками: Прежде всего надо расплатиться с государством за ссуду — 45 тысяч, обзавестись всем необходимым, вообще стать на ноги. Салон не пустует, и это — главное.

Уже сейчас попасть на демонстрацию новых моделей в «Ириду» почти невозможно. В маленьком демонстрационном зале по бесплатным входным пропускам набирается столько народу — яблоку негде упасть. Платные же билеты, дающие, кстати, право на приобретение одежды, стоят недешево — пять рублей. А именно из стоимости этих билетов и складываются скромные гонорары манекенщиц.

— Дело не в деньгах, — говорит по этому поводу Лика Кавжарадзе. — Большинство из нас непрофессиональные манекенщицы. Есть врачи, архитекторы, филологи. Я ведь тоже непрофессиональная актриса — окончила консерваторию, преподаю... Знаете, я думаю, что каждая молодая женщина, чем бы она ни занималась, в глубине души хочет хотя бы изредка поиграть в «салон мод». «Ирида» несколько раз в месяц дает нам такую возможность.

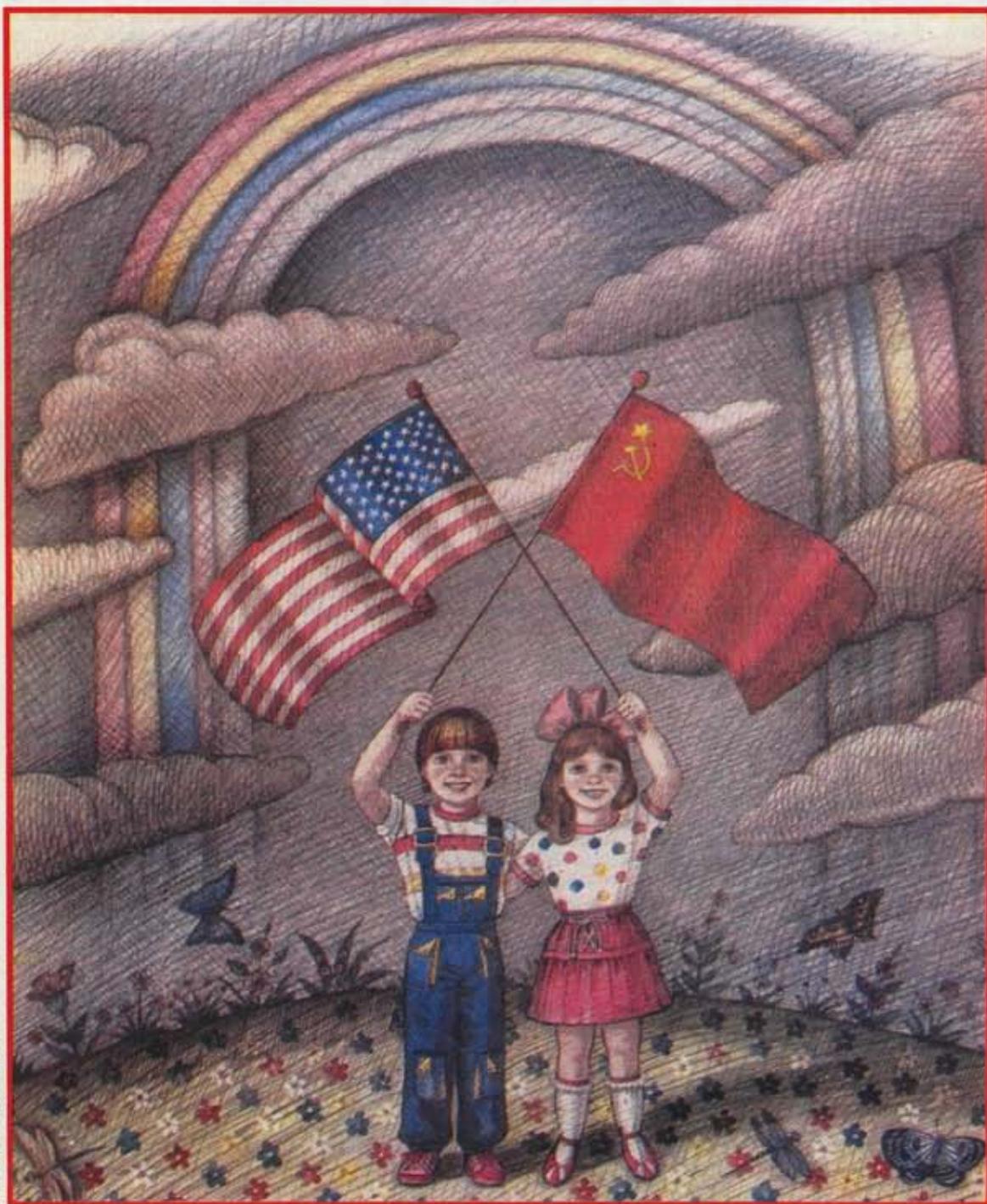
Конечно, в жизни «Ириды» наряду с карнавалом, праздником, творчеством немало трудностей и проблем. Идет поиск надежных партнеров, поставщиков обуви, фурнитуры, бижутерии. Причем по эскизам модельера «Ириды». Похоже, намечается новая тенденция в экономической жизни предприятия — кооперация с кооперативами. Прецедент уже есть — само помещение для салона мод построено и оформлено по эскизам и при участии тбилисского кооператива дизайнеров «Иери» (в переводе с грузинского — «Образ»).

Появилась у «Ириды» возможность выйти за пределы Тбилиси, и опять-таки с помощью кооператива, на этот раз торгового.

— Это позволит нам создавать маленькие серии и удешевить изделия, — объясняет Хатуна. — Кроме того, использовать ткани, которые здесь, в Тбилиси, не идут просто потому, что они местные, ими затоварены магазины. Вообще же приобретать для кооператива необычные, модные ткани — пока что самое сложное. Надеемся наладить контакты с государственными предприятиями: намного удешевилось бы производство и в конечном итоге наши изделия. Но пока это остается мечтой.

НА КРЫЛЬЯХ «ИРИДЫ»

Перед вами отрывки из сочинений американских школьников на тему «Ядерное вооружение и договор о мире». Их прислала вместе с письмом на имя Михаила Сергеевича Горбачева преподаватель Ж. Л. Уилсон из средней школы города Седар Спрингс.

Плакат В. ВАГИНА

«Уважаемый г-н Горбачев. Моему седьмому классу английского языка средней школы Седар Спрингс,— пишет учительница из далекого Мичигана г-жа Жанет Л. Уилсон,— было дано задание — написать сочинение с использованием слов: ядерное разоружение, системы обороны и прочный мир. Основной темой сочинения явился Договор по ограничению вооружений, подписанный США и СССР.

Кроме явной надежды на усвоение моими учениками данных слов, я преследовала и другую цель — объяснить им ту грандиозную и важную работу, которую Вы проделали в очень сложной обстановке».

Вот они — сочинения этих американских ребят: Донны Кангас, Сары Бэггинк, Лауры Пуллен, Криса Бенке, Энджи Бурман, Дженни Грегори, Бет Шмальц. Иногда наивные, иногда очень серьезные, аккуратные и не очень, с орфографическими ошибками и без таковых, но во всех звучит огромная надежда. Надежда и ответственность за будущее. Это — главное.

«...У каждой страны должно остаться по пять боевых ракет, по две маленькие бомбы, по четыре боеголовки и по три ракеты. Ни одной из стран никогда не будет разрешено иметь больше этого количества оружия. Настоящий договор запрещает все ядерные бомбы, способные уничтожить целую страну...»

«...Народ США считает, что сокращение ядерных боеголовок необходимо для выживания планеты и человечества...»

«...Мы, народы Соединенных Штатов Америки и Союза Советских Социалистических Республик, заключили настоящий Договор об ограничении вооружений в надежде снизить опасность ядерной войны с тем, чтобы в мире стало лучше жить...»

«...Следует использовать такой метод уничтожения: а) разрядить ракеты, б) расплавить их, в) полученный металл использовать на другие нужды...»

В этих строчках, написанных американскими школьниками, ясно видно стремление сделать наш мир добрее и счастливее. И это не безвольный пацифизм, а готовность отстаивать свои убеждения в рядах борцов за мир.

«...Мы, американцы, считаем Россию самой удивительной страной в мире. Мы надеемся, что народы двух стран могут быть друзьями, независимо от их национальности или места жительства. Многие годы мы изучали друг друга, узнавали о правительстве, народе, сельском хозяйстве и множестве других важных вещей...»

«...Мы надеемся, что все согласны с Договором и полностью его поддерживают. Если Договор не подействует, мы не знаем, что удержит нас от уничтожения друг друга...»

Они очень хотят верить в то, что Договор «подействует», в то, что народы наших стран будут дружить. Дружить — в этом глаголе слышится сразу два замечательных слова: жить и друг. Жить с друзьями, жить в мире. Что несет нам день грядущий, точно не знает никто. Но очень хочется верить, что эти двенадцатилетние школьники из США и их сверстники из всех стран войдут в историю человечества, как Поколение мира. Чтобы эта мечта воплотилась в жизнь, нельзя ждать подачек от судьбы, нужно бороться. Это даже дети понимают...

ПОКОЛЕНИЕ МИРА

"ПИСАТЬ ВСЁ-ТАКИ НАДО!.."

Окончание. Начало на 2-й обл.

Ленин написал свое «Завещание» в декабре 1922 года — январе 1923 года, за три с половиной месяца до XII съезда, открывшегося 17 апреля 1923 года, и адресовал свои письма «Очередному съезду партии». До сведения делегатов XII съезда воля Ленина доведена не была. (Я был делегатом XII съезда РКП(б), больше того, я не верю, чтобы Ленин писал свои рекомендации очередному съезду партии и сопроводил конверт своей надписью: «Вскрыть после моей смерти».)

Сталин оттягивал оглашение воли Ленина и хотел спрятать «Завещание». Но так как об этих письмах знали другие члены Политбюро ЦК и Н. К. Крупская и требования объявить волю Ленина раздавались все настойчивее, Сталин был вынужден пойти на обнаружение «Завещания» на XIII съезде партии, созванном в мае 1924 года, спустя четыре месяца после смерти Владимира Ильича.

Я был также делегатом и XIII съезда РКП(б).

«Завещание» Ильича оглашалось на собраниях делегаций съезда. В одном из малых залов Кремлевского дворца состоялось собрание нашей делегации Северного Кавказа вместе с закавказцами. За столом президиума — Микоян, первый секретарь Северокавказского крайкома партии, Орджоникидзе, первый секретарь Закавказского крайкома, и Ворошилов, член ЦК РКП(б), командовавший тогда военным округом в Ростове-на-Дону. Председательствовавший Г. К. Орджоникидзе представил слово Ворошилову для оглашения последних писем Владимира Ильича.

Ошеломленные слушатели внимают ленинскому предостережению:

...«Тов. Сталин, сделавшись Генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью».

Сталин слишком груб, и этот недостаток... становится нетерпимым в должности Генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека...»

...Прочитаны последние слова ленинского письма, ставшего известным как «Завещание». Гробовое молчание. Серго спрашивает: «Вопросы есть?» Все молчат. А какие будут вопросы, когда мудрый вождь и учитель покинул нас, и невозможно его переспросить?

Орджоникидзе страдальческим голосом обращается к Ворошилову: «Климент Ефремович, читай снова!»

Мы прослушали «Завещание» вторично. Потом выступили три оратора, три цекиста: Микоян, Ворошилов, Орджоникидзе. Они говорили о том, что Сталин подал в отставку с поста Генерального секретаря, что он обещал учесть замечания Ленина. Они говорили, что вокруг Сталина сплотилось большинство Центрального Комитета, подавляющее большинство коммунистов, что Сталин у гроба Ленина от имени всей партии дал клятву свято выполнять ленинские заветы, что оппозиционеры, и прежде всего Троцкий, травят Сталина. Но Троцкий, по утверждению Ленина, никогда не был большевиком, его Ленин называл «Иудушкой». Троцкий всегда боролся с Лениным, и Сталин ему ненавистен, как продолжатель дела Ленина.

Орджоникидзе, Микоян и Ворошилов призвали нас присоединиться к решению пленума ЦК, отклонившего отставку Сталина.

Так мы проголосовали за Сталина... Некоторые утверждают, что Сталин возмнил себя всеильным «божеством» в последние годы своей жизни,

что культ личности Сталина характерен для последнего периода его руководства.

Неверно. Еще в 1923 году, в начальный период работы Сталина на посту Генерального секретаря, Ленин увидел опасность самовластия Сталина и дал этому характеристику: сосредоточение в руках Сталина необъятной власти, опасность злоупотребления этой необъятной властью, нетерпимая грубость Сталина, нелояльность его к товарищам, капризность и пр.

Ленин так и предлагал: «назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю... это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение».

Так, к нашему общему горю, и вышло: **получила решающее значение.**

К этому году, первому году без Ленина, относятся факты, когда Сталин постепенно подчинял своему влиянию окружающих, исподволь готовясь к расправе над несогласными. Укрепление своей власти Сталин хитро маскировал именем Ленина, выставляя себя верным и скромным ленинским учеником.

Весной 1924 года я был у Микояна. Анастас Иванович рассказывал об усилии Сталина сплотить большинство в Центральном Комитете, резко отзывался о враждебном к Сталину и большинству отношении Троцкого и троцкистов. Только что отремела дискуссия в партии и в комсомоле по поводу «нового курса» Троцкого. Троцкий пытался натравить «молодежь» на «стариков», обвинил старые большевистские кадры в буржуазном перерождении, провозгласил свободу фракций и группировок, утверждал, что «барометром» партии является учащаяся молодежь.

В «Правде» была напечатана статья членов ЦК комсомола Смородина, Леонова и других «К вопросу о двух поколениях». В ней говорилось: «Провести грань между молодежью и стариками в нашей партии — это значит сказать, что нашей Коммунистической партии будущее уже не принадлежит, подобно тому, как оно не принадлежит Каутскому, русским меньшевикам. Только там всплывает проблема «отцов и детей», где отцы стоят уже одной ногой в гробу. Мы хотели бы рассматривать рабочую демократию, новый курс партии не как замену влияния старых кадров партии взаимодействием самых различных влияний, но как еще большее по объему и еще более глубокое втягивание всей молодежи под руководящее влияние большевистских кадров партии».

Небольшая группа бывших комсомольских работников выступила в «Правде» с защитой взглядов Троцкого, но группа эта не встретила поддержки в комсомоле, да и сами эти товарищи вскоре отказались от своих заблуждений.

В Ростове мы выступили с открытым письмом, осуждающим троцкизм. Письмо подписали члены краевого бюро комсомола и активисты Ростовской организации. Письмо было опубликовано в газетах края и в «Правде». Наше ясное и решительное выступление в защиту линии партии получило одобрение партийного руководства...

Итак, в беседе о внутрипартийных делах Микоян сказал мне о раздражении Сталина поведением Н. К. Крупской после смерти Владимира Ильича.

«Крупская вздумала не отдавать

Сталину, Генеральному секретарю ЦК, какие-то документы, письма Ленина», — сообщил Микоян.

«Сталин считает, она много себе позволяет. Тот факт, что она — жена Ленина, не дает ей права монопольно владеть ленинскими документами, которые являются достоянием партии, даже если, как уверяет Крупская, речь идет о чисто личных письмах Ильича».

Микоян, как и многие цекисты, находился под сильнейшим и бесспорным влиянием Сталина и безоговорочно воспринимал его оценки людей и событий.

Сталин же, как видно, проявлял обостренный интерес ко всему, написанному Лениным, особенно в последнее время жизни Ильича, когда Ленин очень много думал о судьбах партии и продиктовал свое «Завещание» и другие письма.

6 апреля 1925 года я делал в Оргбюро ЦК РКП(б) доклад о работе комсомола в деревне. По докладу выступил Сталин с речью «О комсомольском активе в деревне» и предложил для воспитания молодого актива выпустить серию популярных брошюр по вопросам политики партии в деревне, об основных вопросах ленинизма, по советскому строительству, по агрономии, о работе комсомола, по вопросам кооперации.

ЦК комсомола очень быстро создал серию книжек, написанных известными партийными товарищами. Первой книжкой этой «библиотеки» мы дали выступление В. И. Ленина на III съезде РКСМ, назвав ее «Заветы Ленина молодежи».

И вот я снова докладываю на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) о выполнении поручения ЦК партии. Участникам заседания представлены книжки, объединенные общей папкой. Наше издательство «Молодая гвардия» быстро и хорошо оформило библиотеку.

На заседании присутствовал Сталин, председательствовал Молотов. После разговора со Сталиным Молотов уводит меня в угол комнаты и говорит:

— Вся библиотечка составлена хорошо. Только в первой книжке уберите название «Заветы Ленина молодежи». При чем тут «Заветы», что значит «Заветы»? У комсомола есть партия, ее Центральный Комитет. Зачем речь Ленина, произнесенную в двадцатом году, преподносить как «заветы», словно она какое-то «завещание» молодежи. Ленин никаких «завещаний» комсомолу не оставил...

— Позвольте, товарищ Молотов, речь Ленина на III съезде РКСМ «О задачах союзов молодежи» мы рассматриваем как заветы Ильича молодежи, потому что она носит перспективный, программный характер.

— Кто это мы? — сухо осведомляет-ся Молотов.

— Мы — бюро Цкамола.

— Я вам передаю пожелание Сталина.

— Сейчас мы посоветуемся.

— С кем?

— С Чаплиным.

— Пожалуйста. И внесите предложение о замене заглавия «Заветы Ленина» словами «О задачах союзов молодежи».

Чаплин, первый секретарь ЦК комсомола, был на заседании. Я уединился с ним в углу зала. Сталин хмуро посматривал в нашу сторону, посасывая трубку. Молотов вернулся на место председателя.

Разговор с Чаплиным был недолгим. «Если хотят изменить данное нами наименование ленинской книжки, пусть это делают сами».

Мы с Чаплиным поняли неприязненное отношение Сталина к словам «заветы», «завещание Ленина».

В заключительном слове я не предложил замены наименования книжки Ильича. Не предположил этой замены и Молотов, переглянувшийся со Сталиным.

Наша «библиотечка» открывалась книжкой «Заветы Ленина молодежи» — речью В. И. Ленина на III съезде комсомола. Эта речь вошла в историю ВЛКСМ как ленинские заветы комсомолу.

В 1925—1927 годах членом бюро ЦК комсомола и членом президиума Исполкома Коминтерна молодежи работал Бесо Ломинадзе. До этого он был первым секретарем ЦК партии Грузии.

Бесо был близок к Орджоникидзе и Микояну. В те годы он нередко бывал у Сталина. В 1938 году Ломинадзе покончил с собой, узнав, что в НКВД сфабриковано на него «дело» и Сталин фактически дал уже санкцию на его арест, лицемерно предложив предварительно потребовать от Ломинадзе письменные показания по поводу заведомо клеветнических обвинений.

Ломинадзе был вызван в Челябинск первым секретарем областного комитета партии Рындиным. Бесо был тогда первым секретарем Магнитогорского горкома партии.

Ломинадзе написал письмо в Центральный Комитет, записки членам бюро Магнитогорского горкома и жене, а подвезжая в автомашине к Магнитогорску, застрелился...

Возвращаюсь к двадцатым годам. Раз Бесо зашел ко мне в ЦК комсомола.

— Я был у Сталина, — сказал он. — У него лежит на столе изданная в Тбилиси брошюра Берия «К истории закавказских коммунистических организаций» — доклад на собрании местного актива. Сталин иронически показал пальцем на брошюру: «Вот полюбуйся, новоявленный историк объявился. Известно, что работа эта составлена молодыми историками Грузинского филиала Института Маркса — Энгельса — Ленина. Авторы, естественно, принесли свой труд до его опубликования секретарю крайкома партии. А этот последний создал актив, прочел на активе чужой труд и опубликовал его от своего имени. Как тебе нравятся такие нравы?» — И Бесо показал, как Сталин брезгливо взял двумя пальцами эту книжонку и отшвырнул на край стола. — Ты понимаешь, Сталину претит подхалимство Берия, он видит этого карьериста насковоз, он хочет быть выше подобных приемов восхваления его личности.

Ломинадзе, как и многие, желаемое выдавал за действительное. Сталин же был коварным, лицемерным и беспринципным.

«Без него» и «за него» Молотов и Каганович дали указание заведующему Партиздатом Бройдо переиздать книжонку Берия, извращавшую исторические факты в угоду Сталину.

На заседании Секретариата ЦК партии я увидел у Бройдо сигнальные экземпляры книжки.

— Сталину же не понравилась эта книжка, мне говорили об этом со слов Сталина, — сказал я Бройдо.

Бройдо посмотрел на меня, насмешливо улыбаясь и не ответил...

Вспоминается такой случай. Поздно вечером Сталин позвонил мне домой. Сказал, что утром у меня будет Харитонов — первый секретарь Уральского обкома партии, член ЦК РКП(б). Он приехал в Москву протестовать против смены пленумом областного комитета комсомола секретаря обкома комсомола, сторонника взглядов Зиновьева. Мы в ЦК комсомола одобрили эту замену. Сталину это было известно.

Сталин сказал мне по телефону: «Не обращайтесь на настоящих Харитонов. Ваши действия правильные. Не удивляйтесь ссылкам Харитонova на меня, Сталина. Повторяю, не удивляйтесь. Понятно?»

Утром Харитонов бушевал у меня в комнате. (Чаплин был где-то в отъезде.) Я объяснил ему, что пленум областного комитета комсомола по уставу правомочен сменить своего секретаря. Новый товарищ способен лучше сплю-

тить актив комсомола вокруг линии партии. И я, и другие секретари ЦК комсомола одобряют решение уральских комсомольцев.

Тогда Харитонов заявил, что он вчера был у Сталина. Сталин считает протест Харитонова основательным, сказал, что ничего не знает о позиции секретариата ЦК комсомола, сожалеет, если секретариат Цемамола одобрил решение уральских комсомольцев и не посчитался с мнением, высказанным первым секретарем Уралобкома Харитоновым. Сталин предложил Харитонову пойти в Цемамол и переговорить со мной.

Харитонов бушевал, называл мою позицию безответственной, мальчишеской. А меня не покидала мысль — Сталин предупредил вчера: «Не удивляйся». Но надо ли было ему отреагировать от того, что он сам знал и одобрил?

Разъяренный Харитонов снова помчался к Сталину. А ко мне вскоре пришел Ломинадзе. «Встретил Харитонova. Рукает тебя, ссылается на Сталина, говорит, что Сталин удивлен твоей безответственностью. Харитонов тебе передал указание Сталина, а ты в ответ лишь усмехнулся. Неужели правда? Что это значит?»

Я «сразил» Ломинадзе рассказом о предупреждении Сталина — не обращать внимания на крики Харитонova и не удивляться ссылом Харитонova на беседу его со Сталиным. Бесо широко раскрыл глаза и пробормотал: «Не понимаю, зачем ему надо прибегать к подобным методам».

Спустя полчаса раздался телефонный звонок. Я услышал голос Сталина: «Молодец, Мильчаков! Харитонов прямо бесился... Вы оказали большую услугу Центральному Комитету».

Я положил трубку и задумался. От всей этой истории осталось какое-то смешанное чувство...

...В 1939 году в этальном лагере под Красноярском неожиданно встретился я с Харитоновым. Было это возле крайнего барака, на «площадке слез наших матерей», как с горькой иронией называли эту площадку заключенные. Харитонов устремился ко мне:

— А ведь я тогда понимал, что Сталин одобрил твоё поведение и только себя хотел изобразить сторонником единства, «апостолом в белых одеждах». Руками одних он устранял других. Вашими руками он уничтожал всеяские оппозиции, а теперь дошла очередь и до вас. Вы ему не нужны, слишком много знаете. И стали «ненадежными», развенчавшими в душе кумира своего...

Я ушел от кричавшего Харитонova. На сердце давно лежал камень. Боль он причинял нестерпимую...

В разгар борьбы с «зиновьевцами» и троцкистами накануне XIV съезда партии, когда комсомол и его актив играли немалую роль во внутрипартийной борьбе, Сталин особенно часто беседовал с нами, секретарями ЦК комсомола.

Раз он пригласил Николая Чаллина и меня к себе домой. В назначенный час мы стояли у дверей сталинской квартиры. Позвонили. Дверь открыла Аллилуева, пригласила войти, а сама ушла в другую половину квартиры.

Мы оказались в комнате, уставленной книжными полками. В глубине через раскрытую дверь виден кабинет, письменный стол, лампа. Сталин стоя разговаривал по телефону. Он вышел к нам, поздоровался, пригласил сесть: «И курите, не стесняйтесь».

Сталин решил в домашней обстановке, спокойно и неторопливо поговорить с нами о положении в партии и расспросить об обстановке в комсомоле.

Он подробно говорил об оппортунизме Зиновьева и Каменева, об их «штрейкбрехерстве» в октябре, брал с полки книги Ленина, зачитывал ленинские характеристики Зиновьева и Каменева. Останавливался на по-

следних ошибках зиновьевцев, на их «вылазках» в ленинградской печати. (Разговор происходил накануне XIV съезда партии.) Он едко высмеивал их отрыв от практики, от жизни, называя их интеллигентами, вельможами, ничего не смыслящими в деревенской жизни.

Далее Сталин раскритиковал Бухарина, снова привлек ленинские оценки теоретических заблуждений Бухарина. «Досталось» Бухарину и за правый уклон, и за «всегдашнее трусливое примиренчество», и за совпадение его взглядов с настроением Н. К. Крупской, «которая скатывается в объятия оппозиции»...

Казалось, все на своем месте; секретарь партии учит уму-разуму молодых коммунистов, секретарей комсомола. Но Сталин не мог скрыть да и не скрывал своей личной неприязни к названным лицам. Он говорил о них с раздражением. Получилось, что лидеры оппозиции и «примиренцы к ним» — люди конченые, отпетые враги. Сталину заранее известно, что в лоно партии они не вернуться, вопрос их отсечения — лишь дело времени.

Поразил нас заключительный штрих в беседе. Сталин прошел в кабинет, взял со стола картонку, как оказалось, со списком членов и кандидатов ЦК и показал ее нам:

— Абсолютное большинство в ЦК — за генеральную линию партии, оппозиционеров всех мастей — меньшинство. Есть еще незначительная кучка людей, представляющих «болото». Таким образом — все ясно. Оппозиционерам — крышка.

Когда мы собрались уходить, Сталин сказал:

— Я провожу.
Он накиннул на плечи меховой пиджак, надел на голову шапку-ушанку и вышел с нами.

Часовому, кремлевскому курсанту, он показал книжечку члена Президиума ЦИК СССР и промолвил:

— Пропустите товарищей, они были у Сталина.

Медленно шли мы домой, в гостиницу «Париж» в Охотном ряду, именовавшуюся тогда Домом Советов.

— Ну как, что скажешь?
— Все бы хорошо, да уж больно он злой...

— Да, их он ненавидит.
— Он для себя, как видно, давно решил вопрос об их судьбе, из ЦК их уберут...

— А список цекистов с пометками: «за», «против», «болото»?.. Организация он отменный, у него все подсчитано...

— Но Ильич не хотел, чтобы лидер партии обладал такими чертами характера, как грубость, нелояльность к товарищам...

— Он их давно не считает товарищами, он и нам внушает: это — враги, враги, враги...

26 января 1934 года в Кремле открылся XVII съезд ВКП(б), вошедший в историю партии как «съезд победителей».

Социалистическое хозяйство и культура достигли больших успехов. Любимец партии Киров произнес на съезде вдохновенную речь и воскликнул, говоря о нашем богатырском росте, что хочется жить и жить, радостно строя коммунизм.

Я живо помню, будучи делегатом съезда, атмосферу подъема, царившую на съезде. И все взволнованно приветствовали Кирова, выразившего общее настроение.

Все оппозиции были давно разбиты и лидеры оппозиций признали свое полное поражение и склонили повинную голову перед волей партии и ее дисциплиной, перед единодушием «съезда победителей».

Бухарин говорил о «замечательно правильной генеральной линии партии»

и признал полностью оправданным и неизбежным «беспощадный разгром всех оппозиций и правой оппозиции как главной опасности, т. е. той самой группировки, к которой я когда-то принадлежал».

Он восхвалял руководство «славного фельдмаршала пролетарских сил, лучшего из лучших — товарища Сталина».

Зиновьев клялся: «Я изжил полностью, до конца, всю ту свою антипартийную полосу, которая привела меня в такое положение отчуждения от партии, в котором я был целый ряд лет. Я понял полностью и до конца те гигантские ошибки, которые я совершил. Это была целая цепь ошибок... особенно в свете моих октябрьских ошибок».

О съезде Зиновьев сказал: «Настоящий съезд есть триумф партии, триумф рабочего класса».

Каменев с трибуны съезда твердил об «эпохе Сталина» и приветствовал его, как «нашего вождя и командира». Своё положение Каменев заклеил определенным образом: «Я считаю того Каменева, который боролся с партией и ее руководством, с 1925 года по 1933 год, политическим трупом»...

Ломинадзе охарактеризовал Сталина как «великого преемника Ленина».

Преображенский призвал: «Голосуй с товарищем Сталиным — не ошибешься». Осинский пел дифирамбы Сталину — «вождю мирового коммунизма, организатору великих побед».

Томский уверял, что он «готов защищать от начала до конца всю линию партии, каждый ее практический шаг», а о Сталине славословил: «Сталин — великий инженер социалистического строительства, вождь всего рабочего класса».

Киров очень метко отозвался о положении бывших оппозиционеров: «Им очень трудно стать на партийные позиции... Еще некоторое время пройдет, пока вся эта обонная рать вольется в нашу победную коммунистическую армию».

И Сталин мог торжествовать победу. Мог бы...

Но он не чувствовал себя спокойным, пока были физически живы его противники («соперники»), пока жили те, кто работал с Лениным и знал о настороженном, а потом и отрицательном отношении Ленина к Сталину, пока оставались живы старые большевики, которым были ведомы антиленинские ошибки Сталина еще в дооктябрьский период истории партии и которым претило нарастающее всхваливание Сталина и безудержно раздувавшийся культ его личности. Он не чувствовал себя спокойным, потому что слишком многим был известен и очевиден его моральный облик, политическая беспринципность, грубость и жестокость. У Сталина, по-видимому, созрел план последовательного беспощадного уничтожения всех, кто мог помешать его неограниченной власти, кто сомневался или мог сомневаться в правильности его действий, с тем чтобы запугать остальных.

Между тем именно на «съезде победителей» при тайном голосовании нового состава Центрального Комитета фамилия Сталина была зачеркнута большинством делегатов, чем на предыдущих съездах. Прежде, тем более при Ленине, результаты голосования оглашались на съездах. Теперь завели порядок называть только фамилии избранных.

Члены счетной комиссии, выбранной съездом, видели, как Ежов угодливо потащил к Сталину все бюллетени, отмеченные вычеркиванием его имени. Сталина охватила ярость. Ежов учинил тщетный розыск: кто, кто? А раз невозможно установить кто, под подозрение попадают все делегаты съезда. Кстати, в числе делегатов не было представителей разгромленных оппозиций. Их давно нигде не выбирали.

Тот же Ежов делал на съезде доклад мандатной комиссии. На съезде было

1225 делегатов с решающим голосом и 736 делегатов с совещательным голосом. В числе делегатов с решающим голосом восемьдесят процентов были товарищи, вступившие в партию в годы подполья и гражданской войны (до 1920 года), семьдесят пять процентов делегатов являлись участниками гражданской войны. Подпольщики и члены партии с 1917 года составляли сорок процентов делегатов. Удельный вес коммунистов-подпольщиков и со стажем до 1920 года равнялся десяти процентам, тогда как на съезде эти коммунисты, подпольщики и вступившие в партию в годы гражданской войны составляли восемьдесят процентов и определяли лицо съезда.

И вот во время «съезда победителей» и последовавших за съездом пленумов Центрального Комитета среди части видных деятелей партии и руководителей местных организаций началось обсуждение вопроса о формах освобождения Сталина от поста Генерального секретаря ЦК, о запоздалом выполнении рекомендации В. И. Ленина, данной в «Завещании». Высказывалось предположение сделать Сталина главой правительства — председателем Совнаркома, упразднить пост Генерального секретаря ЦК. В ЦК же создать нормально действующий секретариат, как коллективный руководящий орган, избрав одного секретаря первым секретарем ЦК. В качестве первого секретаря Центрального Комитета партии дружно называлась кандидатура С. М. Кирова.

Сталин узнал об этих разговорах и предположениях.

Кристално чистый человек, истинный коммунист-ленинец Киров сам честно и доверчиво рассказал ему все. Киров не мог не напомнить Сталину о завещании Ильича, о том, что Сталин не выполняет «завещание», хотя и обещал Центральному Комитету свято следовать указаниям Ленина.

Потрясенный Сталин лицемерно поблагодарил Кирова за информацию.

— Ты оказываешь партии великую услугу, я этого никогда не забуду, — сказал Сталин.

Почти три десятилетия отделяют нас от середины тридцатых годов. Остались в живых немногие участники и свидетели минувших событий.

Весной 1962 года я был в Ленинграде и встречался с товарищами, выжившими после ужасов репрессий, многолетнего пребывания в тюрьмах и лагерях. Репрессии превратили их в преждевременно состарившихся, физически искалеченных людей. Но дух их не сломлен. Они сочли своим долгом довести до сведения Центрального Комитета партии все, что знают об обстоятельствах, предшествовавших убийству Кирова.

Сталин послал в Ленинград некоего Запорожца, назначенного заместителем начальника Ленинградского управления НКВД, и предложил Кирову назначить Запорожца начальником Управления НКВД в Ленинграде. Киров решительно воспротивился:

«Пока я секретарь Ленинградского губкома — этого не будет!»

Запорожец остался заместителем.

А в Москве на заседании Политбюро ЦК Сталин обрушился на Кирова, едва дослушав его сообщение о работе Ленинградского губкома. Сталин обвинил Кирова в «гнилом либерализме» и отсутствии бдительности по отношению к зиновьевцам.

— По данным НКВД, — сказал он, — зиновьевцы ведут подпольную подрывную деятельность. Среди них культивируются и зреют террористические настроения. Зиновьев возглавляет штаб заговорщиков и террористов...

— Неправда, нет этого! — протестовал Киров.

— Если нет, так должно быть так! — отрезал Сталин.

Публикация
Натальи МИЛЬЧАКОВОЙ.

Окончание следует.

До начала заключительного этапа «Юрмалы-88» остались считанные дни. Что принесет нынешний Конкурс молодых исполнителей советской эстрадной песни? Есть ли надежда, что на небосклоне нашей эстрады зажгутся новые звезды?..

Эти вопросы волнуют читателей «Смены». Множество откликов пришло на опубликованную в начале этого года статью «Игра без правил» о «Юрмале-87»...

Анжела ХАЧАТУРЬЯН

Фото Игоря ГРАНКОВСКОГО

«...Меня конкурс в Юрмале разозлил, толку от него — ноль! Как и от всех остальных конкурсов». (Е. Белова, г. Химки).

«...О том, что «пробиться» на телеэкран молодежи невозможно, знают все — вспомните хотя бы состав традиционной передачи «Песня-87». Но куда хуже, когда проводят в помощь начинающим певцам всякие конкурсы, и чуть ли не на следующий день забывают об открытых талантах. Надежды, мечты о будущем — все прахом! Дайте микрофон бывшим юрмальцам, не сомневаюсь, много неллицеприятного скажут они чиновникам, в руках которых исполнители — «игрушки» на час. Поиграли — надоело, забросили. Ничего — в новом году новые «игрушки» привезут в Юрмале. Неужели на телевидении не понимают, что аморально и нечестно проводить такие «игры»?!» (Л. Павлова, Чебоксары).

Немало подобных по безнадежно мрачному настроению писем пришло в редакцию в ответ на статью «Игра без правил», посвященную итогам Всесоюзного конкурса молодых исполнителей советской песни. И практически во всех — и в письмах-протестах, и письмах-вопросах, и письмах-пожеланиях с перечнем конкретных советов по организации предстоящего конкурса в Юрмале — полное отрицание возможности каких-либо перемен к лучшему не только в юрмальском эстрадном конкурсе, но и вообще в «системе» работы с молодежью на телевидении» (И. Журкина, Москва). Сей скорбный «лейтмотив недоверия» не хандра подростков-нигилистов, а результат порочной практики развития телеэстрады, которая во времена не столь далекие не раз доказывала, что молодым не везде у нас дорога.

Так что же — ситуация абсолютно безвыходна? Думаю, нет. Бескомпромиссная борьба на состязаниях молодых певцов в Юрмале, игра по правилам возможны. Прежде всего потому, что сейчас, после выступления прессы и общественности, правила эти появились. Секретариатом ЦК ВЛКСМ совместно с Коллегией Гостелерадио СССР утверждено Положение о III Всесоюзном конкурсе молодых исполнителей советской эстрадной песни, которое призвано урегулировать целый ряд острых вопросов, порожденных двухлетней практикой юрмальского конкурса. Немаловажно, что все изменения в Положении направлены на демократизацию существующей системы организации и проведения «Юрмалы-88».

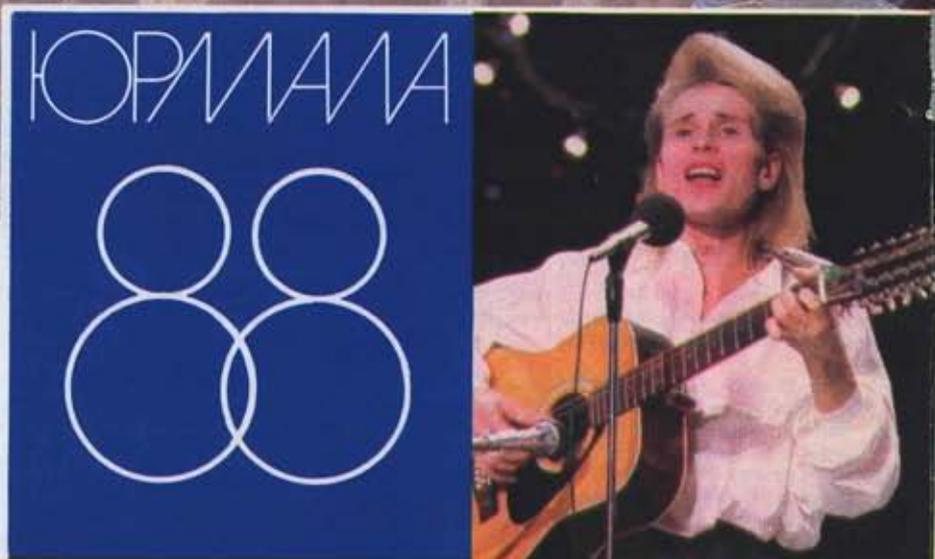
принципов отбора претендентов, а главное, предусматривают создание равных условий борьбы на всех этапах конкурса.

Как известно, основной задачей юрмальского смотра является выявление новых талантливых исполнителей, поэтому его организаторы постарались максимально расширить географию «Юрмалы-88». В специальном дополнении к Положению о конкурсе приводится список регионов, где и проводились нынешние зональные и республиканские смотры. Эта своеобразная схема-разбивка насчитывает 22 региона. О размахе предъюрмальских мероприятий свидетельствует и тот факт, что только в РСФСР в каждую из восьми зон входит от 10 до 13 областных центров, краев, автономных республик.

Квалифицированно организованные на местах прослушивания показали, что талантливая молодежь, достойная участвовать в «Юрмале-88», есть и в Ашхабаде, и в Ташкенте, и в Уфе, и в других городах, из-за административной неразберихи «выпавших» в прошлом году из участия во II Всесоюзном конкурсе молодых исполнителей советской песни.

Учитывая столь внушительные масштабы молодежного песенного форума, а также возросший «объем» работы жюри, оргкомитет счел целесообразным «Юрмалу-88» провести на сей раз в три этапа: региональный, центральный, заключительный.

Каждый региональный центр в соответствии с правилами выдвигал двух лучших исполнителей для участия

«...Конкурсов в стране очень мало. Но какой смысл их проводить, если они приобретают характер мероприятия для «галочки»...» (Л. Иванова, преподаватель музыкальной школы, Н. Петров, руководитель ансамбля Дворца культуры, Краснодарский край.)

в центральном этапе, однако жюри на местах впервые было предоставлено «право резерва». Благодаря этой «оговорке», на сцену концертного зала «Дзинтари» в финале выйдут, например, Вадим Чумак из Калуги, Анна Резникова из Москвы.

Кроме того, в порядке исключения допускаются исполнители, не имеющие профессионального статуса, но достигшие профессионального уровня мастерства и на этом основании рекомендуемые комитетами по телевидению и радиовещанию для участия в «Юрмале-88».

«...Одна из причин неудачно прошедшего конкурса в Юрмале та, что на нем исполнялись монотонные, однообразные песни. Телезрители были вынуждены слушать одни и те же песни все дни

подряд. Но надо же в конце концов и о миллионах телезрителей вспомнить! Тем более, конкурс должен иметь и свою публику, а при таком однообразном репертуаре ее сохранить не удастся» (Ирина Колесникова, г. Семикаракоры Ростовской области).

О том, что телезрителям совсем не безразлично, «что поет Юрмала», пишут наши читатели: супруги Лиля Николаевна и Виктор Константинович Чалых из Орла, Анна Решук из Ивано-Франковска, Александр Терентьев из Чебоксар и другие.

Действительно, дальнейшее развитие и популярность юрмальского смотра находятся в прямой зависимости от популярности его у наших композиторов. Но и сегодня нельзя привести примеров рождения крепкого творческого союза

победителей прошлых юрмальских фестивалей с известными мастерами-песенниками. Роль Союза композиторов СССР в судьбе Всесоюзного конкурса молодых исполнителей советской песни до сих пор сводится лишь к формированию его жюри. Поэтому вновь вопросы репертуарной политики нынешнего конкурса были отданы на откуп работникам Центрального телевидения, которые подвергли тщательнейшей регламентации только принципы формирования репертуара заключительного этапа телевизионного конкурса в Юрмале, что, впрочем, объяснимо: концертная программа финала будет транслироваться по Центральному телевидению, Интервидению и Всесоюзному радио.

Музыкальная программа каждого

после окончания конкурса его победители не затерялись в общем круговороте нашей эстрады. Уже сейчас ведутся переговоры с творческим объединением «Рекорд» о возможности получения победителями «Юрмалы-88» творческого образования на базе «Рекорда» за счет средств комсомола. И это не просто планы, это реальность.

Можно было бы и поставить мажорную точку в нашем радужном на сей раз повествовании, если бы все так же четко воплотилось в жизнь, как изложено на бумаге. В качестве примера возьмем организацию регионального этапа в Ростове-на-Дону. О том, что «Юрмала-88» все-таки будет проводиться, там узнали только 24 декабря 1987 года, а то, что город является центром региона и ро-

БУДУТ ЛИ "ЗВЕЗДЫ"?

«...Юрмалу-88 проводить не следует. Лучше пустить государственные средства на другие нужды населения с большей пользой и отдачей. Ну, действительно, к чему все эти «игры», к тому же без правил? Прошло более полугодия после «Юрмалы-87», а что изменилось? Опубликованная в вашем журнале статья горька сама по себе, но бесполезна. Скорее всего ваше выступление против телевидения — это стрельба по воробьям. Вряд ли что-то изменится в самой организации конкурса, пока его победители будут оставаться «бесхозными» (М. Юхно, Пятигорск).

«...Конкурс в Юрмале должен открывать имена новых интересных композиторов и поэтов, без которых развитие советской эстрады немислимо. Нашли певца, а что он будет петь? А может, потому у нас и не хватает «звезд», что не хватает «звезд»-композиторов, пишущих песни» (Лариса Мороз, Москва).

участника последнего этапа будет в этом году состоять из трех песен, причем две из них — «местного» композитора, коим считается автор, проживающий в одном регионе с исполнителем. Третья песня — популярный шлягер, написанный в период с 30-х по 80-е годы. Введение в качестве обязательного элемента исполнения популярного шлягера прошлых лет, на мой взгляд, вполне разумно, поскольку оно поможет сделать музыкальную палитру фестиваля ярче, многограннее, богаче, а также позволит огромной молодежной аудитории телезрителей познакомиться с лучшими образцами отечественной эстрадной музыки.

Между тем устанавливаемые теперь «рамки» ни в коем случае не ущемляют свободы выбора песенного материала исполнителями.

Стоит сказать и о мерах, принятых для создания равных условий борьбы на сцене «Дзинтари» и нормального психологического микроклимата. Теперь исполнители будут петь в сопровождении инструментальной фонограммы, что сразу снимает с повестки дня вопросы организации репетиций с «незнакомым» оркестром.

Итак, как видим, практически все вопросы жизнедеятельности III Всесоюзного конкурса молодых исполнителей советской песни в Юрмале подверглись скрупулезной ревизии и доработке в сторону демократизации и гласности.

Обнадеживает и радует активное участие Отдела культуры ЦК ВЛКСМ в подготовке III Юрмальского телефестиваля. Решены многочисленные, хотя и незаметные для зрительского взгляда вопросы, без которых невозможно проведение конкурса — от размещения в гостинице до выступления участников перед тружениками республики. Готовы реклама и символика фестиваля; думают в отделе и о том, как сделать, чтобы

становчане должны принять у себя представителей 13 городов, стало известно 7 января 1988 года. Если иметь в виду, что Положение шло по почте, а прислать в столицу протокол с результатами прослушивания требовалось не позднее 25 января, то о каком «новом» подходе к делу можно говорить?!

Только благодаря энтузиазму, чуткости и вниманию, с которыми работники местного комитета по телевидению и радиовещанию и обкома ВЛКСМ отнеслись к свалившемуся на их головы мероприятию, региональный смотр удалось провести достойно. Ростовчане сделали все возможное: опубликовали объявление в газете, немедленно обзвонили города. Понимая, что времени на «сборы» ребятам отпущено крайне мало, прослушивание проводили в течение всего субботнего дня, а комсомольские работники прямо из аэропорта доставляли прибывающих во Дворец Ростсельмаша. Но так и не успел в Ростов из-за нелетной погоды певец из Волгограда...

Почему же так поздно на телевидении «спохватились» о нынешнем конкурсе? Не забудут ли о «Юрмале-88» и ее лауреатах телесоздатели так же, как «вспомнили» о ней? Что помешало редактору-консультанту Алле Дмитриевой вовремя дать необходимые консультации на местах? И это отнюдь не праздные вопросы. Ответ на них, вероятно, прояснит, что же такое конкурс в Юрмале: кампания, мероприятие для галочки или целенаправленная, скрупулезная и непрерывная работа с талантливыми звездами советской эстрады? Имеет ли Всесоюзный конкурс молодых исполнителей советской песни будущее?

Давайте все-таки верить в счастливую звезду конкурса в Юрмале. Ведь в самой его идее заложен импульс для постоянного движения вперед.

Нет, я серьезно, это же потрясающе смешно. Обхохочешься — они же каждые пять минут что-нибудь такое отключают!.. Страшно смешно.

...Страшно, господи боже мой. Почему мы смеемся, это же так страшно, почему я смеюсь? Почему не замечаю, не хочу замечать, как это страшно?!

«Асса». Ее долго обещали и рекламировали, приглашали всех сначала на одну премьеру, потом на другую, давали сумбурные фрагменты по телевидению, песни из фильма по радио. Засывали, как мне показалось, на фантастической зрелище: много рок-музыки, по слухам, что-то от детектива, любовный треугольник, да еще песни Гребенщикова, да еще моя любимая Друбич... Но к такому зрелищу я не была готова.

Этот фильм нельзя рассказывать, да и как расскажешь? Описать наиболее впечатляющие кадры? Пересказать сюжет? «Ассу» надо смотреть. Это — зрелище, а как перескажешь зрелище?... Поэтому я сейчас говорю о своих впечатлениях от «Ассы», а значит, пишу для тех, кто уже видел фильм.

Шоу, странная сказка, бред. Настолько весело, что и смерть кажется розыгрышем, первоапрельской шуткой, если бы вокруг не было столько снега... если бы в сердцах не было столько снега. Но ведь это просто сказка, пусть немного странная, но в сказке всегда все хорошо кончается, иначе это уже не сказка. Значит, сейчас главный герой оживет, и героиня пойдет с ним в прекрасное завтра, и все будет хорошо. Только почему-то никто не приходит, кроме милиции, и Алика никуда не пойдет, пока ей не разрешат (или пока не прикажут?), пока за ней не придет машина. У героини не будет прекрасного завтра, у нее будут только эти слова: «Недавно гостила в чудесной стране...» — и она будет повторять, как обычно поют фаны, одними губами: «Меня ты поймешь, лучше страны не найдешь... Лучшее страны не найдешь». Страшная сказка. Грустная сказка. Во всех рекламах почему-то особо от-

мечается, что «в фильме принимают участие ведущие рок-музыканты». Разве это — главное? Да, речь идет в том числе и о рокерах, но ведь мы все такие же. Не в роке дело. Кто-то из нас живет в снах — в той самой чудесной стране. Кто-то требует перемен, готовый повести всех за собой. Кто-то убивает, кто-то умирает. Я почему-то за тех, кто видит сны. «Я не живу жизнью, я живу в заповеднике снов», — говорит Бананан. Сон сродни сказке. Фильм «Асса» чем-то похож на сон. Даже не просто на сон, а на сон Бананана № 2. Цветные пятна, а потом черно-белые погони и драки, и опять пятна, и любовь. Да, это наша жизнь — цветные пятна пляшут перед глазами; все движется так быстро, что не разглядеть лиц и не понять цели, виден только огромный излучающий глаз — и пятна, пятна... спор цветного сна и черно-белой жизни. Фильм так же ирреален, как сон, и так же условен.

Почему я стою не за Цоя, завершающего фильм своей песней «Мы ждем перемен», а за Бананана? В общем-то понятна замена Бананана Цоем в фильме: прошло время ерничества и песенок типа «Мочалкин блюз» или «Старик Козлодоев», пора братья за дело, но... Мне кажется, в этом есть какая-то подлость: сразу забыть Бананана, как будто и не было его, как будто он — всего лишь фрагмент «периода застоя», в котором и происходит действие фильма. Но хотя в конце «Ассы», поддерживая Цоя, все и зажгли спички, как того хотел Бананан («Этим совсем не осветить путь». «А если все зажгут спички, представляешь?», светлее не стало.

И все же, как ни хорошо сделаны заключительные кадры, для меня фильм кончается «Чудесной страной». Страной снов Бананана, страной пальм в снегу, страной, где под голубым небом в золотом городе есть дивный маянский сад... В фильме для меня эта песня («Город золотой») и этот сад — символы любви, чистоты, счастья, хотя я всегда считала эту песню одной из

самых страшных песен Гребенщикова. Мне всегда казалось, что вот-вот к этим трем существам, упомянутым в «Городе», льву, волу и орлу, придет человек. «Пускай ведет звезда тебя дорогой в дивный сад...» И почему-то вспоминаешь: «Одно из четырех животных дало семи Ангелам семь золотых чаш, наполненных гневом Бога», — Апокалипсис. Счастье и любовь в «Ассе» недостижимы, как дивный сад из этой песни, и так же страшны.

И все-таки, как хочется в этот дивный сад, в чудесную страну. Пожалуй, это в какой-то мере страна детства. Нет, ни Бананана, ни Алику я не называю инфантильными, но в них есть та детскость, та наивность и чистота, которые делают черно-белую жизнь цветной. Как жаль, что эта чистота бессильна против зла! Зло действует, пока Бананан смотрит свои сны.

Конечно, нужны не только и не столько сны, да, нужно дело, нужно «быть добрее друг к другу», нужны перемены. Но когда станет совсем плохо, — вспомни о чудесной стране.

...Господи, как смешно! Страшно смешно. Но почему же мы не замечаем, как страшно вокруг? Почему не хотим замечать?

Ксения РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

...Было ли у вас когда-нибудь такое чувство, будто вы спешили на праздник, готовились, предаваясь удовольствию, но, когда пришли, вдруг оказалось, что праздника не будет? Не получилось. Лишь ветер гоняет обрывки бесполезного серпантина да киснут под дождем китайские фонарики... Ощущение такое, словно кто-то мутноглазый наступил мягкой лапой на сердце. Обида? Тоска? Скорее всего разочарование.

Премьера нового фильма Сергея Соловьева «Асса» обещала быть настоящим праздником. Праздником Долгожданной Правды. (Имеется в виду не действие, посвященное премьере картины, о нем разговор особый, а сам фильм.) Итак, «Асса» — долгожданная, априори скандальная, многообещающая. Точнее, многообещавшая. Потому что фильм очень здорово разочаровал. Попробуйте пересказать сюжет этой ленты. (Те, кто не видел еще «Ассу», этот абзац могут спокойно пропустить.) В южный пустынный зимний город приезжает матерый преступник Крымов, чтобы украсть скрипку известного итальянского мастера. Там же он намерен «отдохнуть» со своей любовницей Аликой. Для похищения инструмента он шантажирует артиста театра лилипутов, который кончает жизнь самоубийством. За Крымовым следят сотрудники КГБ... Алика знакомится с честными ресторанными музыкантами. Между ней и рокером Банананом возникает любовь. Крымовым занимается убийца, которые расправляются с Банананом. Алика убивает Крымова.

Такая вот история, в двух словах. Боевик? Мелодрама? Есть что-то и от первого, и от второго... Все это к тому же разбавлено ранними песнями Гребенщикова, мастерски отснято и смонтировано. Казалось бы: а почему нет? И не такое еще видели!

Но дело в том, что сюжетная канва картины, ее первый план, так сказать, в «Ассе» не главное. Весь сыр-бор вокруг этой картины разгорелся совсем по иному поводу: фильм должен был впервые правдиво и беспристрастно показать жизнь молодежи вообще и рокеров в частности, в «эпоху застоя». И уровень вопросов, которые он поднимает, носит поистине эпохальный характер: где была правда и где ложь? чем жила молодежь? как она думала, о чем мечтала? и т. д., и т. п. Вопросы, достойные такого сильного художника, как Соловьев, но... Ответы на них да-

ются не на уровне Соловьева, а на уровне... Бананана.

Микросхема общества, которую сконструировал режиссер, выглядит так: хозяева жизни — преступники, против которых вяло борются правоохранительные органы, но зато они усердствуют в борьбе против внешнего вида рокеров. Средства массовой информации без конца «рапортуют»; пролетарий пьян и груб; обитель Мельпомены населена убогими зрителями и актерами-лилипутами. Короче, все так несправедливо и неестественно, как пальмы под снегом в зимней Ялте. И единственное светлое пятно, «очаг культуры» — это группа Бананана: здесь все честно, искренне и... иллюзорно. Это молодость, а значит, наше будущее. Недаром в рефрен этой эклектичной ленты вынесены слова из песни Виктора Цоя «Мы ждем перемен», сочиненной еще в «доперестроечные» времена...

Бесспорно, начало 80-х нельзя назвать расцветом духовной жизни нашего общества. Еще неизвестно, что страшнее: поощряемый фанатизм в условиях полного тоталитаризма власти или тотальное — «ничто-тоневерие» под звуки убаюкивающих панегриков. Видимо, две стороны одной медали... И все-таки не одни рокеры стали опорой перестройки — людей честных, смелых и умных хватало на Руси во все времена... Песня призывает «ждать», но ведь кто-то и действовал, и страдал во имя этих «перемен». Потому-то они и свершились! На «большой» вопрос в фильме дается очень «маленький» ответ.

Мир молодых с его музыкой, сленгом, атрибутикой, манерами поведения сложен и многослоен, постичь его с полнотой дано не каждому. Видимо, поэтому в картине много «проколов».

Бананан, например, не вписывается в 1980 год. Не носили тогда сережек молодые, не носили. И «гоняли» их совсем за другой внешний вид. Не пели песни Гребенщикова по ресторанам. Не верится в очень честных и очень бедных (настоящих) рокеров, играющих в одном из центральных ресторанов курортного города; не бывает концертов, на которых весь зал жжет спички... И каждый раз, когда видишь, что опять режиссер попал «в молоко», в голове звучит классическое «Не верю!» Станиславского. Хочу верить, но не могу. Трагическая концовка фильма совершенно неубедительна. Убийство Бананана, убийство Крымова... Фарс какой-то!

Фильм этот чисто режиссерский, сильных актерских работ нет: бесцветно, пресно выглядят Татьяна Друбич (Алика), да и Сергею Бугаеву (Бананан) не удалось создать образ настоящего рокера — личности, способной в те годы сочинять песни на уровне Гребенщикова, Чернавского, Хавтана. И даже рельефный Крымов-Говорухин к концу фильма как-то увядает...

Цель, которую ставит перед собой режиссер, благородна — честно показать мир молодых во всей его уникальности, своеобразии. И доказать право молодых на свою жизненную позицию, свой облик, свою культуру; это очень важно, потому что даже сегодня ретроградные и чиниши не собираются сдаваться и всеми силами отстаивают старые мерки, старые «добрые» методы в отношениях с юным поколением. И в этой плоскости «Асса» оставляет позади остальные так называемые молодежные фильмы. Точки над «i» в картине Соловьева расставлены очень четко. Поэтому вдвойне обидно, что эта позиция выглядит из-за минусов картины довольно уязвимой.

Впрочем, эта лента все равно обречена на успех у публики, на аншлаги, на споры. Ее можно считать первым робким шагом по дороге в мир молодых... Но, увы, не более.

Алексей ТРОПИН

БИЗНЕСМЕННЫ ПРЕДЛАГАЮТ

- Будет ли успешной перестройка?
- Зачем нужен Закон о молодежи?
- Почему советских граждан не пускают в гостиницы «Интуриста»?

Эти и многие другие вопросы интересовали выпускников Европейской школы бизнеса, приехавших в нашу страну по приглашению БММТ «Спутник». Встреча с ними состоялась в середине апреля в редакции «Смены». После этой встречи к нам обратились двое гостей с необычной просьбой — рассказать читателям об их намерении завязать деловые контакты с советскими предприятиями и кооперативами. Мы подумали: почему бы и нет? Наши публикации, идеи, высказанные в них, часто имели практические последствия. Возможно, так произойдет и на этот раз.

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Признаться, первое впечатление от этих ребят было не в их пользу — уж слишком далеким от привычного стереотипа «акул капитализма» был их облик: молодецкий румянец на щеках, распахнутые воротнички рубашек, спортивные ботинки. Пока они рассаживались, воображение неохотно расставалось с неким образом в элегантной «тройке» от Кардена, бриллиантовыми запонками и персональным компьютером в «дипломате» — неизменными атрибутами преуспевающего бизнесмена.

25-летний Барри Бреннан и Камерон О'Рейли, ему 24 года, — выпускники Европейской школы бизнеса — весьма уважаемого учебного заведения, где готовят специалистов высшего класса в области управления, экономики, финансов. По словам наших гостей, диплом этой школы — гарантия от безработицы, любая самая уважаемая фирма с радостью предложит выгодный контракт. Так и поступает большинство недавних студентов, принимая приглашения крупных компаний. Мало кто сразу по окончании учебы претендует на самостоятельность: сначала необходимо, как говорят, «поймать кита за хвост», то есть завязать нужные знакомства, без которых в деловом мире успех невозможен, найти подходящих компаньонов, заручиться поддержкой в финансовых кругах. Авантюры здесь не прощают: их исход, как правило, предсказан.

Барри и Камерон хорошо все продумали, прежде чем объявить о создании своей собственной торговой фирмы. Конечно, определенную уверенность им придает тот факт, что их родители — люди весьма известные в деловых и политических кругах Запада. Отец Барри Бреннана — крупный ирландский дипломат. Он, кстати, был первым послом Ирландии в нашей стране. О'Рейли-старший владеет многими газетами и радиостанциями не только в Ирландии, но и в других странах, имеет интересы в нефтяном бизнесе. Солидное имя в деловом мире значит не меньше, чем счет в банке, и молодые предприниматели уверены, что имена и круг знакомств их отцов — вполне достаточная гарантия ус-

пешного начала самостоятельной деятельности.

В Москву они приехали в составе туристской группы студентов Европейской школы бизнеса, но, кроме осмотра достопримечательностей, у них есть еще и деловая цель.

— Мы посетили несколько государственных учреждений с целью найти партнеров, заинтересованных в налаживании торговых отношений с западными странами, — говорит Барри Бреннан. — Камерон — мой давний друг, мы вместе учились в колледже в Ирландии, а потом в школе бизнеса. Там мы и решили создать свою собственную фирму по экспорту-импорту. Я убедил Камерона выбрать в качестве торгового партнера Советский Союз. Почему? Здесь две причины: и чисто личная, и деловая. Я несколько лет прожил в вашей стране со своими родителями, учился в советско-американской школе. Знаете, у меня здесь столько друзей!.. Лучшие воспоминания моей жизни связаны с временами, когда мы засиживались за полночь, споря о литературе, политике... да о чем только мы не спорили! В Дублинском университете я изучал русский язык и литературу. Всегда хотел, чтобы моя жизнь была связана с Советским Союзом. У меня было две возможности: стать дипломатом или бизнесменом. Я выбрал второе и не жалею, потому что, как мне кажется, занятие бизнесом дает больше возможностей контактировать с людьми, больше самостоятельности.

Что касается деловой причины, то те изменения, которые происходят в нашем обществе, напрямую влияют и на конъюнктуру мирового рынка. Интерес к Советскому Союзу, а значит, и к советским товарам возрос, открылась возможность создания совместных предприятий, многие ваши предприятия имеют теперь право прямого выхода на международный рынок. Словом, надо быть совсем неделовым человеком, чтобы упустить такие возможности.

По словам Барри, он отлично знает нашу страну, понимает «русскую душу». Что ж, такой уверенности можно только позавидовать; может быть, со стороны виднее?

Суть своего предложения поясняет Камерон О'Рейли, который ведает в фирме вопросами экономики и финансов:

— Мы хотим взять на себя функции посредников при торговых сделках между советскими предприятиями, организациями и их зарубежными партнерами, причем этих партнеров мы найдем сами. Все, что нам нужно, это высококачественный товар и деловой подход. Я знаю, что вы заинтересованы в валюте, — мы будем платить полновесной твердой валютой или товаром на ту же сумму. Я не думаю, что наше предложение сверхоригинально: многие крупные посреднические фирмы работают в этом же направлении, и нам пока трудно с ними конкурировать. Но мы молоды, у нас много энергии и достаточно деловых контактов по всему миру. Нам мог бы заинтересовать самый неожиданный товар, нетрадиционный для советского экспорта, такой, например, как вторичное сырье, одежда. Мы с удовольствием бы занялись изучением возможности реализации кооперативной продукции, если бы у нас были конкретные предложения.

Камерон, как, наверное, и полагается финансисту, точен в выражениях, скуп на эмоции. Его, кажется, волнует только практическая сторона дела. Но это лишь пока речь идет собственно о деле. В жизни он обаятельный молодой человек, его хобби — путешествия. Год назад он организовал экспедицию в Китай, участвовал в экспедиции в джунгли Амазонки. Очень любит читать, серьезно занимается теннисом и регби. Его кредо — человек должен сделать себя сам.

— Для меня пример — мой отец. Он начал с нуля, но всегда хотел чего-то добиться. Много учился и никогда не уступал самому себе. Надо поставить перед собой цель и идти к ней, несмотря ни на что, один раз расслабился — погиб. Сейчас он самостоятельный человек, и я мог бы не знать проблем, но отец сказал мне: «Ты поймешь радость жизни только когда сделаешь ее сам. Поэтому иди и пробуй». И я пробую уже много лет, делаю ошибки, но ведь это мои ошибки! Я не беру у отца денег, стараюсь заработать сам. Сей-

час, например, пишу книгу о моих путешествиях. Вообще я не понимаю, когда говорят: «Не получается...» Пробуй, тогда получится! Расшиби лоб, но добейся! Самое великое благо в этой жизни — независимость. Только человек, сделавший себя сам, по-настоящему независим. Собственно, для меня бизнес не самоцель, это способ самовыражения, способ узнать, на что ты годишься. И еще меньшую значимость имеют деньги, все равно их все не заработаешь и не потратишь. Занятия бизнесом — это возможность найти новых друзей, сделать что-то нужное в жизни.

Камерон больше всего не любит бюрократов и скептиков. По его мнению, это люди, которые ничего в жизни не хотят и мешают другим чего-то добиться.

У этих двух молодых людей нет готового ответа на любой вопрос, но есть главное: убежденность в собственной правоте и вместе с тем готовность уважать мнение собеседника, желание найти приемлемый компромисс. Наверное, это качество, без которого нельзя быть бизнесменом. В одном Барри и Камерон бескомпромиссны: они однозначно убеждены в успехе своего начинания.

Последний вопрос, который был им задан в тот день: «Какими вы представляете себе будущих партнеров с советской стороны?»

— Для нас не имеет особого значения, будут это молодые люди или не очень, будут они представлять крупное государственное предприятие или кооператив, важно другое: мы мечтаем о партнерах энергичных, смелых и честных. Именно эти три понятия ассоциируются сейчас со всей вашей страной.

Александр ЖУРОВ

Итак, энергичные, смелые, честные, мы ждем ваших предложений и зарнеее желаем успеха.

Рисунок Алексея Остроменцкого

ІІА

Дмитрий УРНОВ

«Байрон — гордости поэт» — так ска- зал Пушкин. Чувство человеческого до- стоинства, выраженное с исключитель- ной поэтической силой, было главным, что поражало современников в байро- новском творчестве.

Великий поэт, получивший признание еще при жизни, Джордж Гордон Байрон пользовался громкой славой у себя на родине, в Англии, а за рубежом, особен- но у нас в России, отклик на его произ- ведения был, пожалуй, еще более пыл- ким и восторженным. Он стал символом своей эпохи, олицетворением «духа времени». Знаменем времени, назван- ным эпохой Великой французской бур- жуазной революции, стала идея равен- ства. И Байрон в этом смысле действи- тельно выразил свою эпоху. Его герои, неукротимые бунтари, символизиро- вали стремление личности к утвержде- нию собственного достоинства. Он гро- мил буржуазную посредственность за своекорыстие и духовное убожество не только в своих стихах и поэмах, но и с парламентской трибуны, которую в Палате лордов занимал по наслед- ственному праву. В глазах современни- ков он был воплощенным противоречи- ем, оставаясь в течение всей своей жизни, по словам Луначарского, пред- метом острой ненависти и столь же страстного поклонения.

В самых ранних своих стихах Байрон отдал дань вздохам о «старом добром времени», которыми был полон роман- тизм, но он быстро отрешился от этой ностальгии. Особенно зло смеялся над теми романтиками, которые, печалясь о прошлом, умело, совсем по-буржуаз- ному, устраивали свои дела.

Занимая среди романтиков положение обособленного, Байрон, однако, не стоял ни вне литературного процесса, ни вне литературной среды. Писать он начал уже после того, как в английской поэзии произошла «революция». Этой «революцией» считают выступление двух английских поэтов, Вордсворта и Кольриджа, которые на рубеже XVIII—XIX веков опубликовали сов- местный стихотворный сборник, снаб- див его программным предисловием — своеобразным манифестом романтиче- ской эпохи. Суть манифеста сводилась к идее раскрепощения поэтического языка во имя естественности. Байрон не только воспользовался основными результатами этой «революции», но и воспринял, приумножил поэтическую свободу...

Род Байронов был древним, но дале- ко не преуспевающим. Десяти лет от роду будущий поэт унаследовал звание лорда и поселился с матерью в своем наследственном замке. Но от замка к тому времени оставалось одно назва- ние: в полах проваливались доски и в разбитых окнах гулял ветер. Лорд Байрон-младший должен был унасле-

довать еще один замок, в Шотландии, но его отец, капитан Байрон, успел про- дать эту семейную собственность за долги. Отца Джордж Гордон практиче- ски не видел: беспутный капитан умер вдали от семьи и от родины, во Фран- ции, когда его сыну едва исполнилось три года.

Детство молодого поэта, как и вся жизнь, оказалось омрачено врожден- ной хромотой. Его сравнивали по внеш- ности с Аполлоном, он мог бы служить образцом мужского совершенства, если бы не увечная нога... Но хромота служила ему и своеобразным стимулом для самоутверждения. С юных лет он гордился тем, что ни в чем не отстает от сверстников, ни в играх, ни в драках, а за себя постоять он умел. Увечье было символом его странной судьбы, одновременно дарившей огром- ные преимущества и жестоко обделяв- шей...

«Он весь создан навыворот», — сде- лал вывод Пушкин. А критики, относив- шиеся к поэту безо всякого сочув- ствия, прямо называли его «уродли- вым красавцем». Он сам, можно счита- ть, навел их на эту мысль, ибо одно из своих произведений, очевидно авто- биографических, назвал «Преображен- ный урод».

Изуродованная красота, подточен- ные силы — ведущий мотив его творче- ства. Действительно, в первых же сти- хах проступает облик того героя, кото- рого впоследствии назовут байрониче- ским: им владеют смешанные, противо- речивые чувства — гордость, необори- мая и уязвленная, жажда жизни и ощущение преждевременной зрело- сти. «Беспечный как дитя, и мальчик по летам, душою преданный убийствен- ным страстям» (перевод А. А. Блока) — таков поэтический автопортрет Байро- на, набросанный им в ранние годы. И какие бы возрастные преувеличения тут ни сказывались, то был уже про- чувствованный и вполне выраженный конфликт, с которым он в течение всей жизни не расстанется: «О! Я не стар! Но мир, бесспорно, был сотворен не для меня» (перевод В. Я. Брюсова).

Учился поэт сначала под Лондоном в закрытой, привилегированной школе, затем — в знаменитом Кембриджском университете. Прилежным студентом не был, но много читал; статуя, изобра- жающая его за книгой, украшает теп- перь библиотеку кембриджского кол- леджа Троицы.

Свои первые, не сохранившиеся сти- хи Байрон датировал началом века — 1800 год; стихи, по его словам, были вдохновлены мальчишеской любовью, всю жизнь он повторял, что только сильное чувство способно подвигнуть его на творческий труд. Ранний стихо- творный цикл, представлявший собой лирический дневник, размещен в четы-

рех небольших сборниках (1806— 1809). Выпущенные за счет автора, эти издания предназначались для узкого круга, но один из сборников «В часы досуга» попал в поле зрения критики. Отзывы были вполне одобрительны, однако последовал также и сильный, уничтожающий удар. Его нанес поэту самый авторитетный в ту пору журнал «Эдинбургское обозрение». Впослед- ствии журнал переменял свое мнение о Байроне, но поначалу влиятельные литературные судьи поэта в нем не раз- глядели. И... получили ответный удар, нанесенный вполне уверенной, от- нюдь не юношеской рукой. Поэт опу- бликовал уничтожающую стихотворную сатиру «Английские барды и шотланд- ские обозреватели», в которой, надо отметить, досталось всем — и «бар- дам», и «обозревателям». Уже тогда он выступил критиком ложно понимаемого романтизма, хотя от некоторых персо- нальных оценок впоследствии отказал- ся.

Вскоре Байрон на два года оставил родину. Он отправился в длительное и далекое путешествие — посетил Португалию, Испанию, остров Мальту, Ал- банию, Турцию и, наконец, Грецию. Имея в виду конечный пункт байронов- ского пути, эти странствия называют «путешествием на Восток», но, как ви- дим, маршрут был гораздо шире. Намерение заключалось в том, чтобы свои- ми глазами увидеть тот континенталь- ный европейский мир, который создал высоко ценимую им классическую куль- туру.

Вернувшись в Англию в середине 1811 года, Байрон проводил в послед- ний путь свою мать. В следующем году выступал в Палате лордов, где произ- нес пламенную речь в защиту ткачей, разоренных промышленными новше- ствами. Речь произвела большое впе- чатление, однако не принесла практи- ческого результата. Многие лорды уже сами являлись промышленниками и зорко оберегали свои интересы. За- кон, по которому за «луддитство» (раз- рушение станков) полагалась смертная казнь, был все-таки принят.

«Проснулся и узнал, что знамени- тый» — это утверждение Байрона свя- зано с появлением в 1812 году в печати двух первых песен «Паломничества Чайльда Гарольда».

«Лорд Байрон значительно продви- нулся вперед с тех пор, как он в прош- лый раз предстал перед нашим судом. Вот, несмотря на излишне претенциоз- ный заголовок, поистине творение, обладающее весьма значительной си- лой, полное вдохновения и оригиналь- ности», — так теперь отнеслось к поэту «Эдинбургское обозрение». Критик вы- разил надежду на дальнейшее возму- жание байроновского таланта и счел со временем свои надежды оправданны-

ми, когда появились следующие произ- ведения нового поэта.

То был цикл поэм, подсказанных пу- тешествием на Восток. «Гяур», «Кор- сар», «Абидосская невеста», «Осада Коринфа», «Лара» и «Паризина» — эти поэмы так и называют «восточными», а самого Байрона с тех пор стали назы- вать «певцом Гяура» или «певцом Кор- сара», ибо вполне определился облик его основного героя, выступающего под разными именами, но представляюще- го собой все ту же личность, яркую, неукротимую, готовую отстаивать до конца свою честь и свободу.

В ту пору приходит к нему большая слава. Он становится истинным героем дня. Жизнь его разворачивается на гла- зах у всего «большого света». Вокруг Байрона рождается множество толков, которые, как большинство легенд, хотя в целом и вымышленны, но все же не- беспочвенны.

Слава поэта выходит за пределы его родины. В ту же пору, а точнее, в 1813 году, его имя впервые появляется в русской печати.

Есть возле Москвы село Иславское: там жила любовь Байрона Клер Клер- монт.

В 1815 году Клер познакомилась с Байроном. Тогда она собиралась по- ступить на сцену знаменитого театра Дрюри-Лейн, в дирекцию которого входил поэт. Байрон был на вершине сла- вы, при его появлении в обществе дамы буквально падали в обморок.

Через два года у Байрона и Клер родилась дочь, которую назвали Ал- легра. Девочку взяла на попечение сводная сестра Клер, но вскоре Алле- гру поместили в монастырь. Байрон от дочери не отказывался, думал забрать ее к себе, но избегал встреч с Клер, мечтавшей вернуть расположение воз- любимленного.

В 1822 году, в возрасте семи лет, Аллегра умерла. Два года спустя скон- чался Байрон. Клер осталась совер- шенно одна, без родных и друзей, без средств к существованию. Через год после смерти поэта Клер приехала в Россию при содействии семейства Бу- турлиных, с которыми она познакоми- лась в Италии. Здесь она становится гувернанткой — преподает в знатных семьях английский язык. Как утвер- ждает академик М. П. Алексеев, Клер была прототипом многих персонажей русской литературы, прототипом обра- за английской гувернантки, «дочери Альбиона».

Примерно в десяти километрах от Иславского, где жила Клер, находится Захарьино, «колыбель Пушкина». Знал ли великий поэт, что на расстоянии верховой прогулки от его родового и- мения живет подруга Байрона?.. Можно сказать, что у Пушкина с английским поэтом было немало общих знакомых, судя по записям в дневнике Клер Клермонт. Клер не раз убеждалась, как- им признанием пользуется в России ее возлюбленный.

Имя Байрона впервые прозвучало в русской печати в 1813 году. С тех пор его известность в нашей стране только росла. Зарубежная слава поэта даже превосходила отечественное призна- ние. В глазах европейцев Байрон стал крупнейшей фигурой английского ром- антизма. Но те же годы, которые его биографы называют «временем триум- фа» или «полосой славы», были омра- чены тяжелейшей личной драмой.

В начале 1815 года Байрон женился на Анне Изабелле Милбэнк, наследни- це лорда Вентворта. Вскоре у них роди- лась дочь. Но произошел семейный раз- рыв, и Байрон покинул Англию, как ока- залось, безвозвратно. «Прощай, и если навсегда, то навсегда прощай» (пере- вод А. С. Пушкина).

Среда, к которой принадлежал поэт, увидела в нем отщепенца, врага. Заметно ухудшилось к нему и отношение критики. Все то же «Эдинбургское обозрение», которое еще недавно, сменив гнев на милость, печатало хвалебные рецензии о его поэмах, вернулось к поношениям.

А между тем Байрон переживает творческий подъем. Заканчивает «Поминки Чайльда Гарольда», дополняя его впечатлениями от поездки в Центральную Европу. Создает новую замечательную лирику: «Стансы к Августе», «Сон», «Тьма», «Прометей». Пишет поэмы «Шильонский узник», «Мазепу», стихотворную драму «Манфред». Начинает эпическую поэму «Дон Жуан».

«Дон Жуан», сатирические поэмы «Видение суда» и «Бронзовый век» стали отповедью Байрона английскому и общеевропейскому консерватизму. Две другие его поэмы, «Жалоба Тассо» и «Пророчество Данте», были посвящены поэтам-страдальцам, которые в темнице или в изгнании сохранили верность себе и родине. Он создавал эти поэмы, конечно, с мыслью о собственной судьбе, но думал и о том, чтобы вдохновить итальянских современников образами их великих предков-патриотов. Байрон торопил издателя с выпуском «Пророчества Данте», ибо, говорил он, «Италия находится накануне грандиозных событий».

Поэт не остался в стороне от этих событий. В 1820 году он помогал итальянским карбонариям, попытавшимся сбросить иго австрийской монархии. Опыт непосредственного участия в освободительной борьбе навел Байрона на размышления, отразившиеся в поэтических драмах 1820—1822 годов: «Марино Фальеро», «Сарданапал», «Двое Фоскари», «Вернер», где главная тема — народ и его вожди, преобразование общества. Мысль о том, как трудно осуществить намерения, направленные ко всеобщему благу, пронизывает эти драмы.

Весной 1824 года на борту корабля «Геркулес» поэт прибыл в Грецию, где крепко национально-освободительное движение.

**Эллада! Он в твой час кровавый
Сливает свой жребий с твоею судьбой!**

**Сняющий гений горит над тобой
Звездой возрождения и славы.**

Так писал тогда Иван Козлов, русский переводчик Байрона. А вот стихи самого Байрона, созданные в Греции и передающие боевое революционное настроение души: «В моих ушах, что день, поет труба, ей вторит сердце» (перевод А. А. Блока). Он снабжал национальную греческую армию средствами для приобретения оружия и сам намеревался возглавить один из батальонов.

Все планы рухнули из-за неожиданной болезни. Он простудился, попав под дождь во время прогулки верхом. Курс лечения, предписанный врачами, современные медики считают ошибочным, даже убийственным. Больного обессилили кровопусканиями и дали снотворное. Чувствуя приближение смерти, поэт якобы сказал: «Что ж, добивайте!»

19 апреля 1824 года в Греции был объявлен национальный траур — в Миссолонги на тридцать седьмом году жизни Байрон скончался. Легкие Байрона, как бы вместилище его духа, были захоронены в греческой земле, а тело отправлено на родину.

Английские, в первую очередь церковные власти воспротивились тому, чтобы допустить автора «безбожных» произведений под кров национальной усыпальницы, в так называемый «уголок поэтов» Вестминстерского аббатства в Лондоне. Свой последний покой поэт нашел в фамильном склепе неподалеку от Ньюстеда, ему, впрочем, уже не принадлежавшего.

«Пусть англичане думают о Байроне все, что им угодно, но у них нет другого

поэта, который мог бы сравниться с ним» — это мнение Гете отражает накал общественного интереса к Байрону. Размышляя о начале века, Достоевский писал: «Явился великий и могучий гений, страстный поэт. В его звуках зазвучала тогдашняя тоска человечества и мрачное разочарование его в своем назначении и своих идеалах. Это была новая и неслыханная тогда муза мести и печали, проклятия и отчаяния. Дух байронизма пронесся как бы по всему человечеству, все оно откликнулось ему». Непримиимость байроновского конфликта с «миром», глубина его разрыва с «современностью» определялась, если воспользоваться словами самого Байрона, «двойным мраком», сквозь который ему хотелось прорваться к свету. Его в отличие от многих романтиков не могли утешить консервативные иллюзии. Если он восторгался прошлым, то речь шла о классике, о героических временах античности и Ренессанса. Поэтизация ветшавшего аристократизма, которой увлекались романтические поэты (не имевшие при этом ни громких званий, ни родовых замков), не могла увлечь Байрона, лишь на заре жизни вздохнувшего о знатных предках и о былом. Тем более неприемлемым являлся для него буржуазный быт. Бездны, развалины, пустота, часто встречающиеся как обстановка действия в его произведениях, это, собственно, символ того общественно-исторического положения, в котором поэт видел себя и своих героев.

Белинский назвал Байрона Прометеем своего века, видя в нем личность, «возмутившуюся» и «в гордом восстании своем опершуясь на самое себя». Эта характеристика применима в первую очередь к героям байроновских поэм. В центре каждой из них — фигура красочная или, лучше сказать, ослепительно окрашенная в один цвет — неукротимости. Внутренние силы героев, будь то Конрад («Корсар») или Гяур, направлены к достижению одной цели, как правило, к мести, поводом которой обычно служит поруганная любовь. Но какая бы мотивировка ни была дана действиям героев, она бледна, слаба, в конечном счете несущественна (что Байрон иногда сам же подчеркивал), ибо ими владеет дух, заведомо оскорбленный и не знающий примирения. Читатель этих поэм встречается все с тем же, по выражению Пушкина, таинственно пленительным лицом, видит то же клочкотание страсти, которой тесны всякие границы, устанавливаемые любовью обществом во времени и пространстве.

«Один, один, всегда один», — как то сказал о себе Байрон словами Кольриджа. Этой цитатой Байрон подчеркнул и как бы признавал непоправимость своего одиночества. Но сколько он в самом деле размышлял об этом! Личность, обреченная на изоляцию силой собственного духа, не признающего «рабьей покорности»... Вот томившийся в Шильонской темнице узник — из поэмы, классический перевод которой принадлежит В. А. Жуковскому. Томившийся? В том-то и проблема, что и состояние, и положение этого страдальца оказываются гораздо сложнее. «Я безнадежно люблю», — говорит он. Но произошло это вовсе не потому, что он утратил любовь к свободе. Как обычно у Байрона (или, вернее, как это часто бывало у романтиков), некая необъяснимость, таинственность окружает участь героя. Что и почему привело его в темницу, остается неизвестным. Важно, что произошло уже в подвалах Шильона, куда он был заключен вместе с братьями. И потому, получив, наконец, освобождение, несчастный о «тюрьме своей вздохнул»: там, в мрачном подземелье, осталось все самое дорогое для него, а для себя одного он воли не хочет. В меру своего собственного, свободного выбора он, кажется, готов был вернуться в нево-

лю, которая тюремной цепью связала его с другими, пусть уже навсегда ушедшими.

Цена свободы и счастья, власти и мудрости непрерывно обдумывается Байроном. В эпоху, когда слово «свобода» было написано на революционном знамени, поэт настойчиво думал о ней. Он знал своих великих предшественников, таких, как Руссо и Вольтер, считавшихся пророками духовного освобождения человечества, он преклонялся перед великими современниками, прежде всего перед Гете, он вчитывался в романы Вальтера Скотта, умевшего с художественной картинностью и конкретностью изображать столкновение вольнолюбивой патриархальности с наступающим на нее «железным» порядком. В этом могучем хоре Байрон сказал свое пламенное слово.

Драматические поэмы «Манфред» и «Кайн» и были таким словом Байрона. И. А. Бунин, переводивший эти произведения, ясно видел, как многое они предвосхитили в литературе XIX века. В байроновских драмах поднимаются вопросы, которые принято называть «конечными». Вопросы о человеке, каков он есть, о человеческой сущности.

Испытывая страшную, неизлечимую муку от ими содеянного, байроновские герои не смиряются: их дерзкий порыв приводит к катастрофе, но сам порыв в глазах Байрона необходим и оправдан, поскольку заложен в человеческих возможностях, которым в принципе нет предела.

«Байрон не любил и не понимал истории», — типичное мнение, распространенное в начале нашего века. Точность исторических фактов поэт действительно не мог соблюдать, прибегая к вымыслу и условности. Но если он «не любил истории», то только в том смысле, как капитан корабля «не любит море», с которым ему придется вести борьбу. Байрон бился над историей как необъятной и непокорной стихией, не желающей открыться ему своих путей и целей. С детства чувствуя себя частичкой истории (хотя бы благодаря семейной летописи, восходящей ко временам Вильгельма Завоевателя), Байрон со временем присматривался к истории все пристальнее.

Нашло это отражение прежде всего в его незавершенном шедевре «Дон Жуан». Последняя поэма Байрона — сатирическая энциклопедия политической жизни на рубеже XVIII—XIX веков.

Публика встретила «Дон Жуана» с недоумением. Непривычно было вместо овеянных тайной романтических фигур видеть лица (да еще всем известные!) в их подлинной конкретности — лысых, похотливых, потливых, пьяных... Даже Гете, неизменно становившийся на сторону Байрона, оказался несколько смущен поэмой. Он увидел в ней силу испепеляющую, уничтожающую и счел это все-таки чрезмерным. Но целый ряд выдающихся современников, — в их числе Вальтер Скотт, Пушкин — оценили «Дон Жуана» в его «шекспировском разнообразии», увидев в поэме не только новый этап байроновского творчества, но и всей литературы. Действительно, смело обратившись к жизненной прозе, Байрон расширил границы романтической поэзии, наметив путь к реализму, которому принадлежало будущее.

Крупнейшие фигуры мировой поэзии испытали влияние Байрона. С его личностью и творчеством оказалось связанным особое понятие — «байронизм». Но на смену восторгу и преклонению перед байроновской поэзией пришла критика. Началась переоценка не только байронизма, но и самого Байрона. А между тем, как отметил позднее Достоевский, «словом байронист браниться нельзя». Байронизм, по его словам, — это протест колоссальной личности, выражение бесконечной тоски, глубочайшего разочарования, призыв, пробудивший сознание многих.

В ДРА и сегодня работают советские люди самых разных специальностей — строители, врачи, педагоги, активно участвуя в процессе созидания. Один из них — учитель из Тольятти Юрий Ващенко. Его заметки мы предлагаем вашему вниманию.

Под крылом реактивного лайнера тянутся веерообразные горы Восточного Гиндукуша. Их заснеженные вершины дырявят небо. В мелькающих проплешинах черной земли ютятся небольшие селения. В каменной чаше гор, выплывающей из-за низко висящих облаков, располагается главный город Афганистана — Кабул. Приземистые здания вперемежку с куполами мечетей и башнями минаретов делит узкая лента реки. Изломанные улицы-лестницы начинают свой разбег от реки и, цепляясь за горы, взбираются на них жилыми кварталами... Вглядываясь в этот пестрый ландшафт, я пытался угадать, где находится «Ватан» — школа-интернат, в которой мне предстояло работать.

«Ватан» — по-афгански «Родина». Так нарекли школу ее основатели — работники органов госбезопасности ДРА. Сюда направляют они учиться детей своих товарищей, погибших от рук душманов.

Пройдя через ворота в глинобитном дувале, окружающем «Ватан», я услышал нестройный хор ребячьих голосов, выводивших «Моя Родина Афганистан борется...». Это песня защитников апрельской революции. Перед зданием школы в три ряда стояли подростки. Чуть впереди — четверо запевал. Звонкие голоса уносились в прозрачную стынью утра. Гора подхватывала их, дробила и пускала гулять по расщелинам и впадинам отголосками эха.

До начала двадцатого века учебных заведений в Афганистане не было. Дети из состоятельных семей обучались грамоте у служителей культа. Первым учителем их был мулла, первой книгой — коран. Лишь в 1903 году в Кабуле были основаны лицей «Хабибия», педагогическое училище и несколько начальных школ. Сегодня же в 29 провинциях ДРА работает около двух тысяч школ. В крупных городах появились женские лицеи (до 50-х годов обучение девушек не велось).

Однако в стране и по сей день многие не знают даже азбуки грамоты. Еще семь лет назад, по данным ООН, население Афганистана по уровню грамотности занимало 127-е место в мире. За годы, прошедшие после революции, душманы разрушили около двух тысяч школ и убили более двух тысяч преподавателей. Учеба во многих провинциях была практически парализована. К тому же большая часть старой интеллигенции выехала на Запад. Сказывается и веками укоренившееся убеждение в том,

НАД ВАТАНОМ- СОЛНЦЕ

что учение якобы вредно влияет на молодежь.

В 1980 году особым декретом «О ликвидации неграмотности» была проведена широкая кампания по обучению населения грамоте. В новом постановлении, принятом ЦК НДПА, предусматривается обучение грамоте всех граждан страны в возрасте от девяти до пятидесяти лет. Наступление на неграмотность ведется под лозунгом «Каждый мусульманин должен уметь читать коран». Сегодня в общеобразовательных школах учатся уже более полумиллиона афганцев. Тут и безусые юнцы, и те, у кого давно побелела борода. Не за горами тот день, когда каждый афганец сможет написать свое имя.

...Недавно над ним зло подшутили — спрятали протез. Но он не растерялся: прискакал в класс на своей единственной, левой ноге и, паясничая, склонился над партией, изображая цаллю. Ребята захолопали в ладоши, кто-то даже взвыл от восхищения, кто-то крикнул: «Алишо, ты победил!» Усевшись за парту, он еще долго не мог успокоиться — вертелся, подмигивал приятелям. Мне пришлось несколько раз одернуть его, прежде чем он утихомирится. И только минут через двадцать, когда все уже забыли о «шутке», я заметил, что он как-то сник. Алишо смотрел на меня, но по взгляду его было видно, что он сейчас где-то там, в дымящемся кишлаке Гольеко...

Район на северо-востоке провинции Бадахшан долгое время терроризировала банда Черного муллы. Терпение жителей лопнуло — они взялись за оружие. Среди первых крестьян, поднявшихся на борьбу с душманами, был и отец Алишо. В отместку за это как-то ночью бандиты забросали его дом гранатами. Советские солдаты отогнали душманов. Из-под развалин дома они вытащили искалеченного мальчика. Из всей семьи в живых остался только Алишо...

— Крестник Сережа, — как-то сказал он на уроке.

Я даже вздрогнул от неожиданности. Откуда неграмотному мальчику из далекого кишлака известны эти два русских слова?

— Это мое второе имя, — ответил Алишо. Однако добиться большего от него мне так и не удалось. Парнишка не захотел раскрывать своей тайны.

Может быть, этим именем нарек его солдат, вытащивший мальчика из-под развалин, или медсестра в госпитале, дежурившая у его постели, когда ноча-

ми он метался в бреду? Но как бы то ни было слова эти для Алишо — нечто большее, чем «второе имя». Я уже несколько раз слышал, как в момент наибольшего волнения и радости он произносит эти два слова: «Крестник Сережа».

Я давно заметил, что некоторые наши ребята время от времени куда-то исчезают. Как-то в одном из классов, недосчитавшись Семейулло, скромного паренька с печальными глазами, я обратил к Ругло, его брату: «А почему опять в классе нет Семейулло? Где он пропадает?» Помолчав, тот ответил, что брат ранен. Я не поверил и переспросил. Снисходительно улыбаясь, он посмотрел на меня и пояснил: «В Пешаваре, во время операции».

В тот же день на большой перемене я вышел из класса и, обогнув школу, заметил группу ребят, увлеченно бросающих что-то о стену. Я подошел ближе. Это были ученики шестого класса Фарид, Ширмомад, Абдуллоди и Мирзагуль. Раскрасневшиеся, целиком ушедшие в игру, мальчишки заметили меня не сразу. А увидев, испугались, стали прятать что-то в карманы. «Так, — подумал я, — играют в пристенок и, судя по всему, на деньги».

— А ну-ка покажи! — сказал я Фариду.

Тот набычился и, опустив голову, раскрыл ладонь. В его запотевшем кулаке лежала новенькая афганская медаль. У двоих оказались такие же медали, у третьего — орден. Играть в школе на деньги — это одно, но использовать в качестве биты боевые награды!.. Я не сдержался и накричал на ребят. Мальчишки испуганно жались друг к другу и протягивали мне горстки монет, которые они успели выиграть.

— Медали! Откуда они у вас?! — кричал я.

Казалось, они не понимали моего вопроса. Только Мирзагуль, плут и воришка, догадался, о чем речь, и сказал:

— Я свою выменял за блок жвачек, а им дали.

— Как дали? Кто дал?

— Генерал-майор товарищ Низами.

— Да, — видя мое замешательство, подтвердил Фарид, — у нас к ним и бумажки есть.

Он так и сказал: «бумажки».

— И вы, участвуя в боевых операциях, так относитесь к своим наградам?

Я возвратил им мелочь и пошел прочь.

— Мы больше не будем! — крикнул кто-то мне вслед.

Правда, больше за этой игрой я их не заставал. Но не думаю, что они так сразу поняли свою ошибку. Наверное, просто нашли другое место.

Совершают подвиг и не осознают этого, потом получают награды и снова не осознают... Да и неудивительно, такой возраст: сейчас им не нужны слава и почет. Им нужна лишь хорошая бита для игры в пристенок.

Как-то, прогуливаясь вечером в саду, я увидел сидящего под деревом Башира. На коленях у мальчика лежал открытый учебник. Зажмурив глаза, он не слыша повторял диковинные для афганца русские слова.

Его старание в овладении русским языком я заметил уже давно. Всего за несколько занятий Башир изучил весь алфавит и знал уже десятка два выражений. Разговорившись с ним, я сказал, что поездка в СССР ему гарантирована. Видя его счастливое лицо, не удержался и спросил:

— Башир, а почему тебе нужно ехать именно сейчас? Пожил бы здесь еще годик, подучил бы язык...

— Нет! — прервал он меня криком. На глазах парня выступили слезы. — Я не хочу жить здесь — в проклятом аллахом месте, где этот зверь убил мою мать! — Мальчик рыдал так сильно, что мне стоило больших трудов его успокоить.

До революции отец Башира был бедным крестьянином. От голодной смерти семью спасала лишь узкая полоска худосочной земли. Апрельская революция дала ему землю, но он забросил земледельческий труд, занялся контрабандной торговлей и скоро разбогател. Скупая по дешевке плодородные земли, сдавал их в аренду. Когда народная власть наложила запрет на его бизнес, он бежал в Пакистан. Через некоторое время вернулся, сколотил из местного отребья банду себе подобных и стал промышлять грабежом и разбоем.

Провинция Лагман, где он с детства знал каждый камень, была им буквально терроризирована. Всех крестьян, в том числе своих бывших соседей, он обложил налогами — на воду, на землю. Даже за рождение сына дехканин должен был платить ему мзду. Непокорных ждала жестокая кара. Несколько раз части Народной армии пытались окружить банду. Однако, не вступая в бой, душманы уходили.

Башир был единственным сыном. Когда мальчику исполнилось четырнадцать, отец решил, что пора приучать

его к своему кровавому ремеслу. До сих пор не смешая возразить мужу, мать Башира сказала, что не позволит превращать сына в убийцу. Разгневанный тем, что женщина осмелилась ему перечить, бандит схватил со стола массивный портсигар и бил ее по голове до тех пор, пока не забил насмерть. Расправа произошла на глазах у детей...

Башир заболел и вскоре сбежал в соседний кишлак, где стояло одно из подразделений афганской армии. Зная месторасположение банды, мальчик привел солдат. На этот раз уйти душманам не удалось. Каким-то чудом бежал лишь главарь, позже передавший через крестьян: в день разгрома банды он поклялся на коране, что убьет своего сына.

Местные власти срочно перевели мальчика в Кабул. А вскоре он попал в «Ватан». Руководство интерната взяло подростка под особый контроль. Несмотря на то, что территория интерната усиленно охраняется, несколько раз ночью «Ватан» кто-то обстреливал.

...И вот наступил день отъезда. С самого утра интернат напоминал разбуженный улей. Так случилось каждый раз, когда из родного гнезда на учебу в СССР отправлялась очередная группа воспитанников. Пяти-девятилетние дети ехали в сопровождении воспитателей в советские школы-интернаты, ребята постарше — в училища.

Празднично одетые, с новыми сумками, они весело толпились во внутреннем дворе школы. Среди них был и Башир, который, видимо, еще не до конца осознавал, что уезжает. Внешне спокойный, в душе он, конечно, волновался, как и все остальные. Шутка ли, маленький человек пускается в путешествие к другому берегу, пусть даже желанному, но не родному.

Наконец позвонили из аэропорта и сообщили о прибытии самолета. Попрощавшись с нами, дети гуськом потянулись в автобус. Когда он тронулся, оставшиеся закричали, засвистели, малыши побежали за машиной. Плакали, смеялись, чей-то хриловатый басок утешал: в следующий раз повезет тем, кто остался. Я обернулся: это был Алишо.

Из-за крыши одного из корпусов выплыл белый диск солнца. Таким ярким и красивым оно бывает только здесь — над нашим интернатом. Да, кстати, герб республики «Ватан» — ребенок, обнимающий солнце.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПЕРЕЦ

Перец проснулся оттого, что холодные пальцы тронули его за голое плечо. Он открыл глаза и увидел, что над ним стоит человек в исподнем. Света в комнате не было, но человек стоял в лунной полосе, и было видно его белое лицо с выкаченными глазами.

— Вам чего? — шепотом спросил Перец.
— Очистить надо, — тоже шепотом сказал человек.
«Да это же комендант», — с облегчением подумал Перец.
— Почему очистить? — спросил он громко и приподнялся на локте. — Что очистить?
— Гостиница переполнена. Вам придется очистить место.

Перец растерянно оглядел комнату. В комнате все было по-прежнему, остальные три койки были свободны.

— А вы не озирайтесь, — сказал комендант. — Нам виднее. И все равно белье на вашей койке надо менять и отдавать в стирку. Сами-то вы стирать не будете, не так воспитаны...

Перец понял: коменданту было очень страшно, и он хамил, чтобы придать себе смелости. Он был сейчас в том состоянии, когда тронь человека — и он завопит, заверещит, задергается, высадит раму и станет звать на помощь.

— Давай, давай, — сказал комендант и в каком-то жутком нетерпении потянул из-под Переца подушку.

— Белье, говорят...
— Да что же это, — проговорил Перец. — Обязательно сейчас? Ночью?

— Срочно.
— Господи, — сказал Перец. — Вы не в своем уме. Ну, хорошо... Забирайте белье, я и так обойдусь, мне всего эта ночь осталась.

Он слез с койки на холодный пол и стал сдирать с подушки наволочку. Комендант, словно бы оцепенев, следил за ним выпученными глазами. Губы его шевелились.

— Ремонт, — сказал он наконец. — Ремонт пора делать. Обои все ободрались, потолок потрескался, полы перестилать надо... — Голос его окреп. — Так что место вы все равно очищайте. Сейчас мы здесь начнем делать ремонт.

— Ремонт?
— Ремонт. Обои-то какие стали, видите? Сейчас сюда рабочие придут.

— Прямо сейчас.
— Прямо сейчас. Ждать больше невыносимо. Потолок весь растрескался. Того и гляди...

Перец бросил в дрожь. Он оставил наволочку и взял в руки штаны.

— Который час? — спросил он.
— Первый час уже, — сказал комендант, снова переходя на шепот и почему-то озираясь.

— Куда же я пойду? — сказал Перец, остановившись с одной ногой в штанине. — Ну, вы меня устройте где-нибудь. В другом номере...

— Переполнено. А где не переполнено, там ремонт.
— Ну в дежурке.
— Переполнено.

Перец с тоской уставился на луну.
— Ну хоть в кладовой, — сказал он. — В кладовой, в бельевой, в изоляторе. Мне всего шесть часов осталось спать. Или, может быть, вы меня у себя как-нибудь поместите...

Комендант вдруг заметался по комнате. Он бегал между койками, босой, белый, страшный, как привидение. Потом он остановился и сказал стонущим голосом:

— Да что же это, а? Ведь я тоже цивилизованный человек, два института окончил, не туземец какой-нибудь... Я же все понимаю! Но невозможно, поймите! Никак невозможно! — Он подскочил к Перцу и прошептал ему на ухо: — У вас виза истекла! Двадцать семь минут уже, как истекла, а вы все еще здесь. Нельзя вам быть здесь. Очень я вас прошу... — Он грохнулся на колени и вытащил из-под кровати ботинки и носки Переца.

— Я без пяти двенадцать проснулся весь в поту, — бормотал он. — Ну, думаю, все. Вот и конец мой пришел. Как был, так и побежал. Ничего не помню. Облака какие-то на улицах, гвозди цепляют за ноги... А у меня жена родить должна! Одевайтесь, одевайтесь, пожалуйста...

Перец торопливо оделся. Он плохо соображал. Комендант все бегал между койками, шлепая по лунным квадратам, выглядывая в коридор, высовывался в окна и шептал: «Боже мой, что же это...»

— Можно, я хоть чемодан у вас оставлю? — спросил Перец.

Комендант лягнул зубами.

— Ни в коем случае! Вы же меня погубите... Ну надо же быть таким бессердечным! Боже мой, боже мой...

Перец собрал книги, с трудом закрыл чемодан, взял на руку плащ и спросил:

— Куда же мне теперь?
Комендант не ответил. Он ждал, приплясывая от нетерпения. Перец поднял чемодан и по темной, тихой лестнице спустился на улицу. Он остановился на крыльце и, стараясь унять дрожь, некоторое время слушал, как комендант толкует сонному дежурному: «...будет назад проситься. Не пускать!» Перец сел на чемодан и положил плащ на колени.

— Нет уж, извините, — сказал комендант у него за спиной. — С крыльца попрошу сойти. Территорию гостиницы попрошу все-таки полностью очистить.

Пришлось сойти и поставить чемодан на мостовую. Комендант потоптался немного, бормоча: «Очень прошу... Жена... без никаких эксцессов... Последствия... Нельзя...» — и ушел, белея исподним, крадясь вдоль забора. Перец поглядел на темные окна Управления, на темные окна гостиницы. Нигде не было света, даже уличные фонари не горели. Была только луна — круглая, блестящая и какая-то злобная. И вдруг он обнаружил, что он один. У него никого не было. Вокруг спят люди, и все они любят меня, я это знаю, я много раз это видел. И все-таки я один, словно они вдруг умерли или стали моими врагами...

И комендант — добрый уродливый человек, страдающий базедовой болезнью неудачник, прилепившийся ко мне с первого же дня... мы играли с ним на пианино в четыре руки и спорили, и я был единственным, с кем он осмеливался спорить и рядом с кем он чувствовал себя полноценным человеком, а не отцом семерых детей. И Ким. Он вернулся из канцелярии и принес огромную папку с доносами. Девяносто два доноса на меня, все написаны одним почерком и подписаны разными фамилиями. Что я ворую казенный сургуч на почте, и что я привез в чемодане малолетнюю любовницу и прячу ее в подвале пекарни, и что я еще много чего... И Ким читал эти доносы и один бросал в корзину, а другие откладывал в сторону, бормоча: «А это надо обмозговать...» И это было неожиданно и ужасно, бессмысленно и отвратительно... Как он робко взглядывал на меня и сразу отводил глаза...

Перец поднялся, взял чемодан и побрел, куда глаза глядят. Глаза никуда не глядели. Да и не на что было глядеть на этих пустых, темных улицах. Он спотыкался, он чихал от пыли и, кажется, несколько раз упал. Чемодан был невероятно тяжелый и какой-то неуправляемый. Он грузно терся о ногу, потом тяжело отплывал в сторону и, вернувшись из темноты, с размаху ударял по колену. В темной аллее парка, где совсем не было света и только зыбки, как комендант, статуи смутно белели во мраке, чемодан вдруг вцепился в штанину какой-то отставшей пряжкой, и Перец в отчаянии бросил его. Пришел час отчаяния. Плача и ничего не видя из-за слез, Перец продрался через колючие, сухие и пыльные живые изгороди, скатился по ступенькам, упал, больно ударившись спиной, и совсем уже без сил, задыхаясь от обиды и от жалости, опустился на колени у края обрыва.

Но лес оставался безразличен. Он был так безразличен, что даже не был виден. Под обрывом была тьма, и только на самом горизонте что-то широкое и слоистое, серое и бесформенное вяло светилось в сиянии луны.

— Проснись, — попросил Перец. — Погляди на меня хотя бы сейчас, когда мы одни, не беспокойся, они все спят. Неужели тебе никто из нас не нужен? Или ты, может быть, не понимаешь, что такое нужен? Это когда всю жизнь стремишься к... Я не знаю, какой ты. Этого не знают даже те, кто совершенно уверен в том, что знают. Ты такой, какой ты есть, не могу же я надеяться, что ты такой, каким я всю жизнь хотел тебя видеть: добрый и умный, снисходительный и помнящий, внимательный и, может быть, даже благодарный. Мы растеряли все это, у нас не хватает на это сил и времени, мы только строим памятники, все больше, все выше, все дешевле, а помнить — помнить мы уже не можем. Но ты-то ведь другой, потому-то я и пришел к тебе, издалека, не веря в то, что ты существуешь на самом деле. Так неужели я тебе не нужен? Нет, я буду говорить правду. Боюсь, что ты мне тоже не нужен. Мы увидели друг друга, но ближе мы не стали, а должно было случиться совсем не так. Может быть, это они стоят между нами? Их много, я один, но я — один из них, ты, наверное, не различаешь меня в толпе, а может быть, меня и различать не стоит. Может быть, я сам придумал те человеческие качества, которые должны нравиться тебе, но не тебе, какой ты есть, а тебе, каким я тебя придумал...

Из-за горизонта вдруг медленно всплыли яркие белые комочки света, повисли, распухая, и сразу же справа под утесом, под нависшими скалами суматошно забегали лучи прожекторов, заматались по небу, застревая в слоях тумана. Световые комочки над горизонтом все распухали, растягивались, обратились в белесые облачка и погасли. Через минуту погасли и прожектора.

— Они боятся, — сказал Перец. — Я тоже боюсь. Но я боюсь не только тебя, я еще боюсь и за тебя. Ты ведь их еще не знаешь. Впрочем, я их тоже знаю очень плохо. Я знаю только, что они способны на любые крайности, на самую крайнюю степень тупости и мудрости, жестокости и жалости, ярости и выдержки. У них нет только одного: понимания. Они всегда подменяли понимание какими-нибудь суррогатами — верой, неверием, равнодушием, пренебрежением. Как-то всегда получалось, что это проще всего. Проще поверить, чем понять. Проще разочароваться, чем понять. Проще плюнуть, чем понять. Между прочим, я завтра уезжаю, но это еще ничего не значит. Здесь я не могу помочь тебе, здесь все слишком прочно, слишком устоялось. Я здесь слишком уж заметно лишний, чужой. Но точку приложения сил я еще найду, не беспокойся. Правда, они могут необратимо загадать тебе, но на это тоже надо время, и немало: им ведь еще нужно найти самый эффективный, экономичный и, главное, простой способ. Мы еще поборемся, было бы за что бороться... До свидания.

Перец поднялся с колен и побрел назад, через кусты, в парк на аллею. Он попытался найти чемодан и не нашел. Тогда он вернулся на главную улицу, пустую и освещенную только луной. Был уже второй

УЛИТКА НА СКЛОНЕ
 Аркадий СТРУГАЦКИЙ,
 Борис СТРУГАЦКИЙ

лгут лучезарно, с бодрыми песнями и лихим посвистом, иногда плаксиво, стеноя и оправдываясь, но — лгут. Почему-то такие книги никогда не сжигают и никогда не изымают из библиотек, не было еще в истории человечества случая, чтобы ложь предавали огню. Разве что случайно, не разобравшись или проверив. В лесу они тоже не нужны. Они нигде не нужны. Наверное, именно поэтому их так много... То есть не поэтому, а потому, что их любят... Тьмы горьких истин нам дороже... Что? Кто это тут разговаривает? Ах, это я разговариваю... Так вот, я и говорю, что есть еще книги... Что?..

- Тихе, пусть спит...
- Чем спать, лучше бы выпил.
- Да не скрипи ты так... Ой, да это же Перец!
- А что нам Перец, ты знай не падай...
- Неужоженный какой-то, жалкий...
- Я не жалкий, — пробормотал Перец и проснулся.

Перед стеллажом напротив стояла библиотечная лешенка. На верхней ее ступени стояла Алевтина из фотолaborатории, а внизу шофер Тузик держал лешенку татуированными руками и смотрел вверх.

— И всегда-то он какой-то неприкаянный, — сказала Алевтина, глядя на Переца. — И не ужинал, наверное. Надо бы его разбудить, пусть хоть водки выпьет... Что, интересно, такие люди видят во сне?

— А вот что я вижу наяву! — сказал Тузик, глядя вверх.

— Что-нибудь новое? — спросила Алевтина. — Никогда раньше не видел?

— Да нет, — сказал Тузик. — Нельзя сказать, чтобы особенно новое, но это как кино бывает: двадцать раз смотришь и все с удовольствием.

На третьей снизу ступеньке лестницы лежали ломти здорового штрүүлера, на четвертой ступеньке были разложены огурцы и очищенные апельсины, а на пятой ступеньке стояли полупустая бутылка и пластмассовый стаканчик для карандашей.

— Ты смотришь смотри, а лешенку держи хорошенько, — сказала Алевтина и принялась доставать с верхних полок стеллажа толстые журналы и выцветшие папки. Она сдувала с них пыль, морщила, листала страницы, некоторые папки откладывала в сторону, а прочие ставила на прежнее место. Шофер Тузик громко сопел.

— А за позапрошлый год тебе нужно? — спросила Алевтина.

— Мне сейчас одно нужно, — загадочно сказал Тузик. — Вот я сейчас Переца разбужу.

— Не отходи от лестницы, — сказала Алевтина.

— Я не сплю, — сказал Перец. — Я уже давно на вас смотрю.

— Оттуда ничего не видно, — сказал Тузик. — Вы сюда идите, пан Перец, тут все есть: и женщина, и вино, и фрукты.

Перец поднялся, припадая на отсиженную ногу, подошел к лестнице и налил себе из бутылки.

— Что вы видели во сне, Перчик? — спросила Алевтина сверху.

Перец механически взглянул вверх и сейчас же опустил глаза.

— Что я видел... Какую-то чепуху... Разговаривал с книгами.

Он выпил и взял дольку апельсина.

— Подержите-ка минуточку, пан Перец, — сказал Тузик. — Я себе тоже налью.

— Так тебе за позапрошлый год нужно? — спросила Алевтина.

— А как же? — сказал Тузик. Он плеснул себе в стаканчик и стал выбирать огурец. — И за позапрошлый, и за позапозапрошлый... Мне всегда нужно. У меня это всегда было, я без этого жить не могу. Да без этого никто жить не может. Одному больше надо, другому — меньше... Я всегда говорю: чего вы меня учите, такой уж я человек... — Тузик выпил с большим удовольствием и с хрустом закусил огурцом. — А так жить невозможно, как я здесь живу. Я вот еще немного потерплю-потерплю, а потом угоню машину в лес и русалку себе поймаю...

Перец держал лестницу и пытался думать о завтрашнем дне, а Тузик, присев на нижнюю ступеньку, принялся рассказывать, как в молодости они с компанией приятелей поймали на окраине парочку, ухажера побили и прогнали, а дамочку попытались использовать. Было холодно и сыро, по крайней молодости лет ни у кого ничего не получалось, дамочка плакала, боялась, и приятели один за другим от нее отстали, и только он, Тузик, долго тащился за нею по грязным задворкам, хватал, ругался, и все ему казалось, что вот-вот получится, но никак не получалось, пока он не довел ее до самого дома, и там, в темном парадном, прижал к железным перилам и получил, наконец, свое. В Тузиковом изложении случай казался чрезвычайно захватывающим и веселым.

— Так что русалочки от меня не уйдут, — сказал Тузик. — Я своего не упускаю и сейчас не упущу. У меня что на витрине, то и в магазине — без обмана.

У него было смуглое красивое лицо, густые брови, живые глаза и полный рот отличных зубов. Он был очень похож на итальянца. Только вот от ног у него пахло.

— Господи, что делают, что делают, — сказала Алевтина. — Все папки перепутали. На, держи пока эти.

Она наклонилась и передала Тузику кипу папок и журналов. Тузик принял кипу, перебрал несколько страниц, почитал про себя, шевеля губами, пересчитал папки и сказал:

— Еще две штуки нужно.

Перец все держал лестницу и смотрел на свои сжатые кулаки. «Завтра в это время меня уже здесь не будет, — думал он. — Я буду сидеть рядом с Тузиком в кабине, будет жарко, металл еще только начнет остывать. Тузик включит фары, развалится поудобнее, высунув левый локоть в окно, и примется рассуждать о мировой политике. Больше я ему ни о чем не дам рассуждать. Пусть он останавливается возле каждой закуской, пусть берет каких угодно попучиков, пусть даже сделает крюк, чтобы перевезти кому-нибудь молотилку из ремонта. Но рассуждать я ему дам только о мировой политике. Или буду спрашивать про разные автомобили. Про нормы расхода горючего, про аварии, про убийства взятчиков-инспекторов. Он хороший рассказчик, и никогда не поймешь, врет он или говорит правду».

Тузик выпил еще порцию, причмокнул, поглядел на Алевтиныны ноги и стал рассказывать дальше, ерзая, выразительно жестикулируя и заливаясь жизнерадостным смехом. Скрупулезно придерживаясь хронологии, он рассказывал историю своей половой жизни, как она протекала из года в год, из месяца в месяц. Повариха из концентрационного лагеря, где он сидел за кражу бумаги в голодное время (повариха приговаривала: «Ну, не подкачай, Тузик, ну, смотри!..»). Дочка политического заключенного из того же лагеря (ей было все равно — кто, она была уверена, что все равно сожгут). Жена одного моряка из портового города, пытавшаяся таким образом отомстить своему кобелю-мужу за непрерывные измены. Одна богатая вдова, от которой Тузику потом пришлось убежать ночью в одних кальсонах, потому что она хотела бедного Тузика взять за себя, и заставить торговать наркотиками и стыдными медицинскими препаратами. Женщины, которых он возил, когда работал шофером такси: они платили ему по монете с гостя, а в конце ночи — натурой («...я ей говорю: что же это ты, а обо мне кто подумает — ты вот уже с четырьмя, а я еще ни с одной...»). Потом жена, пятнадцатилетняя девочка, которую он взял за себя по специальному разрешению властей, — она родила ему двойню и в конце концов ушла от него, когда он попытался расплачиваться ею с приятелями за приятелевых любовниц. Женщины... девки... стервы... бабочки... падлы... сучки...

— Так что я никакой не развратник, — заключил он. — Просто я темпераментный мужчина, а не какой-нибудь слабосильный импотент...

Он допил спиртное, забрал папки и, не протрившись, ушел, скрипя паркетом и насвистывая, странно сутулясь, похожий неожиданно не то на паука, не то на перебопытного человека. Перец беспомощно смотрел ему вслед, когда Алевтина сказала:

— Дайте мне руку, Перчик.

Она присела на верхней ступеньке, опустила руки ему на плечи и, тихонько взвизгнув, спрыгнула вниз. Он поймал ее под мышки и опустил на пол, и некоторое время они стояли близко друг к другу, лицом к лицу. Она держала руки у него на плечах, а он держал ее под мышками.

— Меня из гостиницы выгнали, — сказал он.

— Я знаю, — сказала она. — Пойдемте ко мне, хотите?

Она была добрая и теплая и смотрела ему в глаза спокойно, хотя и без особой уверенности. Глядя на нее, можно было представить себе много добрых, теплых и сладких картин, и Перец жадно проглядел все эти картины одну за другой и попытался представить самого себя рядом с нею, но вдруг почувствовал, что это не получается: вместо себя он видел Тузика, красивого, наглого, точного в движениях и пахнущего ногами.

— Да нет, спасибо, — сказал он и отнял от нее руки. — Я уж как-нибудь так.

Она сейчас же повернулась и принялась собирать остатки еды на газетный лист.

— А зачем же — так? — спросила она. — Я вам могу на диване постелить. До утра поспите, а утром найдем вам комнату. Нельзя же каждую ночь сидеть в библиотеке...

— Спасибо, — сказал Перец. — Только завтра я уезжаю.

Она изумленно оглянулась на него.

— Уезжаете? В лес?

— Нет, домой.

— Домой... — Она медленно заворачивала еду в газету. — Но ведь вы же все время хотели попасть в лес, я сама слышала.

— Да видите ли, я хотел... Но меня туда не пускают. Не знаю даже почему. А в Управлении мне делать нечего. Вот я и договорился... Тузик меня завтра отвезет. Сейчас уже три часа. Пойду в гараж, заберусь в Тузиков грузовик и подожду там до утра.

— Значит, будем прощаться... А то, может, пойдемте все-таки?

час ночи, когда он остановился перед приветливо раскрытой дверью библиотеки Управления. Окна библиотеки были завешаны тяжелыми шторами, а внутри она была освещена ярко, как танцевальный павильон. Паркет рассохся и отчаянно скрипел, и вокруг были книги. Стеллажи ломились от книг, книги грудами лежали на столах и по углам, и, кроме Переца и книг, в библиотеке не было ни души.

Перец опустился в большое старое кресло, вытянул ноги и, откинувшись, покойно положил руки на подлокотники. Ну, что стоите, сказал он книгам. Бездельники! Разве для этого вас писали? Доложите, доложите мне, как идет сев, сколько посеяно? Сколько посеяно: разумного? доброго? вечного? И какие виды на урожай? А главное — каковы всходы? Молчите... Вот ты, как тебя... Да-да, ты, двухтомник! Сколько человек тебя прочитало? А сколько поняло? Я очень люблю тебя, старина, ты добрый и честный товарищ. Ты никогда не орал, не хвастался, не бил себя в грудь. Добрый и честный. И те, кто тебя читает, тоже становятся добрыми и честными. Хотя бы на время. Хотя бы сами с собой... Но ты знаешь, есть такое мнение, что для того, чтобы шагать вперед, доброты и честности не так уж и обязательны. Для этого нужны ноги. И башмаки. Можно даже немые ноги и нечищенные башмаки... Прогресс может оказаться совершенно безразличен к понятиям доброты и честности, как он был безразличен к этим понятиям до сих пор. Управлению, например, для его правильного функционирования ни честности, ни доброты не нужны. Приятно, желательно, но отнюдь не обязательно. Как латынь для банщика. Как бицепсы для бухгалтера. Как уважение к женщине для Домарощинера... Но все зависит от того, как понимать прогресс. Можно понимать его так, что появляются эти знаменитые «зато»: алкоголик, зато отличный специалист, распутник, зато отличный проповедник; вор ведь, выжиг, а зато какой администратор! Убийца, зато дисциплинирован и предан... А можно понимать прогресс как превращение всех в людей добрых и честных. И тогда мы доживем когда-нибудь до того времени, когда будут говорить: специалист он, конечно, знающий, но грязный тип, гнать его надо...

Слушайте, книги, а вы знаете, что вас больше, чем людей? Если бы все люди исчезли, вы могли бы населить землю и были бы точно такими же, как люди. Среди вас есть добрые и честные, мудрые, многознающие, а также легкомысленные пустышки, скептики, сумасшедшие, убийцы, растлители, дети, унылые проповедники, самодовольные дураки и полуохрипшие крикуны с воспаленными глазами. И вы бы не знали, зачем вы. В самом деле, зачем вы? Многие из вас дают знания, но зачем это знание в лесу? Оно не имеет к лесу никакого отношения. Это как если бы будущего строителя солнечных городов старательно учили бы фортификации, и тогда, как бы он потом ни тпшил построить стадион или санаторий, у него все выходило бы какой-нибудь угрюмый редут с флешами, эскарпами и контрэскарпами. То, что вы дали людям, которые пришли в лес, это не знание, это предрассудки... Другие из вас вселяют неверие и упадок духа. И не потому, что они мрачны, или жестоки, или предлагают оставить надежду, а потому, что лгут. Иногда

— Спасибо, но я лучше в машине... Проспать боюсь. Они вышли на улицу и рука об руку пошли к гаражу.
— Значит, вам не понравилось, что Тузик рассказывал? — спросила она.
— Нет, — сказал Перец. — Совсем не понравилось. Не люблю, когда об этом рассказывают. Зачем? Стыдно как-то... и за него стыдно, и за вас стыдно, и за себя... Слишком бессмысленно все это. Как от большой скуки.

— Чаще всего это и бывает от большой скуки, — сказала Алевтина. — А за меня вы не стыдитесь, я к этому равнодушна. Мне это совершенно безразлично... Ну вот, вам сюда. Поцелуйте меня на прощание.

Перец поцеловал ее, ощущая какое-то смутное сожаление.

— Спасибо, — сказала она, повернулась и быстро пошла в другую сторону.

Потом он вошел в гараж, освещенный синими лампочками, перешагнув через храпевшего на вытасканном автомобильном сиденье охранника, нашел Тузиков грузовик и забрался в кабину. Здесь пахло резиной, бензином, пылью. На ветровом стекле, распотырившись, покачивался Микки-Маус. «Хорошо, — подумал Перец, — уютно. Надо было сразу сюда идти». Вокруг стояли молчаливые машины, темные и пустые. Громко храпел охранник. Машины спали, охранник спал, и спало все Управление. И Алевтина раздвинулась перед зеркалом в своей комнате рядом с расстеленной кроватью, большой, двуспальной, мягкой, жаркой... Нет, об этом не надо. Потому что днем мешают болтовня, стук «мерседеса», весь деловой бессмысленный хаос, а сейчас нет ни искоренения, ни проникновения, ни охраны, ни прочих зловещих глупостей, а есть сонный мир над обрывом, призрачный, как все сонные миры, невидимый и неслышимый и нисколько не более реальный, чем лес. Лес сейчас даже более реален: лес ведь никогда не спит. А может быть, он спит и всех нас видит во сне. Мы — сон леса. Атавистический сон. Грубые призраки его охлажденной сексуальности...

Перец лег, скорчившись, и подsunул под голову скомканный плащ. Микки-Маус тихонько покачивался на ниточке. При виде этой игрушки девушки всегда вскрикивали: «Ах, какой хорошенький!» — а шофер Тузик им отвечал: «Что на витрине, то и в магазине». Рычаг передач упирался Перцу в бок, и Перец не знал, как его убрать. И можно ли его убрать. Может быть, если его убрать, машина поедет. Сначала медленно, медленно, потом все быстрее, прямо на спящего охранника, а Перец будет метаться по кабине и нажимать на все, что попадает под руки и под ноги, а охранник все ближе, уже виден его открытый храпящий рот. Потом машина подпрыгивает, круто сворачивает, врывается в стену гаража, и в проломе показывается синее небо...

Перец проснулся и увидел, что уже утро. В распахнутых дверях гаража курили механики, и была видна площадка перед гаражом, желтая от солнца. Было семь часов. Перец сел, потер лицо и посмотрелся в зеркальце заднего вида. «Побриться бы надо», — подумал он, но не вылез из машины. Тузика еще не было, и надо было ждать его здесь, на месте, потому что все шоферы забывчивы и всегда уезжают без него. Есть два правила общения с шоферами: во-первых, никогда не вылезай из машины, если можешь терпеть и ждать; и во-вторых, никогда не спорь с шофером, который тебя везет. В крайнем случае притворись спящим...

Механики в воротах бросили окурки, тщательно растерли их носками ботинок и вошли в гараж. Одного Перец не знал, а второй был, оказывается, вовсе не механик, а менеджер. Они прошли рядом, причем менеджер задержался возле кабины и, положив руку на крыло, почему-то заглянул под грузовик. Потом Перец услышал, как он распоряжается: «Ну, пошевеливайся, давай домкрат». «А он где?» — спросил незнакомого механика. «...!» — спокойно сказал менеджер. — Под сиденьем посмотри». «Откуда же мне знать?» — раздраженно сказал механик. — Я же вас предупреждал, что я официант...» Некоторое время было тихо, потом водительская дверца кабины открылась, и появилось хмурое, расстроенное лицо механика-официанта. Он посмотрел на Переца, оглядел кабину, зачем-то подергал руль, а затем запустил обе руки под сиденье и начал там греметь.

— Это, что ли, домкрат? — спросил он негромко.
— Нет, — сказал Перец. — Это, по-моему, разводной ключ.

Механик поднес разводной ключ к глазам, осмотрел его, поджав губы, положил на подножку и снова запустил руки под сиденье.

— Это? — спросил он.
— Нет, — сказал Перец. — Это я могу вам совершенно точно сказать. Это арифмометр. Домкраты не такие.

Механик-официант, сморщив низкий лоб, разглядывал арифмометр.

— А какие? — спросил он.
— Ну... Такая железная палка... Они разные бывают. У них такая подвижная ручка...
— А вот тут есть ручка. Как у кассы.
— Нет, это совсем другая ручка.

— А если это повертеть, что будет?

Перец совсем затруднился. Механик подождал, со вздохом положил арифмометр на подножку и снова полез под сиденье.

— Может, вот это? — сказал он.
— Пожалуй. Очень похоже. Только там должна быть еще такая железная спица. Толстая.

Механик нашел и спицу. Он покачал ее на ладони, сказал: «Ладно, отнесу ему это для начала». — и ушел, оставив дверцу открытой. Перец закурил. Где-то зади звякало железо и бранились. Потом грузовик стал покряхтывать и вздрагивать.

Тузика все не было, но Перец не беспокоился. Он представлял себе, как они покатают по главной улице Управления и никто не будет на них смотреть. Потом они свернут на проселок, потащат за собой кучу желтой пыли, а солнце будет подниматься все выше, оно будет справа от них и скоро начнет припекать, а они свернут с проселка на шоссе, и оно будет длинное, ровное, блестящее и скучное, и у горизонта будут струиться миражи, похожие на большие сверкающие лужи...

Мимо кабины снова прошел механик, катя перед собой тяжелое заднее колесо. Колесо разогналось по бетонному полу, и видно было, что механик хочет его остановить и прислонить к стене, но колесо только слегка свернуло и грузно выкатилось во двор, а механик неловко побежал за ним, все больше отставая. Потом они скрылись из глаз, и во дворе механик громко и отчаянно закричал. Послышался топот многих ног, и мимо ворот с криками: «Лови его! Заходи справа!» пробежали еще люди.

Перец заметил, что машина стоит не так ровно, как раньше, и выглянул из кабины. Менеджер возился возле заднего колеса.

— Здравствуйте, — сказал Перец. — Что это вы...
— А, Перец, дорогой! — радостно вскричал менеджер, не прекращая работы. — Да вы сидите, сидите, не вылезайте! Вы нам не мешаете. Заела, дрянь проклятая... Одно вот хорошо снялось, а второе заело...

— Как заело? Испортилось что-нибудь?
— Не думаю, — сказал менеджер, выпрямляясь и вытирая лоб тыльной стороной ладони, в которой он держал ключ. — Просто прижавело, наверное, немножко. Ну, я его сейчас быстро... А потом мы с вами шахматки расставим. Как вы полагаете?

— В шахматки? — сказал Перец. — А где Тузик?
— Тузик-то? То есть Туз? Туз у нас теперь старший лаборант. Направлен он в лес. Туз у нас больше не работает. А зачем он вам?

— Да так... — тихо сказал Перец. — Просто я предполагал... — Он открыл дверцу и спрыгнул на цементный пол.

— Да вы зря беспокоитесь, — сказал менеджер. — Сидели бы там, вы же не мешаете.

— Да что же сидеть? — сказал Перец. — Ведь эта машина не поедет?

— Нет, не поедет. Без колес она не может, а колеса надо снять... Надо же, как заело! А, чтоб тебя... Ладно, механики снимут. Пойдемте-ка лучше расставим.

Он взял Переца под руку и отвел его в свой кабинет. Там они сели за стол, менеджер отодвинул в сторону кучу бумаг, поставил шахматы и выключил телефон.

— С часами будем играть? — спросил он.

— Да я как-то даже не знаю, — сказал Перец. В кабинете было сумеречно и холодно, сизый табачный дым плавал между шкафами, как студенистые водоросли, а менеджер, бородавчатый, раздутый, пестрящий разноцветными пятнами, словно гигантский осьминог, двумя волосатыми щупальцами вскрыл лакированную раковину шахматной доски и принялся хлопотливо извлекать из нее деревянные внутренности. Круглые глаза его тускло поблескивали, и правый, искусственный, был все время направлен в потолок, а левый, живой, как пыльная ртуть, свободно катался по орбите, устремляясь то на Переца, то на дверь, то на доску.

— С часами, — решил, наконец, менеджер. Он вынул из шкафа часы, завел их и, нажавши кнопку, сделал первый ход.

Солнце поднималось. На дворе кричали: «Заходи справа!» В восемь часов менеджер в трудном положении глубоко задумался и вдруг потребовал завтрак на двоих. Из гаража с рокотом выкатывались автомобили. Менеджер проиграл одну партию и предложил другую. Они плотно позавтракали: выпили по две бутылки кефиру и съели по черствому штруцелю. Менеджер проиграл вторую партию, с преданностью и восхищением поглядел на Переца живым глазом и предложил третью. Он разыгрывал все время один и тот же ферзевый гамбит, не отклоняясь ни на ход от выбранного раз и навсегда проигрышного варианта. Он словно отработывал поражение, и Перец переставлял фигуры совершенно автоматически, ощущая себя тренировочной машиной: ни в нем, ни в мире не было ничего, кроме шахматной доски, кнопки часов и жесткой заданной программы действий.

Без пяти девять репродуктор внутреннего вещания хрюкнул и объявил бесполым голосом: «Всем работникам Управления находиться у телефонов. Ожидается обращение Директора к сотрудникам». Менеджер стал

очень серьезным, включил телефон, снял трубку и приложил ее к уху. Теперь в потолок были направлены оба его глаза. «Мне можно идти?» — спросил Перец. Менеджер страшно нахмурился, прижал палец к губам, а потом замахал на Переца рукой. В телефонной трубке раздалось гнусавое кваканье. Перец на цыпочках вышел.

В гараже было много народу. Лица у всех были строгие, значительные, даже торжественные. Никто не работал, все прижимали к ушам телефонные трубки. Только на ярко освещенном дворе одинокий официант-механик, потный, красный, растерзанный, хрипло дыша, гонялся за колесом. Происходило что-то очень важное. «Нельзя же так, — подумал Перец, — нельзя, я все время в стороне, я никогда ничего не знаю, может быть, в этом вся беда, может быть, на самом деле все правильно, но я не знаю что к чему и поэтому всегда оказываюсь лишним».

Он заскочил в будку ближайшего телефона-автомата, сорвал трубку, жадно прислушался, но в трубке были только гудки. Тогда он почувствовал внезапный страх, зудящее опасение, что он опять куда-то опаздывает, что опять где-то что-то всем раздадут, а он, как всегда, останется без. Прыгая через канавы и ямы, он пересек строительную площадку, шарахнувшись от застывшего ему дорогу охранника с пистолетом в одной руке и с телефонной трубкой в другой и по приставной лестнице вскарабкался на недостроенную стену. Во всех окнах он успел увидеть сосредоточенно застывших людей с телефонными трубками, затем над ухом у него пронзительно взвизгнуло, и почти сразу он услышал за спиной револьверный выстрел, спрыгнул вниз, в кучу мусора, и бросился к служебному входу. Дверь была заперта. Он несколько раз рванул ручку, ручка сломалась.

Он отшвырнул ее в сторону и секунду соображал, что делать дальше. Рядом с дверью было раскрытое узкое окно, и он влез в него, весь перепачкавшись в пыли и сорвав ногти на пальцах.

В комнате, куда он попал, было два стола. За одним сидел с телефонной трубкой Домарошчинер. Лицо у него было каменное, глаза закрыты. Он прижимал трубку к уху плечом и что-то быстро записывал карандашом в блокноте. Второй стол был пуст, и на нем стоял телефон. Перец схватил трубку и стал слушать.

Шорох. Потрескивания. Незнакомый писклявый голос: «Управление реально может распоряжаться только ничтожным кусочком территории в океане леса, омывающего континент. Смысла жизни не существует, и смысла поступков не существует. Мы можем чрезвычайно много, но мы до сих пор так и не поняли, что из того, что мы можем, нам действительно нужно. Он даже не противостоит, он попросту не замечает.

Если поступок принес вам удовольствие — хорошо, если не принес — значит, он был бессмысленным...» Снова шорох и потрескивания. «...противостоим миллионам лошадиных сил десятками вездеходов, дирижаблей и вертолетов, медицинской наукой и лучшей в мире теорией снабжения. У Управления обнаружилось по крайней мере два крупных недостатка. В настоящее время акции подобного рода могут иметь далеко идущие шифровки на имя Герострата, чтобы он оставался любимейшим нашим другом. Оно совершенно неспособно созидать, не разрушая авторитета и неблагодарности...» Гудки, свист, звуки, похожие на надрывный кашель. «... оно очень любит так называемые простые решения, библиотеки, внутреннюю связь, географические и другие карты. Пути, которые оно почитает кратчайшими, чтобы думать о смысле жизни сразу за всех людей, а люди этого не любят.

Сотрудники сидят, сплотив ноги в пропасть, каждый на своем месте, толкаются, острят и швыряют камешки, и каждый старается швырнуть потяжелее, в то время как расход кефира не помогает ни взрастить, ни искоренить, ни в должной мере законспирировать лес. Я боюсь, что мы не поняли даже, что мы, собственно, хотим, а нервы в конце концов тоже надлежит тренировать, как тренируют способность к восприятию, и разум не краснеет и не мучается угрызениями совести, потому что вопрос из научного, из правильно поставленного становится моральным. Он лживый, он скользкий, он непостоянный и притворяется. Но кто-то должен раздражать и не рассказывать легенды, а тщательно готовиться к пробному выходу. Завтра я приму вас опять и посмотрю, как вы подготовились. Двадцать два ноль-ноль — радиологическая тревога и землетрясение, восемнадцать ноль-ноль — совещание свободного от дежурства персонала у меня, как это говорится, на ковре, двадцать четыре ноль-ноль — общая эвакуация...»

В трубке послышался звук, как от льющейся воды. Потом все стихло, и Перец заметил, что Домарошчинер смотрит на него строгими, обвиняющими глазами.

— Что он говорит? — спросил Перец шепотом. — Я ничего не понимаю.

— И не странно, — сказал Домарошчинер ледяным тоном. — Вы взяли не свою трубку. — Он опустил глаза, записал что-то в блокноте и продолжал: — Это, между прочим, абсолютно недопустимое нарушение правил. Я настаиваю, чтобы вы положили трубку и ушли. Иначе я вызову официальных лиц.

— Хорошо, — сказал Перец. — Я уйду. Но где моя трубка? Это не моя. А где тогда моя?

Домарощинер не ответил. Глаза его вновь закрылись, и он снова прижал трубку к уху. До Переца доносилось кваканье.

— Я спрашиваю, где моя трубка? — крикнул Перец. Теперь он больше ничего не слышал. Был шорох, было потрескивание, а потом раздались частые гудки отбоя. Тогда он бросил трубку и выбежал в коридор. Он распахивал двери кабинетов и всюду видел знакомых и незнакомых сотрудников. Одни сидели и стояли, застывшие в полной неподвижности, похожие на восковые фигуры со стеклянными глазами; другие расхаживали из угла в угол, переступая через телефонный провод, тянущийся за ними; третьи лихорадочно писали в толстых тетрадях, на клочках бумаги, на полях газет. И каждый плотно прижимал к уху трубку, словно боясь пропустить хотя бы слово. Свободных телефонов не было. Перец попытался отобрать трубку у одного из застывших в трансе сотрудников, молодого парня в рабочем комбинезоне, но тот сейчас же ожил, завизжал и принялся лягаться, и тогда все остальные зашкали, замахали руками, а кто-то истерически крикнул: «Безобразия! Вызовите стражу!»

— Где моя трубка? — кричал Перец. — Я такой же человек, как и вы, я имею право знать! Дайте мне послушать! Дайте мне мою трубку!

Его вытлкали и заперли за ним двери. Он добрался до самого последнего этажа, где у входа на чердак, рядом с механическим отделением никогда не работающего лифта, сидели за столиком два дежурных механика и играли в крестики-нолики. Перец, задыхаясь, прислонился к стене. Механики поглядели на него, рассеянно ему улыбнулись и снова склонились над бумагой.

— У вас тоже нет своей трубки? — спросил Перец.
— Есть, — сказал один из механиков. — Как не быть? До этого мы еще не дошли.

— А что же вы не слушаете?
— А ничего не слышно, чего слушать-то?
— Почему не слышно?
— А мы провода перерезали.

Перец скомканным платком обтер лицо и шею, подождал, пока один механик выиграл у другого, и спустился вниз. В коридорах стало шумно. Двери распахивались, сотрудники выходили покурить. Жужжали оживленные, возбужденные, взволнованные голоса. «Я же вам достоверно говорю: эскимо изобрели эскимосы. Что? Но в конце концов я просто читал в одной книге. А вы сами не слышите созвучия? Эс-ки-мос. Эс-ки-мо. Что?..» — «Я смотрел в каталоге Ивера: сто пятьдесят тысяч франков, и это в пятьдесят шестом году. Представляете, сколько она стоит сегодня?» — «Странные сигареты какие-то. Говорят, теперь табак в сигареты не кладут вовсе, а берут специальную бумагу, крошат ее и пропитывают никотином...» — «От томатов тоже бывает рак. От томатов, от трубки, от яиц, от шелковых перчаток...» — «Как вы спали? Представьте, я всю ночь не мог заснуть: непрерывно грохочет эта баба. Слышите? И вот так всю ночь...» — «Здравствуй, Перец! А говорят, вы уехали... Молодец, что остались...» — «Нашли наконец вора, помни, вещи все пропадали? Так это оказался дискобол из парка, знаете, статуя у фонтана. У него еще на ноге написано неприлично...» — «Перчик, будь другом, дай пять монет до получки, до завтра то есть...» — «А он за нею не ухаживал. Она сама на него бросалась. Прямо при муже. Вот вы не верите, а я своими глазами видел...»

Перец спустился в свой кабинет, поздоровался с Кимом и умылся. Ким не работал. Он сидел, покойно положив руки на стол, и смотрел на кафельную стену. Перец снял чехол с «мерседеса», воткнул вилку и выжидательно оглянулся на Кима.

— Нельзя сегодня работать, — сказал Ким. — Какой-то болван ходит и все чинит. Сижу и не знаю, что теперь делать.

Тут Перец заметил на своем столе записку. «Перцу. Доводим до сведения, что ваш телефон находится в кабинете 771». Подпись неразборчива. Перец вздохнул.

— Нечего тебе вздыхать, — сказал Ким. — Надо бы на работу вовремя приходиться.

— Я же не знал, — сказал Перец. — Я уехать сегодня намеревался.

— Сам виноват, — сухо сказал Ким.

— Все равно я немножко послушал. И ты знаешь, Ким, я ничего не понял. Почему это так?

— Немножко послушал! Ты дурак. Ты идиот. Ты упустил такой случай, что мне даже говорить с тобой не хочется. Придется теперь знакомить тебя с директором. Просто из жалости.

— Познакомь, — сказал Перец. — Ты знаешь, — продолжал он, — иногда мне казалось, будто я что-то улавливаю, какие-то обрывки мыслей, по-моему, очень интересных, но вот сейчас я пытаюсь вспомнить — и ничего...

— А чей это был телефон?

— Я не знаю. Это там, где Домарощинер сидит.

— А-а... Правильно, она сейчас рождает. Не везет Домарощинеру. Возьмет новую сотрудницу, поработает она у него полгода и рождать... Да, Перчик, тебе женская трубка попала. Так что я даже не знаю, чем

тебе помочь... Попряд вообще никто не слушает, женщины, наверное, тоже. Ведь директор обращается ко всем сразу, но одновременно и к каждому в отдельности. Понимаешь?

— Боюсь, что...

— Я, например, рекомендую слушать так. Разверни речь директора в одну строку, избегай знаков препинания, и выбирай слова случайным образом, мысленно бросая кости домино. Тогда, если половинки костей совпадают, слово принимается и выписывается на отдельном листе. Если не совпадают, слово временно отвергается, но остается в строке. Там есть еще некоторые тонкости, связанные с частотой гласных и согласных, но это уже эффект второго порядка. Понимаешь?

— Нет, — сказал Перец. — То есть да. Жалко, я не знал этого метода. И что же он сказал сегодня?

— Это не единственный метод. Есть еще, например, метод спирали с переменным ходом. Этот метод довольно груб, но если речь идет только о хозяйственно-экономических проблемах, то он очень удобен, потому что прост. Есть метод Стивенсон-заде, но он требует электронных приспособлений... Так что, пожалуй, лучше всего метод домино, а в частных случаях, когда словарь специализирован и ограничен, — метод спирали.

— Спасибо, — сказал Перец. — А о чем сегодня директор говорил?

— Что значит — о чем?

— Как?.. Ну... о чем? Ну что он сказал?

— Кому?

— Кому? Ну тебе, например.

— К сожалению, я не могу тебе об этом рассказать. Это закрытый материал, а ты все-таки, Перчик, внешний сотрудник. Так что ты не сердись.

— Нет, я не сержусь, — сказал Перец. — Я только хотел бы узнать... Он говорил что-то о лесе, о свободе воли... Я давеча камушки бросал в обрыв, ну просто так, без всякой цели, так он и об этом что-то говорил.

— Ты мне этого не рассказывай, — сказал Ким нервно. — Это меня не касается. Да и тебя тоже, раз это была не твоя трубка.

— Ну подожди, о лесе он что-нибудь говорил?

— Ким пожал плечами.

— Ну, естественно. Он никогда ни о чем другом и не говорит. И давай прекратим этот разговор. Расскажи лучше, как ты уезжал.

Перец рассказал.

— Зря ты его все время обыгрываешь, — сказал Ким задумчиво.

— Я ничего не могу сделать. Я ведь довольно сильный шахматист, а он просто любитель... И потом он играет как-то странно...

— Это неважно. Я бы на твоём месте как следует подумал. Вообще ты мне что-то не нравишься в последнее время... Доносы на тебя пишут... Знаешь что, завтра я тебе устрою свидание с директором. Пойди к нему и решительно объяснись. Я думаю, он тебя отпустит. Ты только подчеркни, что ты лингвист, филолог, что попал сюда случайно, упомяни как бы между прочим, что очень хотел попасть в лес, а теперь раздумал, потому что считаешь себя некомпетентным.

— Хорошо.

Они помолчали. Перец представил себя лицом к лицу с директором и ужаснулся. Метод домино, подумал он: Стивенсон-заде...

— И главное, не стесняйся плакать, — сказал Ким. — Он это любит.

Перец вскочил и взволнованно прошелся по комнате.

— Господи, — сказал он. — Хоть бы знать, как он выглядит. Какой он.

— Какой? Невысокого роста, рыжеватый...

— Домарощинер говорил, что он настоящий великан.

— Домарощинер дурак. Хвостун и враль. Директор — рыжеватый человек, полный, на правой щеке небольшой шрам. Когда ходит, слегка косолапит, как моряк. Собственно, он и есть бывший моряк.

— А Тузик говорил, что он сухопарый и носит длинные волосы, потому что у него нет одного уха.

— Это какой еще Тузик?

— Шофер, я же тебе рассказывал...

Ким желчно засмеялся.

— Откуда же шофер Тузик может все это знать? Слушай, Перчик, нельзя же быть таким доверчивым.

— Тузик говорил, что был у него шофером и несколько раз его видел.

— Ну и что? Врет, вероятно. Я был у него личным секретарем, а не видел его ни разу.

— Кого?

— Директора. Я долго был у него секретарем, пока не защитил диссертацию.

— И ни разу его не видел?

— Ну, естественно! Ты воображаешь, это так просто?

— Подожди, откуда же ты знаешь, что он рыжеватый и так далее?

Ким покачал головой.

— Перчик, — сказал он ласково. — Душенька. Никто никогда не видел атома водорода, но все знают, что

у него есть одна электронная оболочка определенных характеристик и ядро, состоящее в простейшем случае из одного протона.

— Это верно, — сказал Перец вяло. Он чувствовал, что устал. — Значит, я его завтра увижу.

— Нет уж, ты спроси меня что-нибудь полегче, — сказал Ким. — Я устрою тебе встречу, это я тебе гарантирую. А уж что ты там увидишь и кого — этого я не знаю. И что ты сам услышишь — я тоже не знаю. Ты ведь меня не спрашиваешь, отпустил тебя директор или нет, и правильно делаешь, что не спрашиваешь. Я ведь не могу этого знать, верно?

— Но это все-таки разные вещи, — сказал Перец.

— Одинаковые, Перчик, — сказал Ким.

— Я, наверное, кажусь очень бестолковым, — печально сказал Перец.

— Есть немножко.

— Просто я сегодня плохо спал.

— Нет, ты просто непрактичен. А почему ты, собственно, плохо спал?

Перец рассказал. И испугался. Добродушное лицо Кима вдруг налилось кровью, волосы взъерошились. Он зарычал, схватил телефонную трубку, бешено набрал номер и рявкнул:

— Комендант? Что это значит, комендант? Как вы смели выселить Переца? Ма-ал-чуть! Я вас не спрашиваю, что там у него кончилось, я вас спрашиваю, как вы смели выселить Переца? Что? Ма-ал-чуть! Вы не смеете! Что? Болтовня, вздор! Ма-ал-чуть! Я вас распотчу! Вместе с вашим Клавдий-Октавианом! Вы у меня сортиры чистить будете, вы у меня в лес поедете, в двадцать четыре часа, в шестьдесят минут! Что? Так... Так... Что? Так... Правильно. Это другой разговор. И белое самое лучшее... Это уж ваше дело. Хоть на улице... Что? Хорошо. Ладно. Ладно. Благодарю вас. Извините за беспокойство... Ну, естественно... Он положил трубку.

— Все в порядке, — сказал он. — Прекрасный все-таки человек. Иди отдыхай. Будешь жить у него в квартире, а он с семьей переселится в твой бывший номер, иначе он, к сожалению, не может... И не спорь, умоляю тебя, не спорь, это совершенно не наше с тобой дело. Он сам так решил. Иди, иди, это приказ. Я тебе еще позвоню насчет директора...

Перец, пошатываясь, вышел на улицу, постоял немного, шурясь от солнца, и отправился в парк искать свой чемодан. Он не сразу нашел его, потому что чемодан крепко держал в мускулистой руке прифронтанный вор-дискбол с неприличной надписью на левом бедре. Собственно, надпись не была такой уж неприличной. Там было химическим карандашом написано: «Девочки, бойтесь сифилиса».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

КАНДИД

Кандид вышел затемно, чтобы вернуться к обеду. До Выселок было километров десять, дорога была знакомая, хорошо утоптанная, вся в гольях проплешинах от пролитого травоя. Считалось, что ходить по ней было безопасно. Справа и слева лежали теплые бездонные болота, из ржавой, пахучей воды торчали сгнившие, черные ветки, округлыми блестящими куполами поднимались липкие шляпки гигантских болотных поганок, иногда возле самой дороги попадались покинутые, раздавленные дома водяных жуков. Что делается на болотах, с дороги увидеть было трудно: из плотного переплетения древесных крон над головами свешивались и уходили в топь торопливыми корнями мириады толстых зеленых колонн, канатов, зыбких, как паутина, нитей — жадная наглая зелень стояла стеной, похожей на туман, скрывала все, кроме звуков и запахов. Время от времени в желто-зеленом сумраке что-то обрывалось и с протяжным шумом падало, раздавался густой жирный всплеск, болото вздыхало, урчало, чавкало, и снова наступала тишина, а минутой спустя сквозь зеленую завесу на дорогу выбиралась утробная вонь потревоженной бездны. Говорили, что по этим бездонным местам человек пройти не может, но зато мертвяки ходят вездеход, на то они и мертвяки — не принимают их болото. На всякий случай Кандид выломал себе дубину, не потому, что боялся мертвяков, мертвяки мужчине, как правило, не опасны, но о лесной и болотной жизни ходили всякие слухи, и некоторые из них при всей своей нелепости могли оказаться верными.

Он отошел от деревни шагов на пятьсот, когда его нагнала Нава. Он остановился.

— Ты почему без меня ушел? — спросила Нава немного запыхавшимся голосом. — Я же тебе говорила, что я с тобой иду, я одна в этой деревне не останусь, нечего мне одной там делать, там меня никто и не любит, а ты мой муж, ты должен меня взять с собой, это еще ничего не значит, что у нас нет детей, все равно ты мой муж, а я твоя жена, а дети у нас с тобой еще появятся... Просто я честно тебе скажу: я пока еще не хочу детей, непонятно мне, зачем они и что мы с ними будем делать... Мало ли что там староста говорит или этот твой старец, у нас в деревне совсем не так было: кто хочет, у того дети, а кто не хочет, у того их и нет...

— А ну вернись домой,— сказал Кандид.— Откуда это ты взяла, что я ухажу? Я же на Выселки, я же к обеду буду дома...

— Вот и хорошо, вот я с тобой и пойду, а к обеду мы вместе вернемся, обед у меня со вчерашнего дня готов, я его так спрятала, что его даже этот твой старик не найдет...

Кандид пошел дальше. Спорить было бесполезно, пусть идет. Он даже повеселел, ему захотелось с кем-нибудь сцепиться, помахать дубиной, сорвать на ком-нибудь тоску, и злость, и бессилие, накопленные за сколько-то там лет. На ворах. Или на мертвяках — какая разница? Пусть девчонка идет. Также мне жена, детей она не хочет. Он размахнулся как следует, ахнул дубиной по сырой коряге у обочины и чуть не свалился: коряга распалась в труху, и дубина проскочила сквозь нее, как сквозь тень. Несколько юрких серых животных выскочили и, булькнув, скрылись в темной воде.

Нава скакала рядом, то забегая вперед, то отставая. Время от времени она брала Кандида за руку обеими руками и повисала на нем очень довольная. Она говорила об обеде, который так ловко спрятала от старца, о том, что обед могли бы съесть дикие муравьи, если бы она не сделала так, что муравьям до него в жизни не добраться, о том, что разбудила ее какая-то вредная муха и что когда она вчера засыпала, он, Молчун, уже храпел, а во сне бормотал непонятные слова, и откуда это ты такие слова знаешь, Молчун, просто удивительно, никто у нас в деревне таких слов не знает, один ты знаешь, и всегда знал, даже когда совсем больно было, и то знал...

Кандид слушал и не слушал, привычный нудный гул отдавался у него в мозгу, он шагал и тупо, многословно думал о том, почему он ни о чем не может думать, может, это от бесконечных прививок, которыми только и занимаются в деревне, когда не занимаются болтовней, а может, еще от чего-нибудь... Может быть, это сказывается весь дремотный, даже не первобытный, а попросту растительный образ жизни, который он ведет с тех незапамятных времен, когда вертолет на полной скорости влетел в невидимую преграду, перекопился, поломал винты и камнем рухнул в болота... Вот тогда меня, наверное, и выбросило из кабины, подумал он. Выбросило меня тогда из кабины, в тысячный раз подумал он. Ударило обо что-то головой, так я больше и не оправился... а если бы не выбросило, то я бы утонул в болоте вместе с машиной, так что это еще хорошо, что меня выбросило... Его вдруг осенило, что все это — умозаключения, и он обрадовался; ему казалось, что он давно потерял способность к умозаключениям и может твердить только одно: послезавтра, послезавтра...

Он глянул на Наву. Девчонка висела у него на левой руке, смотрела снизу вверх и азартно рассказывала: — Тут все они сбились в кучу, и стало страшно жарко, ты знаешь ведь, какие они горячие, а луны в ту ночь совсем не было. Тогда мама стала подталкивать меня тихоночку, и я проползла на четвереньках у всех под ногами, а мамы уж больше мне видеть не привелось...

— Нава,— сказал Кандид.— Опять ты мне эту историю рассказываешь. Ты мне ее уже двести раз рассказывала.

— Ну так и что же? — сказала Нава, удивившись.— Ты какой-то странный, Молчун. Что же мне тебе еще рассказывать? Я больше ничего не помню и не знаю. Не стану же я тебе рассказывать, как мы с тобой на прошлой неделе рыли погреб, ты же это и сам все видел. Вот если бы я рыла погреб с кем-нибудь другим, с Колченогом, например, или с Болтуном... — Она вдруг оживилась.— А знаешь, Молчун, это даже интересно. Расскажи мне, как мы с тобой рыли погреб, мне еще никто об этом не рассказывал, потому что никто не видел...

Кандид опять отвлекся. Медленно покачиваясь, проплывали по сторонам желто-зеленые заросли, кто-то сопел и вздыхал в воде, с тонким воем пронесся рой мягких белесых жуков, из которых делают хмельные настойки, дорога под ногами то становилась мягкой от высокой травы, то жесткой от щебня и крошеного камня. Желтые, серые, зеленые пятна — взгляду не за что было зацепиться и нечего было запомнить. Потом тропка круто свернула влево, Кандид прошел еще несколько шагов и, вздрогнув, остановился. Нава замолчала на полуслове.

У дороги, головой в болоте, лежал большой мертвяк. Руки и ноги его были распопырены и неприятно вывернуты, и он был совершенно неподвижен. Он лежал на смятой, пожелтевшей от жара траве, бледный, широкий, и даже издала было видно, как страшно его били. Он был как студень. Кандид осторожно обошел его стороной. Ему стало тревожно. Бой произошел совсем недавно: примятые, пожелтевшие травинки на глазах распрямлялись. Кандид внимательно оглядел дорогу. Следов было много, но он в них ничего не понимал, а дорога впереди, совсем близко, делала новый поворот, и, что было за поворотом, угадать он не мог. Нава все оглядывалась на мертвяка.

— Это не наши,— сказала она очень тихо.— Наши так не умеют. Кулак все грозит, но он тоже не умеет, только руками размахивает... И на Выселках

так тоже не умеют... Молчун, давай вернемся, а? Вдруг это уроды? Говорят, они тут ходят, редко, но ходят. Давай лучше вернемся... И чего ты меня на Выселки повел? Что я, Выселок не видела, что ли?

Кандид разозлился. Да что же это такое? Сто раз он ходил по этой дороге и не встречал ничего, что стоило бы запомнить или обдумать. А вот теперь, когда завтра нужно уходить — даже не послезавтра, а завтра, наконец-то! — эта единственная безопасная дорога становится опасной... В Город-то можно пройти только через Выселки. Если в Город вообще можно пройти, если Город вообще существует, то дорога к нему ведет через Выселки.

Он вернулся к мертвяку. Он представил себе, как Колченог, Кулак и Хвост, непрерывно болтая, хвастаясь и грозясь, топчутся возле этого мертвяка, а потом, не переставая грозиться и хвастаясь, поворачивают от греха назад, в деревню. Он нагнулся и взял мертвяка за ноги, ноги были еще горячие, но уже не обжигали. Он рывком толкнул грузное тело в болото. Трясина чавкнула, засипела и подалась. Мертвяк исчез, по темной воде побежала и погасла рябь.

— Нава,— сказал Кандид.— Иди в деревню.

— Как же я пойду в деревню,— рассудительно сказала Нава,— если ты туда не пойдешь? Вот если бы ты тоже пошел в деревню...

— Перестань болтать,— сказал Кандид.— Сейчас же беги в деревню и жди меня. И ни с кем там не разговаривай.

— А ты?

— Я мужчина,— сказал Кандид,— мне никто ничего не сделает.

— Еще как сделают,— возразила Нава.— Я тебе говорю: вдруг это уроды? Им ведь все равно, мужчина, женщина, мертвяк, они тебя самого уродом сделают, будешь тут ходить, страшный, а ночью будешь к дереву прирастать... Как же я пойду, когда они, может быть, там, сзади?

— Никаких уродов на свете нет,— не очень уверенно сказал Кандид.— Вранье это все...

Он посмотрел назад. Там тоже был поворот, и, что было за этим поворотом, угадать он тоже не мог. Нава что-то говорила ему, много, быстро и шепотом, отчего становилось особенно неприятно. Он взял дубину поудобнее.

— Хорошо. Иди со мной. Только держись рядом, и, если я буду что-нибудь приказывать, сразу же выполняй. И молчи, закрой рот и молчи до самых Выселок. Пошли.

Молчать она, конечно, не умела. Она действительно держалась рядом, не забегала больше вперед и не отставала, но все время бормотала что-то себе под нос: сначала что-то про уродов, потом про погреб, потом про Колченога, как она с ним тут ходила и он ей сделал дудку... Они миновали опасный поворот, затем миновали еще один опасный поворот, и Кандид уже немного успокоился, когда из высокой травы, прямо из болота им навстречу молча вышли и остановились люди.

Ну вот, устало подумал Кандид. Как мне не везет. Мне же все время не везет. Он покосился на Наву. Нава трясла головой, лицо ее сморщилось.

— Ты меня им не отдавай, Молчун,— бормотала она.— Я не хочу с ними. Я хочу с тобой, не отдавай меня...

Он посмотрел на людей. Их было семеро — все мужчины, все заросшие до глаз и все с громадными суковатыми дубинами. Это были не здешние люди, и одеты они были не по-здешнему, совсем в другие растения. Это были воры.

— Ну так что же вы встали? — глубоко раскатыстым голосом сказал вожак.— Подходите, мы дурного не сделаем... Если бы вы были мертвяки, тогда, конечно, разговор был бы другой, да никакого разговора все бы и не было, приняли бы мы вас на сучки да на палочки, вот и весь был бы у нас с вами разговор... Куда направляетесь? На Выселки, я понимаю? Это можно, пожалуйста. Ты, папаша, ты себе иди. А дочку, конечно, нам оставь. Да не жалея, ей с нами лучше будет...

— Нет,— сказала Нава,— я к ним не хочу. Ты, Молчун, так и знай, я к ним не хочу, это же воры...

Воры засмеялись без всякой злобы, привычно.

— А может быть, нас обоих пропустите? — спросил Кандид.

— Нет,— сказал вожак,— обоих нельзя. Тут же кругом сейчас мертвяки, пропадет твоя дочка, подружка славной станет или еще какой-нибудь дрянью, а это нам ни к чему, да и тебе, папаша, ни к чему, сам подумай, если ты человек, а не мертвяк, а на мертвяка ты вроде не похож, хотя, конечно, и человек ты на вид странный...

— Она же еще девочка,— сказал Кандид,— зачем вам ее обижать?

Вожак удивился.

— Почему же обязательно обижать? Не век же она девочкой будет, придет время, станет женщиной, не славной там какой-нибудь подружкой, а женщиной...

— Это он все врет,— сказала Нава.— Ты ему, Молчун, не верь, ты что-нибудь делай скорей, раз сюда меня привел, а то они меня сейчас заберут, как Колченогову дочку забрали, с тех пор ее никто и не

видел, не хочу я к ним, я лучше этой славной подружкой стану... Смотри, какие они все дикие да тощие, у них и есть-то, наверное, нечего...

Кандид беспомощно огляделся, а потом в голову ему пришла мысль, показавшаяся ему очень удачной.

— Слушайте, люди,— сказал он просительно,— возьмите нас обоих.

Воры не спеша приблизились. Вожак внимательно оглядел Кандида с головы до ног.

— Нет,— сказал он.— Зачем ты нам такой нужен? Вы, деревенские, никуда не годитесь, отчаянности в вас нет, и живете вы непонятно зачем, вас приходи и голыми руками бери. Не нужен ты нам, папаша, говоришь ты как-то не так, как все, неизвестно, что ты за человек, иди ты себе на Выселки, а дочку нам оставь.

Кандид глубоко вздохнул, взял дубину обеими руками и сказал Наве негромко:

— Ну, Нава, беги! Беги, не оглядывайся, я их задержу.

Глупо, подумал он. Надо же, до чего глупо. Он вспомнил мертвяка, лежащего головой в темной воде, похожего на студень, и поднял дубину над головой.

— Эй-эй! — кричал вожак. Все семеро, толкаясь и оскальзываясь, гурьбой кинулись вперед. Несколько секунд Кандид еще слышал дробный стук Навиных пяток, а потом ему стало не до этого. Ему было страшно и стыдно, но очень скоро страх прошел, потому что неожиданно выяснилось, что единственным стоящим бойцом из воров был вожак. Отбивая его удары, Кандид видел, как остальные, угрожающе и бессмысленно мотая дубинами, задевая друг друга, шатаются от собственных богатырских размахов и часто останавливаются, чтобы поплевать на ладони. Один вдруг отчаянно завопил: «Тону!» — и с шумом обрушился в болото, двое сразу бросили дубины и принялись его тащить, но вожак наседавал, крикая и притопывая, пока Кандид случайно не угодил ему по коленной чашечке. Вожак уронил дубину, зашипел и присел на корточки. Кандид отскочил.

Двое воров тащили тонущего из болота. Тот увяз основательно, лицо его посинело. Вожак сидел на корточках и озабоченно осматривал ушиб. Остальные трое воров, подняв дубины, толпились у него за спиной и тоже рассматривали ушиб через его голову.

— Дурак ты, папаша,— сказал вожак укоризненно.— Разве же так можно, долбня ты деревенская. И откуда ты только такой взялся... Выгоды своей ты не понимаешь, дерево ты стоеросовое, твердое...

Больше Кандид ждать не стал. Он повернулся и со всех ног пустился бежать за Навой. Воры кричали ему вслед сердито и насмешливо, вожак гукал и взреывал: «А держи его! Держи!» Они за ним не гнались, и Кандиду это не понравилось. Он испытывал разочарование и досаду и на бегу пытался сообразить, как же эти неуклюжие, неповоротливые и незлые люди могут наводить ужас на деревню, а еще каким-то образом уничтожать мертвяков — бойцов ловких и беспощадных.

Скоро он увидел Наву: девчонка скакала богами в тридцати впереди, твердо ударяя в землю босыми пятками. Он увидел, как она скрылась за поворотом и вдруг снова выскочила — уже ему навстречу, замерла на мгновение и пустилась вбок, прямо через болото, прыгая с коряги на корягу, только брызги летели. У Кандида замерло сердце.

— Стой! — заорал он, задыхаясь.— С ума сошла! Стой!

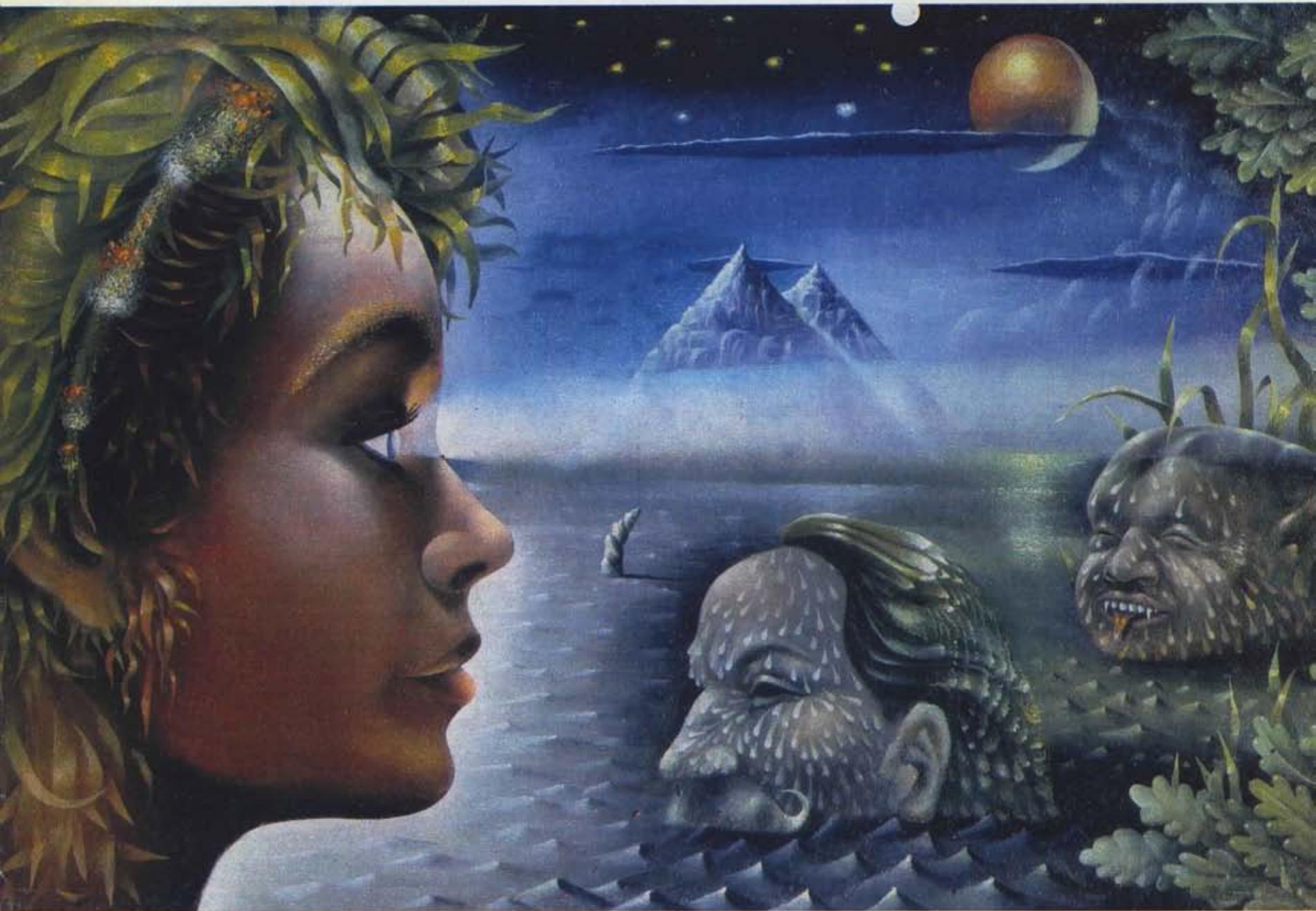
Нава тотчас же остановилась и, ухватившись за свисающую лиану, повернулась к нему. А он увидел, как из-за поворота ему навстречу вышли еще трое воров и тоже остановились, глядя то на него, то на Наву.

— Молчун! — пронзительно закричала Нава.— Ты их бей и сюда беги! Ты здесь не утонешь, не бойся! Бей их, бей! Палкой бей! Гу-гу-гу! О-го-го их!

— Ты вот что,— сказал один из воров заботливо.— Ты там держись, ты там не кричи, а держись, а то свалишься, тащи тебя потом...

Сзади тяжело затопали и тоже закричали: «Гу-гу-гу!» Трое впереди ждали. Тогда Кандид, ухватив дубину за концы и выставив ее перед собой поперек груди, с разбегу налетел на них, повалив всех троих, и упал сам. Он сильно ушибился об кого-то, но сейчас же вскочил. Перед глазами у него все плыло. Кто-то снова испуганно вопил: «Тону!» Кто-то сунул бородастым лицом, и Кандид ударил его дубиной, не глядя. Дубина переломила. Кандид бросил обломок и прыгнул в болото.

Коряга ушла из-под ног, он едва не сорвался, но сейчас же перескочил на следующую и пошел грузно прыгать с коряги на корягу, разбрасывая вонючую, черную грязь. Нава победно верещала и свистела ему навстречу. Позади гудели сердитые голоса. «Что же вы, руки дырявые, корявые?» — «А сам что, скажи, пожалуйста?» — «Упустили мы девочку, пропадет девочка теперь...» — «Да обезумел же человек, дерется!» — «Одежду на мне порвал, надо же, какая одежда была, цены ей не было, одежде моей, а он порвал, и даже это не он мне порвал, а ты мне ее порвал...» — «Хватит вам разговоры разговаривать, в самом деле, догонять нужно, а не разговоры разго-

варивать... Видите, они бегут, а вы разговоры разговариваете!» — «А сам что, скажи, пожалуйста?» — «Ногу он мне подбил, видите? Коленку мне повредил, и как он мне ее повредил, не понимаю, только это я размахнулся...» — «А Семиглазый где? Ребята, а Семиглазый-то тонет!» — «Тонет! И верно, тонет... Семиглазый тонет, а они разговоры разговаривают!»

Кандид остановился возле Навы, тоже ухватился за лианы и, тяжело дыша, слушал и смотрел, как странные люди, сгрудившись на дороге, размахивая руками, тащат из болота за ногу и за голову своего Семиглазого. Слышались бульканье и храп. Впрочем, двое воров, оцупывая трясину дубинками, уже шли к Кандиду по колено в черной жиже. Коряги они обходили. И опять все наврали, подумал Кандид. Болото вброд можно перейти, а говорили, будто другого пути, кроме дороги, нет. Ворами пугали, тоже мне, нашли кем пугать... Нава потянула его за руку.

— Пошли, Молчун,— сказала она.— Чего ты стоишь? Пошли скорей... Или, может, ты еще хочешь подраться? Тогда погоди, я тебе палку подходящую найду, ты тогда вот этих двух побей, а другие, наверное, испугаются. Хотя если они не испугаются, то они тебя, я думаю, одолеют, потому что ты ведь один, а их... раз... два... три... четыре...

— А куда идти? — спросил Кандид.— На Выселки мы попадем?

— Попадем, наверное,— сказала Нава.— Я не знаю, почему нам на Выселки не попасть...

— Тогда иди впереди,— сказал Кандид. Он уже немного отдышался.— Показывай, куда идти.

Нава легко запрыгала в лес, в чащу, в зеленое марево зарослей.

— Я вообще-то не знаю, куда нам идти и как,— говорила она на бегу.— Но я тут уже один раз была, а может быть, даже не один, а больше. Мы тут с Колченогом ходили, когда тебя еще не было... Или нет, был уже, только ты тогда еще без памяти ходил, ничего не соображал, говорить не мог, смотрел на всех, как рыба, потом тебя мне отдали, я тебя и выходила, да только ты не помнишь, наверное, ничего... Кандид прыгал за нею, стараясь держать правильное дыхание и ступать след в след. Время от времени он оглядывался. Воры были недалеко.

— А с Колченогом мы сюда ходили,— продолжала Нава,— когда у Кулака воры жену увели, Колченогову

дочку. Он тогда все время меня с собой брал, обменять хотел, что ли, а может быть, хотел взять себе вместо дочки, вот и ходил со мной в лес, потому что очень без дочки убивался...

Лианы липли к рукам, хлестали по лицу, омертвевшие клубки их цеплялись за одежду и путались в ногах. Сверху сыпались мусор и насекомые, иногда какие-то тяжелые бесформенные массы оседали, проваливались вниз в путанице зелени и раскачивались над самой головой. То справа, то слева сквозь завесу лиан просвечивали клейкие лиловые гроздья — не то грибы, не то плоды, не то гнезда какой-то мерзости.

— Колченог говорил, что тут где-то одна деревня есть...— Нава говорила на бегу легко, как будто и не бежала вовсе, а валялась на своей постели: сразу было видно, что она не здешняя, здешние бегать не умели.— Не наша деревня и не Выселки, какая-то другая, название Колченог мне говорил, да я забыла, все-таки это давно было, тебя еще не было... или нет, ты уже был, только ничего не соображал, и еще тебя мне не отдали... А ты, когда бежишь, ты ртом дышишь, ты зря носом дышишь, и разговаривать еще хорошо при этом, а то так ты скоро запыхаешься, тут еще долго бежать, мы еще мимо ос не пробежали, вот где нам быстро бежать придется, хотя, может быть, с тех пор осы оттуда ушли... Это той самой деревни осы были, а в той деревне, Колченог говорит, вроде бы людей уже давно нет, там уже Одержание, говорит, произошло, так что людей совсем не осталось... Нет, Молчун, это я вру, это он про другую деревню говорил...

Кандид перешел на второе дыхание, бежать стало легче. Теперь они были в самой гуще, в самых зарослях. Так глубоко Кандид забирался только один раз, когда попытался оседлать мертвяка, чтобы добраться на нем до его хозяев, мертвяк понес галопом, он был раскаленный, как кипящий чайник, и Кандид в конце концов потерял сознание от боли и сорвался с него в грязь. Он долго потом мучился ожогами на ладонях и на груди...

Становилось все темнее. Неба уже не было видно совсем, духота усиливалась. Зато становилось все меньше открытой воды, появились могучие заросли красного и белого моха. Мох был мягкий, прохладный и сильно пружинил, ступать по нему было приятно.

— Давай... отдохнем... — просипел Кандид.
— Нет, что ты, Молчун,— сказала Нава.— Здесь

нам отдыхать нельзя. От этого моха надо поскорее подальше, это мох опасный. Колченог говорил, что это и не мох вовсе, это животное такое лежит, вроде паука, ты на нем заснешь и больше уже никогда не проснешься, вот какой это мох, пусть на нем воры отдыхают, только они, наверное, знают, что нельзя, а то было бы хорошо.

Она посмотрела на Кандида и все-таки перешла на шаг. Кандид дотронулся до ближайшего дерева, привалился к нему спиной, затылком, всей тяжестью и закрыл глаза. Ему очень хотелось сесть, упасть, но он боялся. Он твердил про себя: ведь наверняка же врут и про мох врут. Но все-таки он боялся. Сердце билось как бешеное, ног словно бы и не было вовсе, а легкие лопались и болезненно растекались в груди при каждом вдохе, и весь мир был скользкий и соленый от пота.

— А если они нас догонят? — услышал он словно сквозь вату голос Навы.— Что мы будем делать, Молчун, когда они нас догонят? Что-то ты совсем никуда не годный стал, ты ведь, наверное, драться больше не сможешь, а?

Он хотел сказать: смогу, но только пошевелил губами. Воров он больше не боялся. Он вообще больше ничего не боялся. Он боялся только пошевелиться и боялся лечь в мох. Все-таки это был лес, что бы там они ни ввали, это был лес, это-то он помнил хорошо, этого он не забывал никогда, даже когда забывал все остальное.

— Вот у тебя даже и палки теперь нет,— говорила Нава.— Поискать, что ли, тебе палку, Молчун? Поискать?

— Нет,— пробормотал он.— Не надо... Тяжелая...

Он открыл глаза и прислушался. Воры были близко, слышно было, как они пыхтят и топают в зарослях, и в этом топоте не чувствовалось никакой бойкости,— воров тоже было тяжело.

— Пошли дальше,— сказал Кандид.
Они миновали полосу белого опасного моха, потом полосу красного опасного моха, снова началось мокрое болото с неподвижной густой водой, по которой пластались исполинские бледные цветы с неприятным мясным запахом, а из каждого цветка выглядывало серое крапчатое животное и провожало их глазами на стебельках.

Продолжение следует.

Александр БОЙКО

СЕРДЦА ЧЕТЫРЕХ

В первом материале («Смена» № 10, 1988 г.) рассказывалось об исследовании сердца и сосудов Пенсионера, Журналиста, Служащего и Рабочего. Пенсионера обошел всех своих конкурентов, его показатели здоровья соответствовали состоянию тридцатилетнего мужчины, занимающегося спортом. Последние девятнадцать лет Пенсионера через день пробегает по десять километров. Причем в трусах и майке и — круглый год.

Хорошо, скажет читатель, Пенсионера молодец, но ведь многие люди бегать, как он, не желают. К тому же и Пенсионера не всю жизнь занимался физкультурой, по крайней мере до 35—45 можно не заниматься, а там видно будет. Что ж, давайте посмотрим, чем может похвалиться в смысле здоровья среднестатистический мужчина 35—45 лет.

Прежде всего влияет ли профессия мужчины на состояние его сердца и сосудов? Несомненно. Не так давно в Англии обнародовали перечень из тридцати пяти профессий, выстроенных по принципу уменьшения стрессовых ситуаций, оцененных по десятибалльной системе.

На первом месте оказался шахтер (8,3 балла), на последнем — библиотекарь (2,2 балла).

Мы тоже выбрали для обследования представителей разных профессий. В числе первых — Летчик гражданской авиации, в середине списка — Дипломат, почти в конце — Программист.

Итак, сердца четырех, исследования — по той же схеме.

Где начинается и где заканчивается благословенная молодость? «Молодой человек» — сколько ему лет? 18? 20? 24? Всемирная организация здравоохранения, обобщая опыт врачей мира, пришла к выводу: молодость — это возраст от 24 до 44 лет. До 44 лет! Может ли этот возраст уже быть в числе факторов риска?

Давайте мысленно прикинем хронологию жизни типичного представителя мужского пола. До 21 года — служба в армии. Еще 4—5 лет — обучение в вузе или совершенствование в своей профессии. В это же время (или чуть позже) — женитьба, семья, дети, приработки. Значит, напряженный режим всего дня, а может, и не одного года. Надо обзаводиться хозяйством, прирабатывать для постройки дома или кооперативной квартиры, для приобретения автомобиля. Что же необходимо для осуществления естественного желания жить лучше? Здоровье!

В свое время академик Д. Чеботарев особо подчеркивал: «Организм начинает стареть вскоре после тридцати, этот возраст особенно тревожный». Действительно, в это время о здоровье никто не задумывается и редко удерживается от соблазнов.

40 лет — золотой возраст. Зрелому мужчине все под силу. Если в армии

в мирное время в таком возрасте, бывает, присваивают звание генерала, то в гражданской жизни назначают директором завода.

45. По градации Всемирной организации здравоохранения, только на один год превышен возраст молодости. Мужчина полон сил, энергии, замыслов.

У нас почему-то мало публикуется таблиц и графиков, где наглядно показывается начало этапа возникновения сердечно-сосудистых заболеваний и повышенной смертности. И все-таки есть основания думать, что этот этап начинается именно в возрасте расцвета.

В свое время наши славные женщины дворовой поиздевались над призывом демографа Б. Урланиса: «Берегите мужчин!» Конечно, нам, мужчинам, было приятно: о нас помнят (хотя и ругают) и будут беречь, а значит, мы нужны. И мы пили, курили, не делали зарядку и обростали животами, но, выполняя последний долг на очередных похоронах преждевременно усопшего друга, еще не думали, что рискуем вскоре последовать за ним. Мы были твердо уверены: колокол звонит не по нам. И поговорка «Кто не курит и не пьет, тот здоровеньким умрет» по-прежнему оставалась популярной в наших рядах, значительно поредевших за последние десятилетия... И это тоже не случайно. Многие закономерности этого печального процесса продолжают выявляться.

Можно весьма условно допустить, что средний возраст возникновения инфаркта и инсульта — около сорока лет и старше. Но беда в том, что инфаркты случаются и в 20 лет...

В некоторых зарубежных клиниках после обстоятельного анализа различных параметров здоровья и дурных привычек врачи уже способны предположить, сколько лет осталось жить пациенту. Например, закончив обследование, доктор говорит: «Вы можете продлить свою жизнь еще на четыре года, если сделаете срочные изменения в питании. При отказе от курения вы можете себе добавить еще пять лет».

Интересно, не правда ли? Этакий торг за собственную жизнь. А вот и ее цена, хотите прожить больше — пожалуйста, платите. Например, отказавшись от водки, но взамен приобретя гантели. Не хотите — по-прежнему стойте в очередях за спиртным.

Медицинская статистика — сверхсовременная наука, ее данные давно необходимо публиковать в массовой печати. Но пока нас информируют очень скупо. Вот, например, согласно данным социолога М. Тольца, для женщин, вышедших замуж в 22 года за мужчин 24 лет (без учета разводов), вероятность овдоветь увеличилась на 17 процентов (а для их мужей по сравнению с прошлым веком на 17 процентов эта вероятность снизилась). Огромное количество мужчин раньше определенного срока

уходит из жизни... По данным Института социологических исследований АН СССР, 40 процентов разведенных женщин не могут устроить свою жизнь из-за нехватки женихов. Значительная часть одиноких женщин — вдовы! После сорока лет их больше, чем женщин, никогда не вступавших в брак, а к пятидесяти годам становится больше, чем разведенных. Мужчины действительно оказываются в дефиците. И так же, как есть дефицитные размеры обуви и одежды, есть и дефицитный возраст...

Не повод ли это для раздумий двадцатилетним?

И снова о факторах риска. В нашем случае трое из четверых обследованных курят. По официальным данным, в СССР курят 70 миллионов — каждый четвертый!

Многие ли читатели обратили внимание на статью в «Правде» 13 мая 1987 года, где есть такая очень грустная фраза: «Еще до конца пятилетки в нашей стране свыше миллиона людей умрет от рака легких, а это означает — от курения». Эти слова принадлежат министру здравоохранения СССР Е. И. Чазову. Министр вынужден предусматривать смерть своих сограждан, якобы не способных отказаться от смертельно опасной привычки.

О вреде курения наш журнал писал довольно много. И мы рады, что в 1988 году будет разработана государственная программа по борьбе с курением. Но пока это произойдет, напомним некоторые закономерности, доказанные медстатистикой.

Инфаркт миокарда поражает курильщиков в 12 раз чаще, особенно в период, когда возраст приближается к 40 годам. Из молодых людей (в возрасте до 35 лет!), поступивших с острым инфарктом миокарда, 80 процентов курили со школьной скамьи. Случаи внезапной смерти от острого инфаркта у мужчин моложе 40 лет связаны с курением. Стенокардия у курильщиков встречается в 13 раз чаще, а приступы стенокардии, приводящие к внезапной гибели, у курящих бывают в 4—5 раз чаще, чем у некурящих. 90 процентов больных, перенесших инфаркт в возрасте моложе 40 лет, — курильщики. 98 процентов регулярно употребляющих алкоголь еще и злостные курильщики. Это не соседство, а возможное взаимодействие! Курение вкупе с алкоголем — жесточайший удар по организму.

По данным Института профилактической кардиологии, 15 процентов смертей от сердечно-сосудистых заболеваний и 25 процентов скоропостижных смертей спровоцированы алкоголем.

Фактор риска — гиподинамия (недостаток движения). В тесте, по которому исследовалась физическая активность у нашей четверки, были вопросы: сколько раз в неделю вы делаете за-

рядку? Сколько часов в день уходит на сидение? На стояние? Сколько минут мы тратим на дорогу на работу и обратно — пешком?

Из нашей четверки только Пенсионера начал просчитывать это в уме, а трое, люди (моложе в два раза) крайне занятые, удивились: когда в наше-то время можно стоять?

Многие кардиологи утверждают: нет средства, равного физкультуре по силе воздействия на организм! Ни одно из медицинских средств, как бы дорого и эффективно оно ни было, не сравнится с движением, за которое платить не надо. Даром — беги, даром — плыви, катайся на велосипеде.

Не потому ли многие люди среднего, старшего и пожилого возраста начинают отчаянно бегать, как бы рассчитываясь с самими собой за упущения молодости?

Что на этот счет могут сказать нам данные, полученные при обследовании сердец Программиста, Летчика, Дипломата и Пенсионера?

Данные Пенсионера восьмидесяти лет хотя и не столь великолепны, как в примере с М. М. Котляровым, но весьма впечатляют в сравнении с данными работающих мужчин 35—45 лет. Вернувшись с войны с тяжелой контузией, Пенсионера, восстанавливая себя, решил ходить на работу пешком. Работа находилась в четырех километрах от дома, и за день их набиралось восемь. Начиная с 1946 года (опять же, думая о здоровье) он стал ходить в турпоходы. И водит группы ежегодно уже сорок лет. Давайте прикинем его физическую нагрузку: шесть дней умножим на восемь километров, получится сорок восемь километров, плюс тридцать километров в воскресенье.

А что можно сказать о Программисте (35 лет), которого врачи сняли с велоэргометра, записав страшную для его возраста фразу: «Нагрузка прекращена в связи с гипертонической реакцией»? Стыд и позор! Сидит в кресле, крутит педали, а давление подскочило аж до 195 миллиметров!

Избыточный вес плюс курение — вот причина.

Та же запись у Дипломата: «Масса тела повышена, артериальная гипертония...» То же пишут Летчику: «Масса тела повышена, артериальная гипертония...» А мы ведь никого специально не подбирали, взяли, как говорится, с улицы.

Врачи настоятельно советуют: увеличьте физическую активность. Движение — наиболее «рентабельное средство» избавления от факторов риска.

Десять лет назад во Франции прошли первые спортивные игры врачей. Впервые они сами попробовали свои силы в двадцати видах спорта. Но главное внимание 1200 специалистов из 33 стран сосредоточили на теме «Спорт и 40 лет». Объединив теорию докладов и практику соревнований, врачи заявили: «Те, кому за сорок, должны заниматься физкультурой не от случая к случаю, а систематически. При прочих равных условиях лучше выглядят и здоровее себя чувствуют те, кто начал заниматься физическими упражнениями до сорока лет».

Сорок лет — удивительный возраст. Это расцвет творческой зрелости.

Сорок лет — опасный возраст. Еще не ощущаются годы, и кажется, что так будет вечно...

Как тут не привести слова, сказанные Генеральным директором ВОЗ, доктором Х. Малером: «Каждый может стать вестником здоровья. Весть, какую ему необходимо донести до всех, заключается в следующем: борьба за здоровье — это единственный вид состязания, в котором каждый выигрывает».

НОВЫЕ НЕДОВОЛЬНЫЕ

Продолжение. Начало на 4-й стр.

Любил спорт (не так, чтобы очень, но сильные, ловкие всегда вызывали уважение).

Страшно аккуратен. На столе порядок. В шкафу порядок. Когда приходит в гости, сразу снимает ботинки и идет в носках. «Да у нас никто не разувавается!» Отвечает: «Мне так просторнее, пусть ноги отдохнут...» И сразу — в носках — к книжному шкафу, долго изучает корешки книг.

Память хорошая. Любит детективы и французские кинокомедии. Включает телевизор в 21.00, даже если не смотрит программу «Время».

Очень любит надеть джинсы и «что-то модное» и пройтись вечером по «стрипу» — оживленной, вечерней улице.

Пьет слабый чай. Хорошо усвоил заповедь: «Тащи все в дом, в хозяйстве все пригодится».

Слово «собрание» уже в детстве стало обладать необычным воздействием на его сознание, почти гипноз. Жестикуляция мягкая, но в речах — настырный пафос. Речи — газетные штампы 70-х (см. примечания).

Всегда озабочен тем, как бы «прокачать» (см. примечания) товарища по работе. Даже не из злобности, на всякий случай.

Активен в борьбе за возможность вывезти делегацию за рубеж по линии КМО или «Спутника».

Нынче плохо спит и часто принимает спотворное, несмотря на то, что еще нет и... сорока.

ПРИМЕЧАНИЯ:

«В те времена...» — наука только сейчас приступила к изучению, в какие все-таки конкретно?

Почин — бросание всех сразу в одну сторону, затем — медленное возвращение обратно.

Газетные штампы 70-х... что-то типа: «Загнивающий Запад... Толпы безработных на набережной Темзы, заслоняющие стальные, холодные воды угрюмой реки...» или: «Нелегкая судьба опять загнала меня в Париж, город контрастов!.. Бастуют мурорщики!.. Опять сырая, дождливая погода!.. И это в самый канун радостного новогоднего праздника!..» и пр., и пр.

«Прокатить» — например, заранее договориться и во время выборов на руководящую должность проголосовать за тихого и удобного, нежели за умного, но требовательного и бескомпромиссного...

АНКЕТИРОВАНИЕ — НАЧАЛО

Один из комсомольских вожakov Киевского политехнического института был бодр. Он крепко сидел за столом, морщил лоб и смотрел с отеческим прищуром на молоденького студента, присевшего перед столом на краешек стула. Видно было, что вожак строго сочувствует молоденькому студенту...

Я... («Здравствуйте. Корреспондент журнала «Смена». Мне бы хотелось...»)

— Вы что, не видите, я занят.

— Вам должны были позвонить из горкома комсомола...

— Мне никто не звонил.

— А секретарь комитета?..

— Я ж сказал, МНЕ-НИК-ТО-НЕ-ЗВОНИЛ. Я занят. Подойдите через полчаса.

Да я бы подошел и через полчаса. И через час. Несмотря на его тон. Несмотря на его вселенскую монументальность. И даже несмотря на его умение «послать к чертовой матери» — одними глазами. Я бы, честное слово, подчи-

нил. Но — «вчера». Когда приходилось подчиняться. Когда вторая — подчиняющаяся — натура была сильнее первой, протестующей. А точнее, — когда вторая была первой и казалось, что так навсегда. А вот сейчас подчиняться не захотелось. Этому голосу. Тону. Лицу. И (может быть, глупо?) захотелось уйти из этого кабинета, из этого института, чтобы не видеть это лицо и не слышать этот голос. Глупо? Возможно, глупо. Возможно даже, что он, вожак (товарищ вожак), был действительно занят и его отчески-комсомольская ласка позарез была нужна молоденькому студенту, но все равно захотелось повернуться и уйти. И дело не в амбициях и дело не в деле, которое привело меня в политех и которое я «хоронил». Проблема в этих вожачках, к которым ты вынужден идти, как к власти (молодой, но уже власти), потому что так заведено. Проблема в их лицах и голосах, и еще в том, что иногда просто не хватает сил и наглости ответить силе и наглости. А можно как-то по-другому?.. Короче, я ушел из политеха.

А дело было в общем-то простое: мне нужна была любая группа студентов, чтобы они коротко ответили на вопрос из небольшой анкеты. Вопрос этот посоветовал вписать Александр Пилипенко (см. примечания), когда прочел анкету и сразу уловил ее суть. Вопрос такой: СКОЛЬКО, ПО-ВАШЕМУ, ЧЕЛОВЕК РАБОТАЕТ В РАЙКОМЕ КОМСОМОЛА? (см. примечания). Как выяснилось, Пилипенко предложил этот вопрос не случайно, точно предугадав ответы и ту нужную грань, которую они помогли высветлить в интересующей меня проблеме.

Студенты (две учебные группы — 40 человек) Киевского института инженеров гражданской авиации (я попал к ним на следующий после политеха день), которым был предложен вопрос, оказались в полной растерянности. Называли цифры «60», «150», «20—40», «Минимум сотня». И только два ответа оказались более или менее точными. Кто-то написал «8—10 человек» и еще кто-то — «5—7 человек». («Кто-то» — потому что анкетирование было анонимным.) Попалось и такое мнение: «Не знаю наверняка, но то, что их больше, чем нужно, это уж точно».

В тот же день мне удалось «прокрутить» анкету не только в КИИГА, но и на журфаке КГУ (группа студентов-старшекурсников), в СГТУ № 42 (учебная группа) и в школе № 100 (один из старших классов). Среди вопросов был и такой: НАЗОВИТЕ КИНОФИЛЬМ, СПЕКТАКЛЬ, ГДЕ ПРАВДИВО РАССКАЗАНО О КОМСОМОЛЬСКОМ РАБОТНИКЕ.

Больше половины молодых людей вообще не смогли ответить на этот вопрос. А самыми популярными фильмами оказались «Молодая гвардия» и «Как закалялась сталь». Несколько раз упоминался спектакль театра-студии под руководством Олега Табакова «Кресло» (см. примечания), но, думаю, только потому, что его как раз в то время показали по телевидению. Ни одного современного кинофильма названо не было.

Лично я усмотрел прямую взаимосвязь между ответами на первый («Пилипенковский») и второй вопросы. Но это своеобразное анкетирование только начиналось...

ПРИМЕЧАНИЯ:

Александр Пилипенко — о нем читай ниже, в главе «Портрет реальный».

Сколько человек работает в райкоме комсомола? Для примера привожу список ответчиков аппарата

Жовтневого РК ЛКСМ Украины (г. Киев):

1. Первый — Алла Баранова, 1959 года рождения.

2. Второй — Андрей Дудко, 1960 года рождения.

3. Секретарь — зав. отделом учащейся молодежи — Ирина Сурина, 1962 года рождения.

4. Зав. отделом комсомольских организаций — Валентин Шеветовский, 1963 года рождения.

5. Зав. отделом спортивной и оборонно-массовой работы — Роберт Кукуляк, 1960 года рождения.

6. И. о. зав. сектором учета — Людмила Колисных, 1960 года рождения.

7. Инструктор — Олег Мирошниченко, 1964 года рождения.

8. Инструктор — Артур Севрюков, 1963 года рождения.

9. Референт — Людмила Коваленко, 1962 года рождения.

10. Комсорг по группе школ — Людмила Чалайдюк, 1962 года рождения.

«Кресло» — спектакль поставлен Олегом Табаковым. В основе постановки — повесть Юрия Полякова «ЧП районного масштаба».

ПОРТРЕТ РЕАЛЬНЫЙ

«А при чем здесь комсомол?» Этот вопрос я задавал себе постоянно во время пребывания в Киеве. Вопрос этот, если сформулировать его жестче и яснее — место комсомола в обществе, в перестройке, — на самом деле самый важный и актуальный. Он занимает и секретарей киевских райкомов, над ним ломают голову и на секретариатах ЦК ВЛКСМ. Именно на этот вопрос делово и пространно отвечал мне второй секретарь Киевского горкома комсомола Александр Пилипенко, который совсем не вдруг стал главным героем этого материала.

Получилось так, что он вначале отнесся ко мне сдержанно, подчеркивая ограниченность времени «на разговоры»: «Что имеем, то и покажем». Нехватка времени (у руководящих работников) стала уже расхожим штампом многих публикаций, но Пилипенко (и ничего тут не поделаешь) отвечал этой заштампованной фразе не формой («У него были усталые, пронизательные глаза... Непрестанно звонили телефоны, и он успевал... Знакомо?), не холодной формой, а содержанием и наполнял ее совершенно завидным смыслом. «Купил» он меня сразу. Сначала я услышал, как он говорит с людьми: исключительно по делу, умея двумя-тремя фразами обрисовать контур проблемы и тут же предложить несколько вариантов ее разрешения. Потом я увидел, как ранним утром он отправился встречать армию «спартаковцев», которые приехали на матч «Спартак» — «Динамо» (Киев), и перевел дух где-то в первом часу ночи, успев перекусить один раз за день. (Потом уже газеты писали, что киевляне сработали отлично, принимая спартаковских болельщиков. И во многом — это заслуга Киевского ГК ЛКСМ.)

Еще Александр Пилипенко умел подшутить (и над собой тоже) и искренне рассмеяться в ответ на шутку. К тому же он обладает той замечательной внутренней энергетической силой, которая цепляет собеседника и неназойливо держит в поле личностного притяжения, заставляя слушать и при этом не уставать, не испытывать отрицательных эмоций. (Знаете, бывает: поговорил с человеком, и... страшная усталость, внутреннее опустошение, раздражение. А отчего, непонятно.) Еще чувствовалось, что «прогибаться» (см. примечания) он не привык и повторять свое указание дважды не любит, очень ценя слова и время.

Десять лет назад он окончил Киевский университет (радиофизик). С

1980-го — зам. секретаря комитета комсомола завода «Арсенал» имени В. И. Ленина. Затем — секретарь Печерского РК ЛКСМ Украины. Потом — зав. отделом комсомольских организаций горкома. Секретарем его избрали в декабре 1985 года.

И — это тоже дополнило его образ — когда Александр приезжал в Москву, он привез (по моей просьбе, так как я забыл об этом в Киеве) характеристику, которую ему выдал... заоквандский компьютер. Характеристика «написана» машиной на основе теста. Привожу ее почти полностью. А следом — выдержки из характеристики официальной. Выводы...

ИЗ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ (КОМПЬЮТЕРНОЙ): «Развиты сообразительность, понимание абстракции. Быстро обучается. Свойственны напористость, властность, самоуверенность, требовательность к окружающим. Агрессивно отстаивает свои права на самостоятельность. Обладает довольно устойчивыми моральными принципами, чувством долга, сознательностью. В поведении стремится руководствоваться общепринятыми нормами. Проявляет добросовестность. Присущи недоверчивость, подозрительность, осторожность к людям. Может проявлять завистливость и ревнивость, есть склонность к соперничеству. Неплохо развиты воображение и фантазия. Есть расположенность к мечтательности, увлеченности своими идеями. Временами не обращает внимания на повседневные обязанности и заботы (в семье... А. К.)... Безразлично воспринимает замечания и порицания. Характерны радикализм, спокойное восприятие новых идей и взглядов, склонен к экспериментированию...»

ИЗ ХАРАКТЕРИСТИКИ (НЕКОМПЬЮТЕРНОЙ): «За время работы проявил себя творческим, инициативным работником. Обладает хорошими организаторскими способностями... Тов. Пилипенко А. А. присущи такие качества, как принципиальность и высокая требовательность, твердость и настойчивость в осуществлении намеченного, умение выделить главное в работе, принять смелое решение. По характеру общительный, обладает аналитическим складом ума, эрудирован, много читает, регулярно занимается спортом. В быту ведет себя скромно, хороший семьянин...»

Остается сравнить две характеристики и сделать выводы. Для чего? Да хотя бы для того, чтобы убедиться в наблюдательности и объективности «компьютерной головы», а заодно понять, что, отвечая на вопросы теста, Пилипенко был искренен и предельно честен. (Многим этот же компьютер «строчил»: НА ВОПРОСЫ ОТВЕЧАЛИ НЕИСКРЕННЕ.) Но, что бы там ни было, когда проходили выборы первого секретаря горкома комсомола г. Киева, Александр Пилипенко не получил нужного количества голосов. Я ничего не собираюсь «пояснять» этим фактом, «намекать» и «бросать тень на плетень» Сергея Шаловалова, избранного большинством голосов первым секретарем горкома. (Его я, к сожалению, не застал. Во время моей командировки он находился в Москве на учебе в Академии общественных наук при ЦК КПСС. А когда я вернулся в Москву, он уехал в Киев.) Нет во взаимоотношениях «первого» и «второго» никаких сложностей. Я просто констатирую факт из нашей удивительной, непредсказуемой жизни. Факт, который еще раз доказывает, что она стала гласной. А я так и понимаю гласность — точное изложение имевших место фактов.

ПРИМЕЧАНИЯ:

«Прогибаться» — подстраиваться, пристраиваться, исполнять любой, даже дурацкий, приказ, не задумываясь над его смыслом и целесообразностью.

ИТОГИ КОНКУРСА

«ЗНАЙ СВОЮ РОДИНУ»

«Над заданиями конкурса «К 70-летию Советских Вооруженных Сил» мне пришлось поработать в течение нескольких месяцев. За это время я пролистал, наверное, всевозможные справочные издания, вплоть до военно-исторических журналов довоенной поры, — пишет один из лауреатов конкурса, многолетний читатель «Смены» и неперемный участник турниров эрудитов, ветеран Великой Отечественной войны, подполковник запаса **А. Торгов** из г. Фрунзе. — Особенно долго искал десять заповедей **А. В. Суворова**, прошедшие путь от знаменитой «Науки побеждать» до первой служебной «Книжки красноармейца». Очень нелегко было установить кинематографический факт биографии легендарного кавалериста **Л. М. Доватора**. Мне, бывшему кадровому военному, удалось узнать много нового, интересного и неожиданного. И я с удовольствием делюсь этой редкой информацией с коллегами, друзьями, рассказываю о героическом прошлом наших Вооруженных Сил своим детям и внукам».

Интересная информация, наверное, нечасто лежит на поверхности, она добывается немалым трудом и терпением. Многие участники конкурса удовлетворились, например, упоминанием в титрах фильма «Александр Невский» фамилии комбрига **К. Калмыкова**. Но он выступал в нем в качестве консультанта. Нас же интересовал эпизод фильма, в котором снимался **Л. М. Доватор**, дублировавший в конных съемках актера **Н. Черкасова**. Он же, кстати, в ту пору майор, слушатель Военной академии имени **М. В. Фрунзе**, и поставил этот эпизод.

Итак, абсолютными победителями конкурса, кроме **А. Торгова**, признаны: **К. Плисов** из Саратова, **В. Корнеев** из Первоуральска Свердловской области, **В. Салтыков** из поселка Игрим Березовского района Тюменской области, **А. Созыкина** из Челябинска. Им будут высланы книги, почетные призы ДОСААФ, дипломы «Смены».

Книги и дипломы ДОСААФ и журнала «Смена» получат также призеры турнира эрудитов: **Т. Тимошенко** из г. Борисова Минской области, **В. Тарабурин** из поселка Печенга Мурманской области, **Н. Захарова** из Новосибирска, **А. Обрезков** из села Садовое Сарпинского района Калмыцкой АССР, **С. Лазарев** из Москвы, **В. Обуховский** из Воронежа, **Ю. Виноградов** из Тернополя, знатоки из политического клуба «Глобус» г. Старобельска Ворошиловградской области, **В. Сергиенко** из Минска, **В. Витченко** из Чернигова, **А. Поздняков** из Рязани, **С. Шлыков** из г. Балахна Горьковской области, **Г. Милюков** из Воронежа, **Н. Данильченко** из Днепрпетровска, **А. Драчев** из г. Красноармейска Донецкой области, **С. Четверикова** из Геленджика, **Н. Чернуха** из пос. Видяево Мурманской области, **Н. Кондратьева** из Новосибирска, **Н. Панарский** из г. Приозерска Дзержкаганской области, **В. Ника-**

норов из г. Фрязино Московской области, **М. Пехарева** из Риги, **Н. Шацкий** из Ленинграда, **Ф. Моренец** из г. Жданова, **В. Смелов** из г. Горького, семья **Демешиных** из Тюмени, **К. Киливник** из Днепрпетровска, **Д. Аминов** из города Северодонецка Ворошиловградской области, **М. Сердюк** из Томска, **А. Замятина** и **Г. Пузырев** из села Мужы Тюменской области, **В. и Г. Амелины** из Ленинграда, **В. Самков** из г. Дзержинска Горьковской области, **Ш. Хусанов** из города Денау Сурхандарьинской области, **М. Лобанов** из Ферганы, **В. Копцев** из Киева, **Н. Новиков** из пгт Копьево Красноярского края, **Л. Шафнер** из Оренбурга, **Н. Панченко** из Красноярска, **С. Грубский** из Хабаровска, **О. Швецова** из Нововятска Кировской области.

Мы поздравляем победителей, а всем участникам конкурса желаем успеха в наших будущих творческих турнирах.

Приводим ответы на вопросы:

1. Прообразом современной воинской награды были монеты. На Руси XI века существовал обычай награждать за военные подвиги особым знаком отличия — золотой, серебряной или бронзовой шейной гривной, изготовленной в виде обруча для ношения на шее.

2. В конце 1918 года **В. И. Ленин**, **Я. М. Свердлов** и **Н. И. Подвойским** была утверждена первая служебная «Книжка красноармейца», в которую вошли десять суворовских заповедей из его «Науки побеждать».

3. Указом Президиума Верховного Совета СССР погоны для личного состава Красной Армии были введены с 6 января 1943 года. По мере развития Вооруженных Сил воинские звания уточнялись и частично изменялись. В 1942—1943 годах была проведена унификация воинских званий и установлены единые персональные звания, символом которых и явились погоны.

4. Первым из иностранных граждан за подвиг, совершенный в войне с немецко-фашистскими захватчиками, звания Героя Советского Союза был удостоен командир роты 1-го отдельного Чехословацкого батальона надпоручик **Отакар Ярош** (посмертно). За время Великой Отечественной этого звания удостоились еще 14 граждан иностранных государств.

5. **Л. М. Доватор**.

6. Приказом Народного Комиссариата по военным делам от 3 августа 1918 года была введена первая официальная боевая награда Советского государства — ордена знамена революции. Орден Александра Невского, учрежденный 29 июня 1942 года, имел своим прообразом аналогичный орден, введенный в воинское обращение Петром I — оба ордена служили для награждения офицерского состава, тогда как Георгиевский крест и орден Славы, имевшие несколько степеней — от низшей к высшей, предназначены были для рядового и сержантского состава (унтер-офицеров).

7. Первым запечатлел на худо-

жественном полотне штурм Измаила русский пейзажист и баталист **Михаил Матвеевич Иванов** (1748—1823), состоявший при главной действующей армии во время русско-турецкой войны 1787—1791 годов в звании квартирмейстера и в чине премьер-майора.

8. Впервые вопросы построения регулярного войска и его ритмичного движения были подняты в Древнем Египте во времена Нового Царства. Движение левой ноги вперед, кроме сохранения ритма строя, придавало пращникам и лучникам также дополнительную устойчивость.

9. Деление на военные округа в России существует с 1862 года. Первоначально их было четыре, а возглавлял военное министерство тогда **Д. А. Милютин**.

10. Контр-адмирал **Г. И. Холостяков**.

11. Переходы через Сиваш в гражданскую и Великую Отечественную войны связаны с именем рыбака из деревни Строгановка **И. И. Оленчука**. Он был проводником наших войск через Гнилое море в 1920 и 1943 годах.

12. Первая в военной истории высадка с воздуха была предпринята весной 1929 года. В осажденный басмачами город Гарм в Таджикистане высадились группа вооруженных красноармейцев и при поддержке местного населения разгромила банду, вторгшуюся из-за границы.

13. Инициатором идеи о ведении широкой пропаганды военных знаний в масштабах страны является **В. И. Ленин**, а первой добровольной организацией нашей страны было Военно-научное общество, образованное в 1920 году.

14. На проходившем в феврале 1956 года XX съезде КПСС была подчеркнута решающая роль технического прогресса для роста промышленного производства и укрепления обороноспособности страны. В том же году с призывом широко развернуть подготовку кадров массовых технических профессий во всех первичных организациях ДОСААФ выступили представители нижнетагильского Уралвагонзавода.

Называем основные источники, откуда читателями могли быть взяты правильные ответы:

50 лет Вооруженных Сил СССР. М., Воениздат, 1968; 100 вопросов — 100 ответов: Об армии, авиации и флоте. М., Молодая гвардия, 1986; Советская военная энциклопедия в 8 томах. М., Воениздат, 1978; **А. Василевский**. Дело всей жизни. М., Воениздат, 1984; Герои Советского Союза: историко-статистический очерк. М., Воениздат, 1984; **В. Садовень**. Русские художники-баталисты XVIII—XIX вв. М., Искусство, 1955; **Е. Разин**. История военного искусства. М., Воениздат, 1961; **Г. Холостяков**. Вечный огонь. М., Воениздат, 1976; Детская энциклопедия. М., Просвещение, 1969; **И. Прусанов**, **В. И. Ленин** о защите социалистического Отечества. М., ДОСААФ, 1970.

ЧИТАЙТЕ
В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ:

Может ли
быть ЗИЛ
на уровне
мировых стандартов?
Очерк.

Короткие
рассказы
Юрия Нагибина.

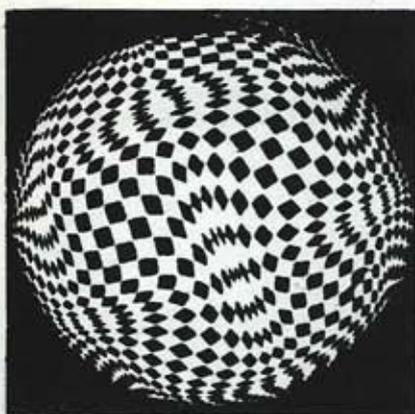
Михаил Булгаков.
Силуэты.

Магнитные бури
и здоровье
человека.

«Скорпионс»
на берегах Невы.

Уважаемые товарищи!
В течение года
вы можете выписать
журнал в любом
почтовом отделении,
в агентстве
«Союзпечати»
до 1-го числа
предподписного месяца.
В розницу «Смена»
поступает
в ограниченном
количестве.

30-я шахматная олимпиада

Под редакцией гроссмейстера Виктора Чепижного

ПАРАД МИНИАТЮР

Г. ЗАХОДЯКИН
1962 г.

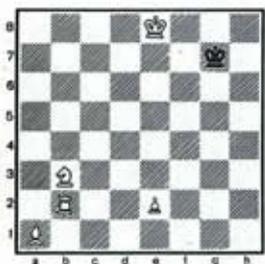
Мат в 5 ходов

1. Сb3! Лh2+ 2. Кра 3 Лh3 3. Лeе3! с5 4. Сс4 Лh3 5. Лg8x. Два последовательных скрытых развязывания не связанной еще ладьи g3. Особенно красив ход 3. Лeе3! с избыточным развязыванием! В противном случае черные разрушат матовую сеть путем Лh3!

ОДИННАДЦАТЫЙ ТУР

Белые: Крh8, Лg5, Кс6, п. h4 (4)
Черные: Крh6, Сс8, п. h7 (3)
Мат в 5 ходов (4 балла)

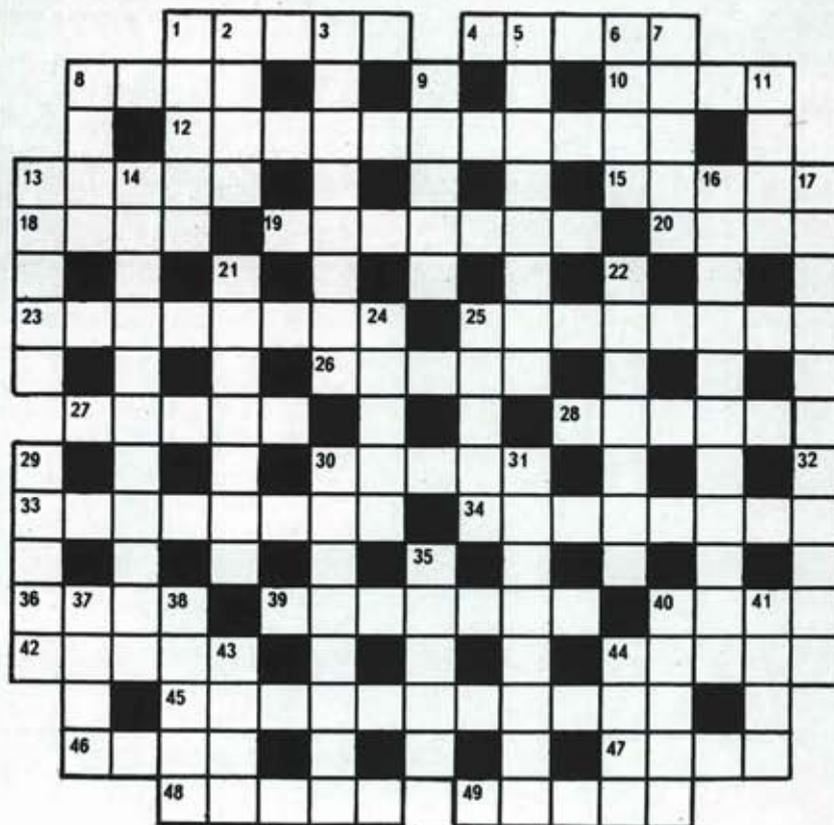

Белые: Кре8, Лb2, Са1, Кb3, п. e2 (5)
Черные: Крг7 (1)
Мат в 5 ходов (5 баллов)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «30-я шахматная олимпиада. 11-й тур». Последний срок посылки ответов (по почтовому штемпелю) — 15 июля.

КРОССВОРД

Составил И. Видяев. Москва

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Меховой мешочек для согревания женских рук. 4. Градоначальник Константинополя в эпоху Византийской империи. 8. Транспортные средства, следовавшие в прежние времена за армией. 10. Английский изобретатель, построивший первую целиком металлическую паровую машину. 12. Летчик, первый Герой Советского Союза. 13. Самый знаменитый из французских сыщиков. 15. Пожитки. 18. Кинжажу, полоскун, ракоед (общее название). 19. Режиссер, известный по фильмам «Человек с ружьем», «Рассказы о Ленине», «Ленин в Польше». 20. Река в Читинской области. 23. Группа снимков с воздуха, приведенных к одному масштабу. 25. Газоразрядный прибор, по действию схожий с реле. 26. Отрицательный полюс аккумулятора. 27. Каждый из героев популярной оперетты И. Дунаевского. 28. Одна из наших птиц, способных имитировать человеческие слова. 30. Единственный ху-

дожник, чьи работы при жизни выставили в Лувре. 33. Оружие, экспрессивно упомянутое в поэме Н. Гумилева «Капитаны». 34. Профессия Чиклина в повести А. Платонова «Котлован». 36. Наклонная площадка для подъема на берег небольших судов. 39. Австралийское животное, у которого общая с китами модель черепа. 40. Домашнее животное, съевшее в шведском опыте 422 растения из предложенных 583-х. 42. Американский луговой волк, которого способна прогнать самка оленя-прыгуна, защищая оленят. 44. Осетинский поэт. 45. «...с медвежьей охоты» — одна из трех картин, за которые Н. Сверчкову жюри Всемирной выставки 1863 года присудило орден Почетного легиона. 46. Европейское дерево, пригодное для изготовления музыкальных инструментов. 47. Северо-западное название озерной рыбки (еще одно название — вандыш). 48. Черта на металлической заготовке. 49. Не всё.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Метательный снаряд. 2. Проток в дельте Амударьи и Сырдарьи. 3. Старинная игра с шашками и костями. 5. Сельскохозяйственный препарат, название которого в переводе с латинского значит «зараза убийственная». 6. Вулкан в Колумбии. 7. Японское трехстишие. 8. Сельская постройка для сушки снопов. 9. «Душа» парусника. 11. Французский социолог и криминалист XIX века. 13. Место постройки корабля. 14. Писатель, названный академиком Д. Лихачевым в числе четырех лучших русских философов. 16. Героиня стихотворения О. Манделштама «Соломинка». 17. Одно из прежних названий шахматной ладьи. 21. Буква греческого алфавита. 22. Один из двух знаменитых итальянских художников, встречу которых в Ватикане изобразил

Орас Верне. 24. Тревожные удары в колокол. 25. Самоцвет, каким оказался знаменитый алмаз «Браганца», украшающий корону Португалии. 29. Такт в работе двигателя внутреннего сгорания. 30. Спортсмен. 31. Место заготовки древесины. 32. Самый дешевый, но и самый вредный способ транспортировки древесины. 35. Тюлень, которого в Испании называют морским псом. 37. Древнегреческий писатель, автор романа «Дафнис и Хлоя». 38. Пустослов в известной басне И. Крылова. 40. Время года, приезжающее, по славянской мифологии, на пегой кобыле. 41. У нас — копейка, в США — 43. Один из Каролинских островов. 44. Птица, способная в стае минут десять дремать на лету.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 12 (1466)

июнь 1988

Москва, издательство «Правда»

Главный редактор
Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:
Сергей БАБКИН
(заместитель главного редактора)
Борис ДАНОШЕВСКИЙ
(заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Альберт ЛИХАНОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Юрий РАГОЗИН
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Виталий ФЕДОРОВ
(главный художник)

Художник
Владимир ЗАЙЦЕВ
Технический редактор
Марина БАЙКОВА

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
212-21-38 — коммунистического воспитания,
212-23-79 — фотоочерка,
212-21-38 — военно-спортивный,
251-32-84 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописные страницы) редакцией не рассматриваются.

Издательство «Правда»
«Смена», 1988 г.

Сдано в набор 04.05.88.
Подписано к печати 18.05.88.
А 10357. Формат 70×108½.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 21,7.
Тираж 2 000 000 экз.
Заказ № 2425.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ТЕАТР ПРИЧЕСКИ

«Театр современной прически», созданный в Киеве при молодежном парикмахерском салоне, каждую неделю показывает свою вечернюю программу. Об этом своеобразном коллективе вы прочтете в следующем номере «Смены», где будет опубликовано окончание материала А. Кучерова «Новые недовольные...»

